

Чертовщина в Американском посольстве
в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова

ПОПУЛЯРНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Леонид Паршин
**Чертовщина
в Американском
посольстве в Москве,
или 13 загадок
МИХАИЛА
БУЛГАКОВА**

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДНЕВНИКИ.
МЕМУАРЫ.
СВИДЕТЕЛЬСТВА

«ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА» ОСНОВАНА В 1987 ГОДУ

Леонид Паршин

Чертовщина
в Американском
посольстве в Москве,
или 13 загадок
Михаила Булгакова

Москва
Издательство «Книжная палата»
1991

ББК 84Р7
П189

Предисловие *А. Вулиса*
Художник *Е. Воронцова*

В книге использованы фотографии из Отдела Рукописей Библиотеки им. Ленина и Музея архитектуры им. Щусева, а также К. В. Никитина, Н. А. Ушаковой и автора

Паршин Л. К.

П189 Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова.— М.: Изд-во «Кн. палата», 1991.— (Попул. б-ка).— 208 с.
ISBN 5-7000-0299-Х

Книга, выходящая в год столетия Михаила Булгакова, содержит малоизвестные материалы о жизни и творчестве писателя. В первую очередь, это подробная беседа с первой женой Булгакова Т. Н. Кисельгоф, а также другие очерки, в которых раскрываются загадки писателя и его произведений.

П $\frac{4702010201-053}{008(01)-91}$ Без объявл.

ББК 84Р7

ISBN 5-7000-0299-Х

© Л. Паршин, 1991
© Предисловие. А. Вулис, 1991
© Художественное оформление.
Е. Воронцова, 1991

АРХИВНЫЙ ДЕТЕКТИВ

На заметки свободной композиции не грех откликнуться тоже заметками — и тоже свободной композиции.

Не буду вдаваться в общетеоретические рассуждения: о том, как важны при воссоздании литературного процесса показания очевидцев, свидетелей, соучастников, о том, сколь велика ценность первоисточников, вещественных доказательств, улик, помогающих реконструировать подлинное лицо творческой личности,— по сему поводу наговорено за последнее время столько банальностей, что и высшая правда в этом контексте покажется перепевом сомнительных общих мест. Ясно одно: всякую попытку спасти от забвения мало-мальски достоверный исторический факт следует горячо приветствовать.

С такой точки зрения первый рассказ Л. Паршина представляет несомненный интерес для современного читателя — и, соответственно, издателя. Не говорю уже о литературоведческой науке и тому подобных олимпийских инстанциях. Исследователю (не побоюсь в данном случае столь обязывающего титула) удалось получить информацию поистине сенсационную: полную картину раннего булгаковского жития, увиденную глазами его первой жены Татьяны Николаевны Кисельгоф. Фрагменты ее воспоминаний появлялись время от времени то там, то здесь. Но фрагменты — даже вполне достоверные — констатировали факт или факты, оставляя в тени личность наблюдателя. И мы таким образом слышали только одну сторону диалога и не слышали, сколь ни парадоксально, как раз самого говорящего, рассказчика,— или, вернее, слышали, но воспринимали как некую механическую ипостась, как протокол, как бездушную фиксацию чужого голоса. Заслуга репортера Л. Паршина состоит в реабилитации рассказчика, в воскрешении обаятельной, умной, ироничной женщины Т. Н. Лаппа, сумевшей сохранить дистанцию между тем, что является и считается общечеловеческим, и тем, что претендует на такую честь, будучи по преимуществу узколитерарным.

Да, на мой взгляд, это — главное достижение Л. Паршина: он ввел в современное литературоведение (может быть, даже литературу) живой образ первой булгаковской жены — юной, непосредственной, заговаривающей. И поэтому, конечно, слово «репортер», только-только оброненное здесь по адресу Л. Паршина,— условный заменитель настоящего: «литератор»; произведение Л. Паршина — документ, но — одновременно —

оно еще и литература. И конечно же, наука. Этого нельзя не добавить, потому что, подавая голос, автор выказывает себя дотошным, придирчивым, взыскательным аналитиком.

Имея некоторый опыт работы с булгаковскими материалами и булгаковедческими концепциями, смею поручиться за следующие достоинства этой книги.

Первое. Л. Паршин превосходно знает материал, владеет сопоставительной технологией, благодаря чему умеет предлагать читателю (и науке) максимально убедительные версии тех или иных биографических, библиографических, а то и теоретических ситуаций; иначе говоря, сообщения Т. Н. Лаппа приобретают в его подаче (или интерпретации — если читателям спокойнее встретиться с таким определением паршинской работы) объективный академический вес.

Второе. Бесспорная заслуга Л. Паршина — преодоление легенд, густым туманом окутывающих булгаковское творчество (наследие, жите и т. п.); в таком плане мне представляется вполне убедительной полемика Л. Паршина с М. Чудаковой и с Л. Яновской — он высказывается решительно, резковато, но — по существу — всегда справедливо. И особенно симпатична мне атака на вымыслы Д. Гиреева.

Третье. Переняв у писательских вдов их определяющее качество — оппозиционность по отношению ко всем существующим оценочным системам (не вообще — а «ихнего» писателя), Л. Паршин корректен, и некоторые его пассажи представляются образцом уважительного отношения к чужим мнениям.

Четвертое. А если без обиняков — книга интересная, временами — захватывающая, побольше бы таких (что в издательстве «Книжная палата», что в иных издательствах); разговор интервьюера со «свидетельницей» перерастает подчас в драматическое действие, в пьесу «на двоих», развивающуюся по законам динамичного детектива; многократно приумножают значимость рукописи иллюстративные, биографические и библиографические материалы — проекции бытия Булгакова во времени, пространстве, «на людях» и в книгах.

Главный недостаток этого текста — именно избыточность предлагаемых нам фактических сведений, что может расцениваться как продолжение достоинств.

Вторую половину книги составляют остросюжетные литературоведческие детективы. И хотя этими эпитетами и этой жанровой характеристикой они как бы приведены к общему знаменателю, должен подчеркнуть: они очень разные во многих отношениях — по литературным достоинствам, по приему, по научной весомости материала, по достоверности. Но, будучи разными, они равны по интересности.

Прежде всего — исчисление барона Штейгера. Да и вообще весь рассказ о чертовщине в американском посольстве. Что тут сказать? Прделана виртуозная сыщицкая работа, достойная самых рискованных аналогий: пусть читатель сам подберет, кто ему больше по сердцу — Шерлок Холмс и другие деятели его круга (мсье Пуаро, патер Браун, инспектор Лосев) или пытливые следователи от науки: Шлиман, Шамполион, Кювье. Автор придирчиво изучает одну версию за другой, вдохновенно сочиняет гипотезы, взыскательно сортирует улики. Он копается

в архивах и старых газетах, он наслаждается пыльным запахом подшивок и сбивчивой скороговоркой (или невнятным бормотанием) свидетелей. В результате на свет является типично детективная разгадка типично детективной загадки в виде тождества: Майгель-Штейгер. Иначе говоря, у барона Майгеля из романа «Мастер и Маргарита» был вполне реальный прототип — барон Штейгер. Воздавая должное упорству Л. Паршина, я не могу, однако, отделаться от сложного чувства: зачем нагромождать горы математических выкладок там, где можно было бы обойтись простым арифметическим действием. А именно спросить хотя бы у меня: «А кто такой барон Майгель?» И я бы ответил со ссылкой на Елену Сергеевну Булгакову: «Барон Штайгель!» (Автор прав: Елена Сергеевна придерживалась именно такой транскрипции, или, точнее, такого произношения.) Полагаю, что этими сведениями наверняка располагали и другие собеседники булгаковской вдовы, не я один. Так что, условно говоря, Л. Паршин вполне мог бы заменить кругосветное путешествие последним визитом в соседнюю квартиру.

Спасибо ему, что он этого не сделал. Потому что читатель лишился бы тогда увлекательной повести. Ведь любой детектив легко аннулировать, коротко сообщив любопытствующим: «Труп, о котором вы узнали на первой странице, это Икс — жертва кровожадного Игрека, что неопровержимыми фактами обосновал сыщик Зет. Не будем тратить время на излишние подробности».

Выглядит убедительным и другое авторское допущение: о прототипической зависимости между акустическим Аркадием Аполлоновичем Семплеяровым, с одной стороны, и Авелем Енукидзе с его культуртрегерскими должностями, с другой. Что касается бала в американском посольстве, то его картины мне не кажутся столь уж уникальными; великий бал у сатаны со всеми своими цветовыми, звуковыми, живописными, гастрономическими эффектами имеет несчетное количество литературных аналогов: у Андерсена, Уайльда, Гофмана. И я не стал бы прямо выводить булгаковские описания из конкретного события. Л. Паршин прекрасно знает и на многих примерах сам показывает, что Булгаков черпал свои краски из разных источников, никогда не обрекая себя на один-единственный тюбик. У Булгакова всякий образ отсюда, и оттуда, и еще оттуда, и отовсюду.

И еще одна деталь, вызывающая на полемику. По мере углубления в улики, отыскиваемые Л. Паршиным, нарастает тревожное беспокойство: официальную аргументацию сталинских приговоров по делам Енукидзе или Ягоды он склонен временами принимать за объективную, так что Ежов, коего предшественник будто бы пытался отравить, уже чуть ли не на сочувствие напрашивается. Был ли Енукидзе распутником или нет — это ведь теорема, по-прежнему требующая доказательств. И вывод: раз Штейгера не реабилитировали в наши дни, значит, он и на самом деле был иностранным шпионом (пускай даже по совместительству), — этот вывод, по меньшей мере, скоропалителен. Штейгеру могли отказать в реабилитации по тысяче других причин: он оказался, скажем, растратчиком, растлителем малолетних, квартирным вором — и т. д. Пока не доказано, что он иностранный шпион, от подобных обвинений его охраняет презумпция невиновности. Хотя, разумеется, сей тип мне глубоко противен:

и как литературный персонаж, и как персонаж воспоминаний Елены Сергеевны, мерзкая личность, доносчик и провокатор.

Булгаковская география предстает в трактовке Л. Паршина романтической, нехоженой, остранинной. Б. Мягков и другие уже делились с читающей публикой своими краеведческими находками, и не раз. Автор очерка «Город Мастера» вновь ступил на эту тропу (или вошел в эту реку) и показал, что он умеет путешествовать *увлекательно* — точно так же, как умеет с захватывающим азартом идти по следу, анализировать, допытываться, постигать. Думаю, читателю безразлично, кто по отношению к булгаковской Москве Эрик Красный (открывший Америку чуть ли не в прошлом тысячелетии), а кто Христофор Колумб или, пуще того, Америго Веспуччи. Даже если Л. Паршин не во всех случаях первооткрыватель, то отличный повествователь он почти всегда, и, если уж он стучится в какую-нибудь дверь, можете быть уверены, без информационной добычи он с порога не уйдет.

Какие у меня претензии к Паршину-краеведу? Одна-единственная: зачем он напускает на себя шаманскую таинственность в таких ситуациях, когда она не нужна. Что «Дом Грибоедова» — это Дом Герцена, а Дом Герцена ассоциируется с Тверским бульваром, 25 — истина достаточно прозрачная даже для самого непросвещенного читателя (а книга Л. Паршина явно адресована читателю просвещенному). Или история взаимоотношений между Булгаковым, чаяновской повестью «Венедиктов», Наталией Абрамовной Ушаковой — этот столь часто повторявшийся в булгаковской литературе эпизод (грешен, я тоже пересказывал его в печати) имеет развлекательно-популяризаторский оттенок. Между тем, определяющая тональность книги такая: «Об этом здесь — впервые! Только у нас — и нигде более!» И по большей части эта тональность оправдывается содержанием. Зачем же предлагать вдруг читателю товар второй свежести?! Без специальных оговорок?!

Оправдываюсь за автора.

Восхитительная особенность его книги (а сперва — его зрения) — стереоскопичность. Даже то, что было известно до него и без него, приобретает под его взглядом завлекательную, интригующую глубину. Когда он сообщает вдруг, что у булгаковского друга театрального художника В. В. Дмитриева дочь родилась через девять месяцев после смерти мастера, день в день, и что эта эстафета душ была Михаилом Афанасьевичем предсказана, — невольно вздрагиваешь. А когда повествователь сообщает в придачу, что все мы ее еженедельно видим на экране телевизора — Анну Дмитриеву, спортивного комментатора, — испытываешь признательность к художнику, сумевшему столь красиво одарить свою героиню реальным, зримым, земным обликом.

Заключительные рассказы книги специфичны. Впечатление такое, будто повествователю наскучили будничные подробности булгаковского бытия и он переключился на замысел (и манеру) психоаналитической книги М. Зощенко «Перед восходом солнца». Эксперимент этот чрезвычайно любопытен. Одно дело — путешествия по дворам и улицам старой Москвы, и совсем другое — телепатический прорыв сквозь годы. Замысел, требующий особого аналитического такта и изощренного словесного искусства. Оказался ли Л. Паршин, что называется, на высоте поставленной

задачи? Однозначного ответа на мой вопрос не существует. Психоанализ с его уравнениями — это не алгебра и не арифметика (даже не математический анализ): в конце учебника не заглянешь. Но в психологической достоверности рассуждениям Л. Паршина не откажешь — или, по меньшей мере, в правдоподобию. Он субъективен? Но даже истина субъективна (хоть мы и вели подчас в приступе смирения к объективной).

Правоту авторского поиска подтверждает заключительный очерк: там он от ассоциаций (и чуть ли не галлюцинаций) переходит к документированному изучению булгаковского характера — весьма смелому на фоне всеобщих панегириков и, на мой взгляд, достаточно трезвому.

А теперь, в заключение, несколько слов о вышеупомянутой истине. Все-таки она бывает разной в зависимости от подачи, от использованных слов, от подразумеваемых интонаций — не говоря уже о фактах.

Пример — цитируемый по моей книге телефонный разговор Булгакова со Сталиным (вернее, Сталина с Булгаковым — но тут: с какой стороны посмотреть). Этот разговор выглядел в первоначальном тексте по-иному. А редакция, узнав, что версии диалога уже появлялись в печати, настояла на полной унификации текста: как было в другом месте, так должно быть и здесь. И унификация состоялась, а голос Елены Сергеевны, на которую я ссылался, исчез. Как она воспроизводила знаменитую ныне телефонную дуэль?

Звонок. Михаил Афанасьевич снимает трубку.

— Михаил Афанасьевич? Здравствуйте!

— Здравствуйте?!

— Здравствуйте! С вами Сталин говорит...

— Перестаньте шутить! (Или — «Бросьте разыгрывать!»)

— С вами Сталин говорит...

— Прекратите хулиганить, или я вынужден буду...

— С вами Сталин говорит...

Тут Михаил Афанасьевич внезапно осознает: симитировать можно что угодно: интонацию, речевую манеру, акцент, но беспросветное, прямолинейное упрямство, вездесущий «напролом» — не симитируешь. И он сдается в полной растерянности. А собеседник его сразу же берет быка за рога:

— Скажите, мы вам очень надоели?

— Простите, но я не...

— Хотите уехать за границу?

— Я думаю, Иосиф Виссарионович, место русского писателя — у себя на родине, в России; во всяком случае я так это понимаю.

— Правильно понимаете... Чем могу быть вам полезен? Какие у вас проблемы?

— Да вот, сижу без работы.

— Обращались куда-нибудь?

— Обращался в МХАТ... Безуспешно...

— Обратитесь еще раз...

— Так я уже обращался...

— Обратитесь еще раз!

Реплика повторяется вновь, но лаконизма ради я больше воспроизводить ее не буду...

Через пятнадцать минут прибежали дрожащие мхатовцы с необходимыми бумагами — Булгакову на подпись.

На этом устная новелла Елены Сергеевны заканчивалась, но при необходимости (допустим, при появлении нового собеседника) повторялась во всех деталях — словесных, интонационных, всяких. Мне могут возразить: существуют стенографические, дневниковые, магнитофонные записи рассказа. Возможно! Но мне (с учетом моего восприятия, моих вопросов, моего Я) она излагала свои воспоминания так, как я их только что произвел. В манере анекдота. Энергично. С легким акцентом. С пародийным подчеркиванием повторов. А редакторам такая трактовка писательского разговора с высшей властью не понравилась.

Вообще же, что с телефонного разговора возьмешь? А вдруг телефон испорчен, телефон искажает, телефон домысливает. Впрочем, широко говоря, всякие воспоминания — испорченный телефон. Особенно — устные. Особенно — интервью. Нужен незаурядный талант, чтобы вернуть их в лоно правды. Л. Паршин, кажется, этим талантом обладает.

А. Вулис

КАК ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА, И ЧТО В НЕЙ ОСОБЕННОГО

От автора

После выхода в свет романа Булгакова «Мастер и Маргарита» (1966) хлынул поток литературоведческой и мемуарной литературы. Вороша эту грудку материалов, я с удивлением обнаружил, что ранний период жизни и творчества писателя почти неизвестен и, как правило, сопровождается эпитетом «темный». Еще оставался закрытым архив Булгакова в «Ленинке», еще не открывался доступ к дневникам его третьей жены Елены Сергеевны, еще покоился в КГБ дневник самого Михаила Афанасьевича, а вопросы наседали один на другой: где жил? у кого бывал? куда ездил? о чем разговаривал? как писал?.. В таких ситуациях наиболее продуктивна работа с очевидцами, но прошло столько лет! Да и мотало Булгакова самым невообразимым образом: Киев — Саратов — Смоленск — Москва — Черновицы — Каменец-Подольский — Владикавказ... Беслан, Грозный, Батум, Тифлис, Никольское, Вязьма... Какие уж тут очевидцы! Хотя, один шанс был верный. Один. Из ста? Из тысячи?

Так появилась мечта найти первую жену Булгакова Татьяну Николаевну Кисельгоф. Слухи о ней распускали один страшнее другого: что она ведьма, никого не принимает, на письма не отвечает, где живет — неизвестно и вообще умерла. «Это все неспроста», — решил я и 6 мая 1981 года приехал к Татьяне Николаевне в Туапсе. Дверь квартиры открылась, я с замиранием сердца поздоровался и ватными ногами переступил порог. Два дня мне понадобилось, чтобы оправиться от испуга, а на третий мы уже хохотали, обменивались шутивными колкостями, и я получал ласковые подзатыльники за то, что плохо ел, хотя делал это очень добросовестно.

Мы решили записывать все. Все, что сохранила память (кстати, великолепная память) Татьяны Николаевны. Беседы я вел с крайней осторожностью, чтобы не спровоцировать собеседницу на додумывание тех обстоятельств, которых она не знает или уже не помнит. Да и сама она не была склонна к этому. Часто Татьяна Николаевна просто и коротко отвечала: «Понятия не имею», «Ничего не могу сказать». Я тут же отступал и после следующего эпизода снова начинал подбираться к этому же вопросу, но с другой стороны. Ясность ее памяти просто поражала. Татьяна Николаевна назвала более девятисот имен, адресов, названий и т. п. Мысленно я сверял ее рассказ с известными на тот момент биографическими фактами и архивными документами. Мысленно, чтобы никоим образом

не повлиять на свободу ее воспоминаний, сохранить чистоту материала. Именно поэтому ее комментарии к различным публикациям были записаны в самую последнюю очередь. За две недели ежедневной 10—12-часовой работы Татьяна Николаевна сбилась только пять раз, причем два раза запутал ее я сам.

Ее комментарии к булгаковедческим работам приводятся не полностью, а лишь фрагментами, вызвавшими дополнения, уточнения или опровержения. Неверно поэтому было бы считать, что она дает лишь негативные оценки.

Так появилась фонограмма объемом 31 час чистого звучания, с которой я сам, опасаясь небрежности стенографистки, сделал стенограмму с максимально возможной точностью (фиксировались даже междометия, оговорки и паузы). Стенограмма заняла 1064 рукописных страницы, 723 из которых мы вычитали и заверили у нотариуса. Остальные не успели. 10 апреля 1982 года Татьяна Николаевна Кисельгоф скончалась.

Воспоминания Т. Н. Кисельгоф, получившие название «Из семейной хроники Михаила Булгакова», открывают предлагаемую вниманию читателя книгу. В следующих за тем четырех очерках — «Чертовщина в Американском посольстве в Москве», «Город Мастера», «Не наш человек», «Михаил Булгаков и Николай Лямин» — раскрываются некоторые тайны и загадки творчества писателя, однако проку в том — никакого: падение одной загадки рождает три новых, и так, наверное, без конца.

В начальном списке их насчитывалось тринадцать, а к чему мы пришли — судите сами.

Все представленные в книге произведения были написаны в 1978—1985 годах, но публикация их стала возможной только теперь. Несмотря на это, «есть мнение», что новизна материалов несколько не снизилась, а может быть, даже возросла (хотя, конечно, обращение к булгаковедческим публикациям последних лет сделало бы книгу полнее).

К сожалению, в 1986 году публикуемые в книге работы и архивные материалы к ним были изъяты у меня при обыске как порнографические (так записано в протоколе) и уничтожены органами КГБ как «идеологически вредные, могущие нанести политический ущерб интересам нашей страны» (из письма заместителя прокурора г. Москвы от 17 июля 1990 г. № 13/8—6/88). Сохранить удалось лишь часть документов, поэтому ссылки на архив автора в определенных случаях «устарели».

Выражаю глубокую благодарность шефу Московского бюро газеты «Нью-Йорк Таймс» господину Биллу Келлеру, американцу, спасшему от уничтожения русскими частицу русской культуры.

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

*Посвящается памяти
Татьяны Николаевны Кисельгоф*

ПРЕДИСЛОВИЕ Т. Н. КИСЕЛЬГОФ¹

Я никогда не собиралась публиковать свои воспоминания. Этим и объясняется их отсутствие до настоящего времени. Они бы и не появились, если б не приехал ко мне будущий автор этой книги и не убедил меня в нужности этих воспоминаний. Больше всего меня убедило обилие пробелов, ошибок и даже измышлений в современной литературе о Михаиле Булгакове.

Я старалась дать побольше фактического материала, избегая суждений и предположений. Слишком часто нам приходится читать: «Булгаков не мог не знать...», «Булгаков должен был видеть...», «Булгаков не мог не читать...» Почему же? Очень даже мог. Да вы, вероятно, и по себе это знаете. Не стоит, мне кажется, делать таких натяжек. Надо быть бережливее к прошлому. В своих воспоминаниях и комментариях я постаралась уточнить то, что мне представляется ошибочным. Встречаются работы и недобросовестные, например, очерк Левшина «Садовая, 302-бис», книга Гиреева «Михаил Булгаков на берегах Терека», анонимная «Беседа с Т. Н. Кисельгоф» в сборнике «Неизданный Булгаков»². В книге дан подробный разбор этих работ.

И в заключение хочу напомнить, что я вспоминаю о событиях 60-, 70- и даже 80-летней давности, поэтому могла и сама что-то напутать. Надеюсь, исследовательская работа исправит возможные ошибки.

Желаю читателям всего наилучшего.

1. СЕМЬЯ ЛАППА

Это начало книги, но не начало стенограммы³. Прежде чем начать хронологически упорядоченные записи, мы три часа вели беседы о разных периодах жизни (имеются в виду три часа чистого звучания фонограммы), присматривались друг к другу, вежливо друг друга выслушивали, вежливо отвечали. Чаще всего отношения на этом уровне и остаются, но на этот раз что-то щелкнуло, и мы забыли, что едва знакомы.

* * *

Л. Паршин. Давайте начнем с корней. Откуда ваша семья, почему фамилия такая странная...

Т. Кисельгоф. Это мой дед по отцовской линии был литовец, кажется. А жили они в Рязани. Дед Николай, а отчество я не помню. И бабушка Лиза.

Л. П. Елизавета. А отчество?

Т. К. Тоже не помню. Лаппа. И вот, трое детей у них было — Николай, мой отец, и две дочери, Софья и Екатерина, тетки мои.

Л. П. А чем дед занимался? Дворянская семья?

Т. К. Да, дворянская. А чем он занимался, я не знаю. Чиновником был каким-то. Я его только раз видела в Москве, когда мне лет семь было. Он сидел все время в своей комнате в халате и выходил только к обеду. Он не очень-то нас жаловал.

Л. П. Так. Значит, ваш отец, Николай Николаевич Лаппа, Софья Николаевна Лаппа и Екатерина Николаевна Лаппа.

Т. К. Да, тетя Соня и тетя Катя.

Л. П. Как они росли, кто чем занимался?

Т. К. Ну, как они росли, я не знаю. Учились в гимназии, конечно. Отец потом в Москве в университете учился, по естественным наукам, кажется. Там они с матерью и познакомились, Евгенией Викторовной.

Л. П. А фамилия?

Т. К. Пахотинская.

Л. П. Что это за семья была?

Т. К. Они из-под Москвы. Простая семья. Отец их бросил... Просто уехал куда-то, и все. Там мальчик был и три или четыре девочки.

Л. П. Значит, ваши дядя и тетки?

Т. К. Да, но я их совсем не знала. Однажды только была у них. Одну Мария звали. А моя мать получила среднее образование, была учительницей. Вот, не помню, где они венчались — в Москве или в Рязани. Но я родилась в Рязани.

Л. П. В каком году?

Т. К. А вот я не знаю. У меня в паспорте 1896 записано, но это я себе убавила, когда паспорта выдавали.

Л. П. Ха-ха-ха! Что ж это вы растерялись? Срезали бы сразу лет двадцать!

Т. К. Ну, я же не знала, что проживу так долго. Я еще в 1956 году собиралась... того...

Л. П. Что это так? Настроение такое было?

Т. К. Наверное...

Л. П. Ну, год мы сейчас «разъясним». По-моему, ваш возраст в записи о браке с Булгаковым упоминается... Та-а-ак... Ага, вот она: «...25 апреля 1913 года вступил в брак с дочерью действительного статского советника Николая Николаевича Лаппа — Татьяной, девицей, двадцати одного года от роду». Прекрасно. У вас когда день рождения?

Т. К. 6 декабря. А по старому 23 ноября.

Л. П. Ну, вот. Значит, вы родились в 1892 году, а сейчас вам... 88 лет!

Т. К. Вот, спасибо. Теперь буду знать.

Л. П. Пожалуйста. И как первые впечатления после рождения?

Т. К. Ха-ха-ха! Первые... Ну, Рязань я совершенно не помню, потому что через год или два мы оттуда уехали в Екатеринослав. Отец получил назначение податным инспектором в Казенную палату. А дед с бабушкой Лизой, тетей Соней и тетей Катей переехали в Москву, туда его назначили. Они там где-то за Арбатом жили, в Сивцевом Вражке, кажется.

Л. П. А Екатеринослав вы помните?

Т. К. Там у нас еще дети родились, Женька и Соня.

Л. П. Ага, еще одна Софья Николаевна Лаппа?

Т. К. Да. Мы там в маленьком таком домике жили. Няня у нас была, водила нас гулять. Как 20-е число, мы отца встречали, жалованье тогда давали, и он покупал всем подарки. Потом шли гулять на бульвар или в Потемкинский сад. Катались там на качелях. Арбузов там много было, и мы арбузы эти ели. Мать очень красивая была, и даже вот оглядывались и говорили, какая красивая женщина идет. А отец очень театром увлекался, даже играл в городском театре, Островского вещи — любовников. Очень смешно — продавался такой его портрет на бумаге вроде газетной, и вот мальчишки бегали и кричали: «Артист Лаппа — 5 копеек!» Ему даже предлагали там... он хотел артистом стать, а мать сказала: «Если пойдешь в театр, я уйду от тебя».

Л. П. Что это она так против искусства? Учительницей все-таки была...

Т. К. Ну, конечно... Он если не на службе, то на репетиции или в «винт» играет, очень любил в «винт» играть. А она все одна.

* * *

Татьяна Николаевна рассказывала очень легко, не задумываясь. Она сидела в старом деревянном кресле, на черном платье нитка крупного янтаря. Невысокая, худощавая, с неторопливыми и довольно точными движениями. Самое характерное в облике — чувство собственного достоинства, прямой открытый взгляд с искорками доброты и юмора. Не улыбнуться и не пошутить просто невозможно.

* * *

Л. П. И долго вы пробыли в Екатеринославе?

Т. К. Несколько лет мы там жили. Потом отец получил назначение в Омск управляющим Казенной палатой. И мы поехали через Москву, где родители отца с тетками жили. Это в начале зимы, кажется, было.

Л. П. А как дорога прошла?

Т. К. Вот это совершенно выпало у меня из памяти. Знаю, что, когда приехали в Москву, мать с отцом поссорились. Он ее чего-то увещевал, она с чем-то не соглашалась, не знаю. Но отец со мной и Женькой у своих родителей остановился, а мать с маленькой Соней у своей матери. И вот мы в Москве какую-то часть зимы прожили. Мать часто приходила, и потом они с отцом

помирились. Были гости, бабушка Лиза блины сделала, в общем — мир.

Л. П. А от Москвы у вас какие-нибудь впечатления остались?

Т. К. Помню только, нас с Женькой торжественно повели в театр.

Л. П. В какой?

Т. К. В Большой театр. Тетки большие театралки были. Все пересмотрели. Тогда Чехов шел — «Три сестры», «Вишневый сад»... На Шалапина, конечно, в оперу ходили... Они очень любили отца и всю ночь за билетами стояли.

Л. П. А чем они занимались?

Т. К. Тетя Соня очень хорошо на рояле играла и хотела в артистки пойти, но дед запретил. Тогда ведь родителей слушаться нужно было. А тетя Катя хотела на врача идти учиться, на медицинский, но что-то такое у нее не получилось.

Л. П. Ну, и что вы в театре смотрели?

Т. К. А вот, «Жизнь за царя» опера. Мы в ложе сидели. Мне только запомнилось: «Отвори-и-те! Добрый конь в поле пал, я пешком добежал. Отвори-и-те!» А еще я в Москве кашляла очень, и бабушка Лиза поила меня каплями, не то нашатырными, не то анисовыми. А я их выливала куда-то, и потом мне попадало. Она злая была, бабушка Лиза. А Женька чуть что — ляжет на пол и орет, кричит. Приходил отец. Ну, вот. А из Москвы мы поехали в Омск.

Л. П. Это какой год был?

Т. К. Вот относительно годов, чисел — это я не могу сказать. Наверное, 1899-й.

Л. П. Я смотрю, вас это забавляет, что я на магнитофон записываю, схемы рисую?

Т. К. Ничего, пожалуйста. Каждый по-своему с ума сходит.

Л. П. Спасибо. Ну, и как дорога в Омск прошла?

Т. К. Мы ехали чуть ли не целую неделю. Отец, мать, я, Женька и Соня. И няня еще с нами была. Мы два купе занимали.

Л. П. Не надоело ехать?

Т. К. Не-ет. Мы там играли, носились, дрались все время... У меня такая корзиночка была, там игрушки какие-то...

Л. П. Кормили вас как?

Т. К. Нас в купе кормили. Из Москвы корзинка была, и там разные вкусные вещи: колбаса копченая, булочки какие-то. А мать с отцом в ресторан ходили и всегда приносили нам что-нибудь вкусное. Однажды поезд где-то стоял, и родители пообедать пошли или прогуляться. А поезд дернуло. Мы так орал! Так орал! А люди говорят: «Там какие-то дети кричат». Ну, мать сразу кинулась... Это что, все записывается?

Л. П. Да. А вас что-нибудь смущает?

Т. К. Нет... Но это получается...

Л. П. Почему?

Т. К. И вот то, что вы говорите «почему»?

Л. П. Да.

Т. К. Ну, сами смотрите. Мне все равно. Да, так вот, приехали мы в Омск. Сели на такой возок — вещей очень много было — и поехали в город. Отец вперед поехал. Долго ехали. Через поле какое-то... И уже в городе на мосту каком-то вдруг остановка. Оглобля сломалась. Мать говорит: «Хорошо еще, что не в поле». Город нам такой ужасный показался! Приехали в гостиницу... Гостиница Зайцева. Два номера там снимали.

Л. П. Хорошая гостиница?

Т. К. Ужасная. Все такое старое... Кормили нас в номере, умывали тоже, воду приносили...

Л. П. А разве казенная квартира вам не полагалась?

Т. К. Что вы! Какая квартира? Там Казенная палата как сарай была. Отец говорит: «Я в такой работать не могу». И написал, потребовал, чтобы Казенную палату строить. Набрал рабочих и через какое-то время выстроил. Тогда мы в хорошем доме жить стали, на площади. На втором этаже. Мы с балкона казачьи скачки смотрели, парад какой-то. Тогда война с Японией началась. Там у нас еще Костя и Коля, кажется, родились. А мы с Женькой в гимназию стали ходить. На коньках я там научилась кататься. Страшно любила на коньках кататься. Меня всё мальчик один учил, Кешка звали.

Л. П. О, у вас уже были поклонники?

Т. К. Да! Один мальчик мне свой гимназический герб подарил с бантом, а я его швырнула. Женька меня потом поколотил. Он, оказывается, обещал ему, что я возьму. А гулять нас в таких эскимосках водили, смешно очень было. Отец там цветник развел — деревьев не было совершенно, — мы там гвоздики, левкой садили. У каждого своя грядка была, мы ее поливали. Летом мы, правда, уезжали на дачу. В первый год в Захламино были — это просто деревня такая, а потом в Боровое ездили.

Л. П. Это далеко?

Т. К. Отец брал два тарантаса, и мы два дня ехали по голый степи. И вдруг открывался такой оазис — два чудесных озера. Одно зеленое, и лебеди плавают. Чебачье и Тихое. А посередине озера гора Синюха — ну совершенно как рюмка, внизу тоненькая. Мы там в доме знакомого землемера жили на самом берегу. И никаких замков не было. Киргизы там жили в юртах и кумыс продавали. Мать чуть ли не по четверти в день выпивала. Была худая-худая, а потом ее разнесло так, что она не знала, куда себя девать. Пикники часто устраивали, приезжали знакомые, тетки приезжали. Тетя Катя как приедет, обязательно кто-нибудь заболит. Инфекцию привозила. Она где-то в больнице работала. Вот Женька заболел тифом, а врача там нету. Так мать его сама по книжке вылечила. А в Саратов она нам дифтерит привезла... Теперь в Боровом известный санаторий.

Л. П. И сколько времени вы были в Омске?

Т. К. Точно я не могу сказать, но несколько лет были. А оттуда поехали в Саратов.

Л. П. А что это Николая Николаевича все время переводили?

Т. К. А это как повышение по службе. Омск ведь — дыра. Вот он Казенную палату выстроил, дела наладил, его в Саратов управляющим перевели.

Л. П. Это в каком году?

Т. К. Вот, опять вы года...

Л. П. Ну, приблизительно.

Т. К. Так, в 1903-м или в 1905-м.

Л. П. Добирались как?

Т. К. Отец вперед поехал, и мы потом. Собаку с собой взяли. Нам в Омске подарили ирландского сеттера, Рамзес звали. В Самаре на станции отец нас встретил... Мне еще запомнилось: отец преподносит матери букетик ландышей — мы их раньше никогда не видели, — улыбается, и Рамзес на него прыгает. Потом до Саратова пароходом плыли.

Л. П. Понравилось плавание?

Т. К. Очень понравилось. Пароход такой большой был, тихо плыл, мы там всюду бегали... Очень хорошо было.

* * *

Татьяна Николаевна очень оживилась, рассказывая, глаза заблестели, и, когда раздался звонок в дверь, она расстроено глянула на меня, медленно встала и пошла открывать. Крохотная однокомнатная квартирка ⁴ не носила печати старости и одиночества. Просто, чисто, даже уютно. Старомодная металлическая кровать, маленький диванчик, чей возраст тщательно скрывали, вероятно, столь же старые ковер и покрывало. Грубоватый стеллаж с Большой Советской Энциклопедией — памятью о последнем муже. Стол, два кресла, два стула. Телевизор на другом горемычном столе с двумя гнутыми собственными ногами и двумя современными «протезными». Шкаф. Больше в комнате ничего не было.

* * *

Л. П. Ну, и как пошла жизнь в Саратове?

Т. К. Тут мы тоже вначале жили в гостинице, потому что и здесь Казенная палата не очень была... А гостиница очень хорошая, на Немецкой улице. В Саратове отец тоже новую Казенную палату выстроил, и мы в казенной квартире жить стали, на углу Кострижной, кажется. А этажом ниже казначей жил с женой. Дарья ее звали. Я потом ее в Москве встретила.

Л. П. Большая была квартира?

Т. К. Квартира хорошая была. Комната девочек, комната мальчиков, спальня, столовая, гостиная, у отца, конечно, кабинет был, еще комната при кухне была... в общем, комнат семь-восемь было. Гостиная вся в коврах была. Отец очень ковры любил и много денег на них тратил. Вот так жили. Отец работал, мать детьми занималась, мы в гимназию ходили... Да, еще ребенок у нас там родился, Владимир.

Л. П. Это последний?

Т. К. Да, последний. Там отец тоже цветы разводил. При доме был двор. В этом дворе еще флигель стоял, и в нем человек один жил. И вдруг однажды сильный взрыв — это в 1905 году было, — у нас все окна затрещали, а одна рама даже вывалилась, у мамы ноги подкосились. И флигель загорелся. Оказывается, это революционер был, и он там бомбы начинял. Его оттуда вынесли, он весь израненный был и в крови, и увезли на извозчике в больницу. Потом пожарные приехали и огонь потушили.

Л. П. Значит, и в Саратове беспокойно было?

Т. К. Да-а. Погромы устраивали...

Л. П. Интересно, а как это выглядело?

Т. К. Это... Шла толпа хулиганов, с иконами. Громили евреев, грабили их магазины, били... У меня подруга была, Мейерович. И вот мы вышли из гимназии, а там погромщики. Она домой боялась идти. Ну, мать говорит: «Спрячься у нас». А когда все кончилось, она домой пошла.

Л. П. Ну, и что у нее дома?

Т. К. А они далеко жили. До них не дошли.

Л. П. Ясно... А лето вы где проводили?

Т. К. А это... Недалеко от Саратова была деревня — Разбойщина. Час или полтора ехать надо было. Там одно лето были, но там плохо было. А в Саратове за мостом немецкая колония была, и там немец один жил, Шмидт. У него роскошная вилла была, и розы чудесные, большой сад фруктовый. И вот он купил там землю около Разбойщины. Очень хороший участок с прудом, построил там дачи, сделал купальню и сдавал это в аренду. Там уже и мебель... все было. Только постельное белье и одежду надо было привозить. Он и лошадей для перевоза давал, или если там кому в город надо. И вот отец по объявлению арендовал там очень хорошую дачу. Мы каждое лето там были. Природа замечательная, особенно дорога до станции, туда километра два было. Мы очень любили там с тетей Соней гулять. Она каждое лето приезжала. И тетя Катя тоже.

Л. П. А где они тогда жили?

Т. К. А вот они после нас из Рязани в Москву переехали с дедушкой и бабушкой. А потом тетя Катя замуж вышла за Сергея Язева, адвоката, и уехала с ним в Астрахань, кажется. У них там дочь родилась, Ирина.

Л. П. Ирина Сергеевна Язева, ваша двоюродная сестра.

Т. К. Да. А тетя Соня тоже вышла замуж за Виктора Давидовича, полковника...

Л. П. Давидович — это фамилия или отчество?

Т. К. Фамилия Давидович. И они уехали в Киев и бабушку с дедушкой с собой взяли. Стали жить в Киеве. Детей у них не было. У них очень хорошая квартира была, на Большой Житомирской. Потом тетя Катя Язева бросила и тоже в Киев переехала с Иррой. Жила где-то недалеко от тети Сони.

Л. П. Значит, все в Киеве собрались?

Т. К. Да. Правда, дедушка скоро умер.

Л. П. А интересно, какая вообще в семье обстановка была? Отношения с родителями, между собой...

Т. К. Отец добрый был. Но очень строгий. Если он что скажет — это уже все.

Л. П. Разговаривал, играл с вами?

Т. К. Ну, играть он, конечно, не играл. Он был много на службе занят. Потом, в благотворительных спектаклях участвовал. В театре Чернышевского он в спектакле «Василиса Мелентьева» играл. Я там тоже в массовке участвовала, говорила: «Царь идет! Царь идет!» Еще он в благотворительном концерте выступал, читал «Моцарта и Сальери». А мать очень добрая была, все хлопотала по дому, с детьми... Но вот когда она со мной занималась, все время меня била.

Л. П. Родители ко всем одинаково относились?

Т. К. Да, ко всем равно. Не было так, чтобы любимчики были.

Л. П. А друг с другом вы как?

Т. К. А-а, дрались все время. Мы противные были.

Л. П. Ну, а в целом — веселая обстановка в семье была или тоскливая? Приятно вам было дома или скучно? Какие у вас воспоминания остались?

Т. К. Я сама даже не знаю. Вот, не могу вам сказать. Честно. Я знаю, что я тогда была довольна, когда я каталась на коньках.

Л. П. Ну, а Новый год, например, не помните, как вы встречали? Елка была?

Т. К. Вы знаете, у нас этого как-то не было. Конечно, когда маленькими были, то да. А потом мать с отцом уходили на Новый год в гости, а мы оставались одни.

Л. П. Ясно...

* * *

И как будто потемнело над нашим столом. Помолчали. Тем не менее, наши записи буквально воскрешали Татьяну Николаевну. Улыбка уже не покидала ее лица, она шутила, смеялась. Каждое утро меня ждала чашка кофе с коньяком, завтрак и какие-нибудь сладости. А ведь она получала 28 рублей в месяц. В месяц! В перерывах между записями я с каким-то особым удовольствием бегал в магазин за хлебом и другими мелочами. Тогда она доставала потертый кошелек и с очень строгим видом пыталась отсчитать мне потраченную мелочь. Я вежливо принял деньги, а выпив кофе, положил около чашки 20 копеек. Мы расхохотались и больше к финансовым вопросам не возвращались. Было видно, что и в бесхитростный обед вложено великое старание, а на столе всегда появлялась бутылка столового вина.

Во всем ее внимании ко мне чувствовалась какая-то еле уловимая особая торжественность. Возможно, когда-нибудь я пойму ее смысл.

2. ТАСЯ

Л. П. Как у вас шла учеба, Татьяна Николаевна?

Т. К. Училась я очень плохо. Отвратительно училась. Вообще, я была очень нервная, иногда заикалась даже. Уставала сильно. Даже уроки не могла делать... Но на каток иду.

Л. П. Ну, на это мы все мастера.

Т. К. И прогуливала я часто. Спрячу книжки и иду на каток. В Коммерческом клубе был. А когда обратно, то забираю. Конечно, мне попадало. Однажды мать меня даже за волосы оттаскала. Мы с подругой в гимназию не пошли, купили конфет и пошли сидеть в котельную. А из гимназии прислали — почему Таси нет. Мать всполошилась, позвонила отцу — у нас телефон был, — пришел отец, начали меня искать, а я прихожу как ни в чем не бывало. Вот она и оттаскала меня тогда: «Где ты была!?»

Л. П. Что ж это вы так к учебе относились?

Т. К. Тут, понимаете... у меня еще мигрени сильные были. Вот ломит полголовы, так что я даже разговаривать не могла. Весь день лежать приходилось.

Л. П. И часто такое бывало?

Т. К. Да, довольно часто.

Л. П. А лекарства какие-нибудь?

Т. К. Нет, ничего не помогало. Только вот завяжу голову и лежу. Мне еще впрыскивания делали, мышьяк от малокровия. И однажды пузырек с эфиром забыли. А я думала — нашатырный спирт. Когда голова болела, я помазала виски и около носа и заснула. А проснулась — ничего не болит. Ну, я пузырек этот спрятала, и чуть что, помажу себе и засыпаю.

* * *

Полголовы... Ничего не помогает... Я вспомнил страшную болезнь Понтия Пилата — гемикранию. Врач Г. Я. Долгопятов пишет, что любой невропатолог по булгаковской симптоматике немедленно поставит диагноз: мигрень⁵.

* * *

Л. П. Татьяна Николаевна, а в более позднем возрасте у вас тоже были мигрени?

Т. К. Да, и позже были.

Л. П. А Булгаков знал об этом?

Т. К. Еще бы! Я так мучилась.

Л. П. Лечить не пробовал?

Т. К. Нет. Ничего же не помогает! Нет средств.

Л. П. А чем вы занимались, когда были дома?

Т. К. В основном читала.

Л. П. Что?

Т. К. А что попадалось. Старалась то, что прячут. Отец книжный шкаф запирает. Вот я выберу момент и стяну что-нибудь. Вербицкая тогда была — «Ключи счастья», Арцыбашев был. Гоголя

читала, Тургенева, Некрасова. Еще я часто в театр ходила. В соседнем доме у меня подруга жила, ее отец был содержанием театра Очкина, у них своя ложа была. И вот я все оперы пересмотрела. Потом от отца мне попадало.

Л. П. За что? Нельзя в театр сходить?

Т. К. А вот я не знаю. Он говорил: «Хочешь идти к подруге — иди, а больше никуда не ходи». У него тоже свои причуды были. Он был строгим.

Л. П. А как вас вообще наказывали?

Т. К. Ну, это смотря что сделаешь... В угол на колени ставили, шлепки иногда давали... Раз мать сказала мне отцу котлеты пожарить. Ну, я спиртовку зажгла, положила котлеты и ушла. Конечно, все сгорело. А меня и след простыл. Ой, какая я была... Ничего не умела, ничего.

Л. П. А как вы в Киев попали?

Т. К. А это в 1908 году пришло от тети Сони письмо, что на это лето она к нам не сможет приехать. У них своих детей не было, а меня она очень любила. Она просила: «Отпустите ко мне Тасю». Ну, отец спрашивает: «Хочешь ехать?» — «Поеду». И он меня отправил.

Л. П. Одну?

Т. К. Одну.

Л. П. В Киев?!

Т. К. Да...

Л. П. Сколько же вам лет было?

Т. К. Ну, вот, считайте.

Л. П. Пятнадцать... В другую, можно сказать, «республику».

Т. К. Отец же на службе был занят, мать с детьми. Он говорит: «Тебе четырнадцать лет уже есть — можешь ехать».

Л. П. Странно. Даже сейчас это как-то... не очень, а тогда... Слишком сильный, по-моему, поступок, как вы думаете?

Т. К. Во-от, тетя Соня написала, и я поехала. «А обратно с бабушкой Лизой приедет».

Л. П. А какое расстояние от Саратова до Киева?

Т. К. Нужно было две ночи ехать и две пересадки делать. В Тамбове и, кажется, в Воронеже.

Л. П. Ну, и как?

Т. К. Ничего. Отец что-то шепнул проводнику... В Тамбове я пересела. У меня был такой небольшой багажник, и я взяла носильщика, потом села и потребовала себе чаю со сливками. Мне его долго не давали.

Л. П. Почему?

Т. К. Подавали, но жидкий. А я хотела крепкий, и чтоб туда сливок налить. Потом подали, там еще булочка какая-то была. Я поела, расплатилась и на чай дала. Все честь честью.

Л. П. А какие были вагоны? Купе?

Т. К. Третий класс.

Л. П. Третий класс?!

Т. К. Да. Во втором мягкая мебель была, а в третьем простая деревянная.

Л. П. Очень странно все это. Тут что-то не так.

Т. К. Нет. Так, так.

Л. П. Да я не в этом смысле... Ну, ладно.

* * *

Мусорное ведро быстро наполнялось использованными батарейками, запас чистых кассет таял. Превосходя самые дерзкие мои надежды, Татьяна Николаевна заговорила всерьез.

3. МИХАИЛ

Т. К. Меня в Киеве дядя Витя должен был встретить, муж тети Сони. Я так боялась, что меня не встретят, что даже голова кружилась. Но он встретил, все хорошо было. Приехали на Большую Житомирскую, и вот там меня тетя Соня с Булгаковым и познакомила.

Л. П. А откуда она вообще знала Булгаковых?

Т. К. А тут, видите... Тетя Соня работала или училась во Фребелевском институте. И Варвара Михайловна, Мишина мать, там работала... кассиром, что ли. Они подружились.

* * *

Л. Хинкулов пишет, что В. М. Булгакова работала во Фребелевском обществе только с 1911 года, но он не очень надежен в датах⁶. Общество располагалось на одной улице с квартирой С. Н. Давидович — Б. Житомирской.

* * *

Т. К. Когда Булгаковы были на даче в Буче, а дети задерживались в гимназии, они оставались ночевать у тети Сони. Михаил как раз пришел с экзамена. Очень довольный. Пятерку, кажется, получил. И вот тетя Соня нас познакомила и говорит: «Миша, ты покажи Тане город». Она меня «Таней» называла, а все остальные — «Тасей».

Л. П. Он сразу произвел на вас хорошее впечатление или не сразу?

Т. К. Он... Я, очевидно, не понимала еще как следует.

Л. П. Но вам что больше нравилось — осматривать город или проводить время с Михаилом?

Т. К. Город осматривать. А Михаил хотел мне все показать. Там за Купеческим садом был Царский сад. Огромные старые деревья... Ну, прямо лес дремучий! И в Купеческий парк часто ходили. Там играл оркестр, а он очень любил симфонические концерты. Из «Руслана и Людмилы» часто играли, «Вторую венгерскую рапсодию» Листа. Он потом играл ее на рояле, хотя никогда не

учился музыке. О музыке мы много разговаривали. Михаил все время удивлялся, как много я знаю опер.

Л. П. И что же, Михаил все время проводил у Софьи Николаевны?

Т. К. Нет, он жил в Буче и все время приезжал, чтобы идти со мной гулять. Часто оставался. Тетя Соня спрашивает: «Тебе нужно в Бучу ехать?» — «Не надо». — «Ну и оставайся ночевать. А завтра с утра снова пойдете гулять». Правда, у Булгаковых тогда еще был траур по отцу. А Ивана Павловича Воскресенского я уже тогда у них видела.

* * *

И. П. Воскресенский, врач-педиатр, долгое время был семейным врачом и другом Булгаковых. Они могли познакомиться в 1906 году, когда жили в одном доме в Дионисьевском переулке. Позже, после переезда Булгаковых на Андреевский спуск в дом 13, Воскресенский тоже был их соседом и жил в доме 10, а затем 38. В мае 1918 года В. М. Булгакова вышла за него замуж. По некоторым данным, он скончался в 70-х годах в Алма-Ате.

* * *

Л. П. Где вы еще были?

Т. К. В Лавре были, потом пикник какой-то устроили на Днепре. Еще лодку брали. Я сказала, что умею грести, и мы чуть не перевернулись. «Нет, — говорит он, — грести вы не умеете», — и забрал весла. Потом ели в каком-то ресторанчике... Такая яичница — вроде кусок хлеба, а внутри яйцо. Я сколько раз пробовала сделать — никогда не получалось.

Л. П. Я вас научу.

Т. К. Ну?! Как это?..

Л. П. Это старинное блюдо. Называется «яичница по-бременски».

* * *

В этот день я подал к столу «яичницу по-бременски». Татьяна Николаевна молча смотрела на тарелку, на вопросы отвечала рассеянно и односложно. Вот так и прошла ее первая поездка в Киев летом 1908 года. В Саратов она возвращалась вместе с бабушкой Лизой. Михаил провожал их на вокзале.

* * *

Т. К. Мы договорились, что в следующем году встретимся. Переписывались все время. Но вот, на следующий год меня в Москву отправили.

Л. П. Почему?

Т. К. А это Женька что-то в гимназии натворил, и его пришлось оттуда взять. Ну, и решили его летом в Киев к тете Соне отправить, а меня в Москву к «маминой» бабушке. Я Михаилу написала. Вдруг из Киева телеграмма приходит: «Михаил стреляется...»

Л. П. А кто ее послал?

Т. К. Саша Гдешинский, друг Мишин. Ну, отец меня вызывает: «В чем дело?» — «А я почему знаю?» Отец переслал эту телеграмму тете Соне — он не был знаком с Варварой Михайловной, — а она показала Варваре Михайловне. Они смеялись. Тогда Михаил решил сам приехать. Он как раз кончил гимназию, и дядя Коля (Николай Михайлович Покровский, брат Варвары Михайловны. — *Л. П.*) подарил ему 25 рублей. Он написал, чтобы я только вышла к поезду, и он сразу уедет обратно. А это письмо перехватила моя мать, и меня заперли на ключ. И Михаила из Киева не отпустили.

* * *

Тася поехала в Москву, а Михаил провел лето в Буче. Потихоньку страсти улеглись. Осенью Тася пошла в гимназию, а Булгаков на первый курс медицинского факультета Императорского университета Св. Владимира.

* * *

Т. К. Ну, мы продолжали переписываться...

Л. П. А письма не перехватывали?

Т. К. А это... как портфель с почтой приносят — его няня принимала, — так она сразу туда руку запустит и письмо мне выловит, а потом уже отдавала. Мать тогда подарила мне такую золотую браслетку... шириной с палец и вся из таких мелких колечек сделана. Очень красивая браслетка была, мягкая, на руке удобно лежала. А у замка такая пластинка, и на ней буква «Т» выгравирована. Булгаков потом все время брал ее у меня, как что-нибудь такое... рискованное. Как амулет. А учебу он тогда совсем забросил.

Л. П. Страдал.

Т. К. Да, переживал. На второй год на втором курсе остался. А я как раз гимназию закончила в 1911 году. Ну, и говорю дома, что хочу дальше в Киеве учиться. Мы с Михаилом заранее договорились. Родители, конечно, сразу сообразили... Предлагали мне в Париж ехать. Женька как раз заладил: «Хочу у Пикассо учиться». И как раз одна наша знакомая француженка в Парижехала, и Женьку с ней отправили. Отец ему деньги посылал и все такое... И мне говорили: «Поезжай с Женькой в Париж». А мне ж к Булгакову надо — «Не поеду». Тогда отец говорит, чтобы я год поработала, а потом уже могла ехать учиться в Киев.

Л. П. А какая была необходимость? Вполне обеспеченная семья...

Т. К. Почему-то отец так решил, и все.

Л. П. Из воспитательных целей?

Т. К. Не знаю. Если отцу что-нибудь придет в голову, ты ему ничем не докажешь и не расскажешь, ничем не выдолбишь.

Л. П. Но он как-то мотивировал свое решение?

Т. К. А вот я не знаю. Он сказал: «Хочу посмотреть, можешь ты работать или нет». Вот это он мне заявил. «Поработаешь год, тогда, пожалуйста, катись». И решили так: на лето меня отпустили

в Киев, а потом я вернулась в Саратов и год работала. И я в 1911 году снова поехала в Киев. У тети Сони как раз умер муж, у Варвары Михайловны тоже умер, и они еще больше сдружились. Дядя Витя поехал куда-то в командировку. И вот он вернулся — а тетя Соня его на вокзале встречала, — вышел из вагона и тут же прямо умер.

Л. П. Сердце?

Т. К. Да, сердце у него плохое было.

Л. П. А Булгаков знал о вашем приезде?

Т. К. Да. Они были на даче, но он знал. Я куда-то вышла из дома и прямо с ним столкнулась. Он шел к тете Соне.

Л. П. И сколько вы пробыли в Киеве? Как проводили время?

Т. К. Ну, около месяца, наверное. Мы гуляли много, в Бучу часто ездили. Михаил тогда все возмущался, что Варвара Михайловна с Воскресенским... Он каждую субботу приезжал в Бучу, а если они были в Киеве, приходил все время, поздно возвращался. Даже ночевать оставался где-то там... отдельно... не знаю, Михаила это очень раздражало. Он мне говорил: «Я просто...» Он выходил из себя. Конечно, дети не любят, когда у матери какая-то другая привязанность. Или они уходили гулять куда-то там на даче, он говорит: «Что это такое, парочка какая пошла». Переживал. Он прямо говорил мне: «Я просто поражаюсь, что мама затеяла роман с доктором». Очень был недоволен.

* * *

Интересно отметить, что описываемые в «Белой гвардии» похороны матери Турбиных по времени точно совпадают с уходом Варвары Михайловны к Воскресенскому — май 1918 года.

* * *

Т. К. К сентябрю, как раз после убийства Столыпина, я уехала в Саратов, и мы договорились, что он приедет к нам на Рождество.

Л. П. А как реагировал Булгаков на убийство Столыпина?

Т. К. Он не одобрял. Огорчился очень.

Л. П. Ну, и где вы работали?

Т. К. Я пошла в ремесленное училище. Работала там классной дамой.

Л. П. Интересно.

Т. К. О-о, я пришла в ужас! Все девицы здоровые такие, выше и толще меня. На законе Божьем батюшка заставлял их что-то повторять и на меня показывает пальцем: «И вы повторите...» Они как засмеются: «Это наша классная дама!» И вели они себя ужасно. И потом, они же ничего не слушают! Я им говорю, что «знаете, вот вы... не надо... вот так себя вести». Никакого внимания.

Л. П. А в чем вообще были ваши обязанности?

Т. К. Ну... следила, чтобы не шумели на уроках, чтобы вовремя приходили...

Л. П. Вы присутствовали на уроках?

Т. К. Да.

Л. П. На всех?

Т. К. Почти на всех.

Л. П. А как выглядело это ремесленное училище? (Возможно, речь идет о реальном училище.— *Л. П.*)

Т. К. Очень просто выглядело. Не так, как гимназия.

Л. П. И чему там учили?

Т. К. Ну, как в гимназии... арифметика, русский язык, закон Божий.

Л. П. Какому-то ремеслу еще учили, нет?

Т. К. Что-то я не видела там...

Л. П. Сильно вы были загружены? Каждый день или...

Т. К. Каждый день. Уходила с утра и приходила... ну, как занятия кончались. Я приходила домой, не могла ни с кем даже разговаривать, так уставала. И потом, голос у меня перехватывало.

Л. П. И сколько вы зарабатывали?

Т. К. 25 рублей в месяц.

Л. П. А что тогда на эти деньги можно было купить? Не помните, что тогда могло стоить 25 рублей?

Т. К. ...Всяко можно было...

Л. П. Ну, вот обувь... Пара туфель сколько стоила?

Т. К. Не знаю, не знаю.

Л. П. Лошадь сколько стоила?

Т. К. А я почему знаю?! «Лошадь...», хе!

Л. П. Ну вспомните, как вы что-нибудь покупали.

Т. К. А я ничего не покупала.

Л. П. А деньги куда девали?

Т. К. В стол клала, в ящичек. Мама у меня иногда занимала.

Л. П. Отдавала?

Т. К. Конечно.

* * *

На Рождество должен был приехать Михаил, и Тася заранее предупредила об этом родителей. Те поняли, что молодежь настроена решительно, намерения имеет серьезные, и сдались. Михаила приняли хорошо. Пробыл он недолго и уехал в Киев, договорившись с Тасей о дальнейших действиях.

* * *

Т. К. Я послала в Киев заявление о приеме на Высшие женские курсы на историко-филологическое отделение. Меня приняли.

Л. П. Это что, специально, чтобы был предлог?

Т. К. Конечно!

Л. П. А родители не раскусили вашу аферу?

Т. К. Не знаю... Нет, наверное. Отец сказал, что будет присылать мне по 50 рублей.

Л. П. И когда вы поехали?

Т. К. За мной Михаил приехал.

Л. П. Когда?

Т. К. А вот, как летние каникулы начались, так он и приехал. Привез бабушку Лизу. Мы как раз собирались выезжать на дачу. Михаил пока занимался с кем-то из братьев по математике, мама его попросила. Потом он купил где-то медное обручальное кольцо и нацепил его. А мама заволновалась: «Вы что, обвенчались?» — «Нет,— говорю.— Это он просто попробовать, как будет». — «Нет, ты скажи, обвенчались?» — «Да ничего мы не обвенчались!» Потом опять: «Обвенчались вы или нет?» На даче мы пробыли месяца два. Отец уехал лечиться в Батногейм...

Л. П. Куда?

Т. К. В Батногейм. Это в Германии такое курортное место. У него подагра была. А мы с Михаилом в августе стали собираться в Киев. Мать говорит: «Куда же ты поедешь? Отца-то нету...» — «Поеду, и все». Купили билеты, собрали вещи и поехали.

4. БУЛГАКОВЫ

В августе 1912 года Михаил Булгаков привез Тасю Лаппа в Киев. У тети Сони, где Тася остановилась на первое время, она застала отца, возвращавшегося с лечения. Он не упускал возможности навестить бабушку Лизу, которую очень любил. «Мать святая»,— говорил он. Тася и Михаил подыскивали комнату недалеко от квартиры тети Сони, но вскоре пришлось искать другую: в этом доме было слишком шумно и беспокойно. Потом у обоих начались занятия. Из 50 рублей, присылаемых Тасе отцом, часть приходилось платить за учение, часть за комнату, и еще надо было давать деньги бабушке Лизе на обеды. Оставалось немного.

* * *

Л. П. Почему вы выбрали именно историко-филологический?

Т. К. А мне было все равно. Нужен был только предлог поехать в Киев. Я ходила на лекции, Михаил занимался и еще подрабатывал, давал уроки. Он приходил ко мне вечером, и мы отправлялись в кино, после кино часто заходили в кафе на углу Фундуклеевской. Очень хорошее кафе было. Вот так и продолжалось. Потом мы снимали комнату еще где-то, кажется, на Рейтарской (Рейтарская ул., д. 25.— *Л. П.*). Я училась только первую половину года, потом бросила. Во-первых, мне это не нужно было, во-вторых, надо было платить деньги. А Михаил теперь серьезно взялся за медицину, потому что, пока мы были врозь, он совсем забросил учебу. Третий год на втором курсе сидел. И вот, однажды я получаю записку от Варвары Михайловны: «Тася, зайдите, пожалуйста, ко мне». Ну, я пришла. Она говорит: «Тася, я хочу с вами поговорить. Вы собираетесь выходить замуж за Михаила? Я вам не советую... Как вы собираетесь жить? Это совсем не просто — семейная жизнь. Ему надо учиться... Я вам не советую это»

го делать...» — и так далее. Еще она просила меня не говорить Михаилу об этом разговоре...

Л. П. А у вас эта записка не сохранилась?

Т. К. Ну, я же не знала, что она вам потребуется.

* * *

Тут необходимо отметить обстоятельство, упоминать которое многие считают излишним. Однако обстоятельство это важно для понимания и характеров, и многих дальнейших событий. К этому времени Тася была беременна.

* * *

Т. К. Ну, я ей ничего не сказала, а Михаилу все-таки рассказала, что Варвара Михайловна против. Он отвечает: «Ну, мало ли, что она не хочет, но все равно я должен жениться». И мы решили обвенчаться сразу после Пасхи.

Л. П. Что ж, теперь, по-моему, самое время записать то, что вы знаете...

Т. К. О семье Булгаковых?

Л. П. Да. Прямо по порядку: родители...

* * *

По работам А. Бурмистрова, Л. Хинкулова и Л. Яновской известно, что отец М. А. Булгакова, Афанасий Иванович Булгаков, родился в 1859 году в семье священника. В 1876—1881 годах учился в Орловской духовной семинарии, с 1881 по 1885 год в Киевской духовной академии. В 1885—1887 годах — учитель греческого языка в Новочеркасском духовном училище. Получив степень магистра, с 1887 года он доцент Киевской духовной академии. Далее получает степень доктора богословия и звание ординарного профессора Академии. В 1890 году женился на дочери протоиерея, учительнице Карачевской прогимназии Орловской губернии Варваре Михайловне Покровской (1869—1922). Скончался в 1907 году в Киеве.

* * *

Т. К. Отца я совсем не знала. И даже не слышала почти ничего. О нем почему-то в семье не говорили. Никогда.

Л. П. Никогда не говорили?

Т. К. Никогда не говорили. Я ни разу не слышала. Ни разу не слышала. Может быть, они были еще маленькие.

Л. П. Странно.

Т. К. Да. Вот, он умер в 1907 году...

Л. П. От чего?

Т. К. От почек. И когда я была в Киеве в 1908-м, у них еще был траур. Может быть, они при чужих не говорили, ведь я тогда еще не была... Хотя потом я там все лето у них прожила в 1913-м, в Буче. И обедали мы у них одно время чуть ли не каждый день. Никогда не говорили, что вот «нужно пойти на кладбище» или еще что.

Л. П. Да, очень странно. А что вы можете сказать о Варваре Михайловне?

Т. К. Ну, что... Волевая была женщина, умная. Интересная. Вот не знаю, где она училась, но образование у нее было. У нее были ученики, даже жили у нее. Она их по гимназической программе что-то проверяла. До смерти мужа нигде, конечно, не работала, потому что чуть ли не каждый год был ребенок. А потом, вот, во Фребелевском институте. У них кухарка была и горничная, так что она понятия не имела готовить. Только скажет сделать то-то и то-то, и все делали. Но готовили невкусно. Мы старались у них не обедать.

Л. П. Яновская пишет, что она на рояле играла ⁷.

Т. К. Не знаю, никогда не слышала.

Л. П. Варвара Михайловна все время оставалась в Киеве?

Т. К. Да. В 1922 году она умерла от тифа. Видно, она за-получила от Ивана Павловича насекомое. Он же врач был.

Л. П. Не знаете, кто ее родители?

Т. К. Их семья из Киева. Мать ее звали, кажется, Анфиса (Анфиса Ивановна Покровская (Турбина).— *Л. П.*). Она жила у Сергея Ивановича Булгакова, Мишиного дяди. Потом умерла.

Л. П. Это брат Афанасия Ивановича?

Т. К. Да. Их три брата: Афанасий, Петр и Сергей. Кем был Сергей Иванович, не знаю. Знаю только, что он умер от почек.

* * *

По данным А. Бурмистрова, С. И. Булгаков был преподавателем музыки и регентом хора Второй киевской гимназии, причем именно в то время, когда там в подготовительном классе учился Михаил Булгаков ⁸.

* * *

Т. К. Его жена Ирина — «тетя Ириша» мы ее звали — жила потом у Булгаковых в той комнате с отдельным ходом, где у Михаила потом кабинет был. Она жила там с Лелей, младшей Мишиной сестрой, и ухаживала за ней. Когда мы вернулись из Вязьмы в 1918 году, ее уже не было. То ли она умерла, то ли уехала, не знаю.

Л. П. Так, теперь третий брат, Петр Иванович.

Т. К. Он не брат, он дядя Михаила.

Л. П. Ну да, я имел в виду — брат отца.

Т. К. Петр Иванович был священником и жил все время в Японии. Жену его я не знаю. У них было трое детей. Дочка и двое мальчишек. Жена с дочкой жила в Японии, а мальчишки здесь. Константин и Николай, двоюродные братья Михаила.

Л. П. А почему мальчишки жили отдельно от родителей?

Т. К. Петр Иванович хотел, чтобы они учились в России. Он прислал их Варваре Михайловне и посылал деньги. Вот они и жили у Булгаковых, ходили в гимназию. Потом Николай что-то стал

себя легкомысленно вести, и Варвара Михайловна от него отказалась. А Константин остался.

Л. П. Вы его знали?

Т. К. Ну, еще бы! Мы ведь жили вместе в Киеве и на Андреевском, 13 и 38. Когда он болел брюшным тифом, то лежал отдельно в комнате Ивана Павловича Воскресенского. Я ходила, ухаживала за ним, приносила еду и прочее. Он очень стеснялся меня. Потом, в Москве, в 1921 году, он несколько раз заходил. Еще подарил Михаилу такую бумазейковую пижаму. И вот, неожиданно Костя исчез и объявился уже в Англии или еще где-то за границей. Вообще, он был такой с виду мрачный, но Михаила очень любил, а меня терпеть не мог. Такой неповоротливый, все делал медленно, все всегда забывал... совсем не военный человек. Я хотела узнать адрес и написать ему письмо, но потом подумала, что он испугается получить письмо из большевистской России.

Л. П. А чем он занимался?

Т. К. В Киеве он учился в Политехническом институте. Между прочим, у Михаила еще два дядьки были, братья Варвары Михайловны. Покровские, Николай Михайлович и Михаил Михайлович, оба врачи. Николай Михайлович — гинеколог, а Михаил Михайлович — терапевт. Они жили в Москве и часто приезжали к Варваре Михайловне. Они ее очень любили и детей ее любили тоже. У них ни у кого своих детей не было.

Л. П. Почему?

Т. К. Не знаю. Михаил никогда об этом не говорил. Ну, Михаил Михайлович был больной психически, а Николай Михайлович долго не женился, но очень любил ухаживать за женщинами. Он в Москве в Обуховом переулке жил. Помните, в «Собачьем сердце», там все написано?

Л. П. Так Филипп Филиппович — это он?

Т. К. Он, он! Он тогда очень обиделся на Михаила за это.

Л. П. Эти братья вместе жили?

Т. К. Нет, Михаил Михайлович жил где-то отдельно. Но часто жил у Николая Михайловича. Для него даже всегда отдельная комната была приготовлена, его комната.

Л. П. Значит, похож Николай Михайлович на Преображенского?

Т. К. Еще как! Ну, совершенно как живой. У них еще была сестра, сестра Варвары Михайловны, и племянники, но жили они где-то в другом месте.

Л. П. Это не Иллария Михайловна?

Т. К. Нет, Ларису я тоже знала. Она одно время жила в Киеве у Булгаковых. Потом я видела ее в Москве. Она с ума сошла. Костя мне сказал, кажется. Я пошла к ней. Она жила где-то в районе Собачьей площадки в полуподвале. Вся одета в черное, на стенах иконы, и только Бога поминает. Я говорю: «Лариса, что с тобой? Что случилось?» — «Ничего не случилось». Я сказала Михаилу. Он пошел к ней, но она уже умерла.

Л. П. Ясно. Теперь братья и сестры Михаила.

Т. К. Их было семеро. Михаил старший, потом Вера, Надя,

Варя, Елена и Колька с Ванькой. Ну, Вера что-то долго не выходила замуж, что-то там у нее не получалось. Потом, после смерти Варвары Михайловны, вышла замуж за... Данилова, кажется (за Давыдова.— *Л. П.*), жила в Симферополе. В 20-х годах приехала в Москву к Наде и жила с ним у нее, вот, где школа (ул. Герцена, д. 46.— *Л. П.*). Его Борисом звали, а она называла «Барбос». Он был бухгалтером. После войны я ее случайно встретила в Москве и заходила к ней в Южинский переулок, даже жила у нее какое-то время. Потом Надя писала мне, что Вера заболела, ничего не соображает, и за ней ухаживает муж Николай.

Л. П. Николай?

Т. К. Да, уже Николай. Что стало с Борисом, я не знаю. Это было в году 1953—1954-м. А потом еще письмо от Нади, что этот Николай умер и Веру пришлось отправить в психиатрическую больницу.

Л. П. А чем Вера занималась?

Т. К. Она очень хорошо пела, но нигде, кажется, не работала.

Л. П. Так. Дальше — Надя?

Т. К. А Надя вышла замуж за Андрея Земского, и они поехали в Самарскую губернию, занимались там пропагандой, «в народе» были (Н. А. и А. М. Земские были филологами-славистами и работали там в области народного просвещения.— *Л. П.*). Потом приехали в Москву, и Надя по объявлению взяла заведование школой. Это на Никитской (ныне — ул. Герцена.— *Л. П.*). У них были две девочки — Ольга и Елена. Эту Ольгу я даже крестила. Она потом попала под поезд, и насмерть. Мне Надя писала. Это случилось уже после того, как они переехали с Никитской. Я была у нее там (Городок Моссовета, 4 линия, д. 8, кв. 3.— *Л. П.*). Хорошая большая квартира, но надо было переходить через железную дорогу. Надя всегда была занята, и с этой Леной все время возилась Вера. Потом Лена вышла замуж... он инвалид был, что-то у него с рукой было, недостаток какой-то. Это примерно в 1948 году. У нее родилась дочь Людмила. Теперь и Людмила вышла замуж за Марка какого-то. Надя умерла в 1971 году. У нее тоже что-то психическое было. Очень высокое кровяное давление («психическим» Татьяна Николаевна называет функциональные нарушения деятельности головного мозга вследствие гипертонической болезни.— *Л. П.*).

Л. П. А ее муж, Андрей Земский?

Т. К. А его еще тогда арестовали и отправили...

Л. П. За что?

Т. К. За... Я вот про Варю сперва расскажу, а то вам непонятно будет. Значит, Варя вышла замуж за Карума Леонида... Леонид Сергеевич Карум, военный. Он из Прибалтики... Закончил военную академию в Петербурге. Он был у белых. И в Феодосии был у белых. Потом пришли красные, он стал у красных. Преподавал где-то... военную тактику, что ли. Ну, красные все равно узнали. Тогда он смылся и приехал в Москву к Наде. Тут его и арестовали. И Андрея Земского, Надиного мужа, тоже арестовали. Андрея

выслали в Красноярск, и Надя туда к нему ездила. А Карума отправили в Новосибирск. Варя ликвидировала квартиру в Киеве и поехала к нему. И вот, они жили там. Она давала уроки музыки — в Киеве она училась в консерватории по классу рояля, — а он преподавал немецкий язык. У Вари и Леонида была дочь Ирина. Тетя Соня написала мне, что была как-то в Новосибирске и в театре встретила Карума. Он сказал ей, что у него теперь жена не Варя, а какая-то молоденькая девушка.

Л. П. А что с Варей?

Т. К. Варя в 1954 году умерла от слабоумия в больнице.

Л. П. А Земский Андрей?

Т. К. Они потом с Надей отдельно жили. Он умер от саркомы (А. М. Земский и Л. С. Карум были позже реабилитированы. — *Л. П.*).

Л. П. Ясно. Значит, у Вари и Карума была дочь.

Т. К. Да, Ирина. Она вышла за кого-то замуж, и у нее родился сын. Потом она этого мужа оставила и вышла за какого-то летчика, а сын ее жил все время у Вари, и Варя за ним ухаживала.

* * *

По другим данным, Л. С. Карум, оказавшись в Новосибирске с матерью, женой и дочерью Ириной, преподавал латинский язык в медицинском институте, а Варвара Афанасьевна — немецкий язык в школе. Их дочь закончила медицинский институт, работала врачом, сейчас на пенсии, живет в Новосибирске.

* * *

Л. П. Ну, что ж, теперь, как сложилась жизнь у Лели?

Т. К. Леля из всех сестер самая хорошенькая была. Когда мы с Михаилом обвенчались, она еще маленькая была, играла во дворе с дочкой Лисовича... (Листовниченко. — *Л. П.*)

Л. П. Это в «Белой гвардии»?..

Т. К. Да. Василиса. Они на первом этаже жили, а мы на втором. Эта дочка, она и сейчас там живет. Кончаковская ее фамилия, Инна Васильевна *.

* * *

Итак, сосед и домохозяин Булгаковых В. П. Листовнический — прообраз Василисы Лисовича. С легкой руки В. Некрасова⁹ это стало общепринятым. И напрасно. Подробнее я скажу об этом в 7-й главе.

* * *

Т. К. Да. Так вот, Леля приехала в Москву к Наде. За ней стал ухаживать товарищ Миши по Киеву Николай Гладыревский. Но это отпадало, потому что он безбожно пил. Был у нее роман с Катаевым. Он в нее влюбился, ну, и она тоже. Это в году в

* 24 января 1985 г. И. В. Кончаковская скончалась.

23-м, в 24-м было, в Москве. Стала часто приходиться к нам, и Катаев тут же. Хотел жениться, но Булгаков воспротивился, пошел к Наде, она на Лельку нажала, и она перестала ходить к нам. И Михаил с Катаевым из-за этого так поссорились, что разговаривать перестали. Особенно после того, как Катаев фельетон про Булгакова написал — в печати его, кажется, не было, — что он считает, что для женитьбы у человека должно быть столько-то пар кальсон, столько-то червонцев, столько-то еще чего-то, что Булгаков того не любит, этого не любит, советскую власть не любит... ядовитый такой фельетон. Еще он написал «Алмазный мой венец»¹⁰, и там про Лелю — «синеглазка». Надя тоже встала на дыбы. Она Лельку уже приготовила жениха — Светлаева. Это приятель Андрея Земского, с которым Булгаков грамматику делал. (Предполагалась их совместная работа над учебником грамматики. — *Л. П.*) И Леля вышла за него замуж. Как раз тогда я встретила ее на улице. Заходила как-то раз к ним. Они жили около «Эрмитажа» (М. Каретный пер., д. 9, кв. 1. — *Л. П.*). У них родилась девочка, и назвали они ее Варей. После войны я ее видела, разговаривала с ней. Ей было лет восемь — девять (В. М. Светлаевой восемь — девять лет было до войны. — *Л. П.*). Хорошая такая девочка, ласковая. Она и сейчас в Москве живет, преподает химию, вышла замуж и родила мальчика.

* * *

Из стенограммы и книги В. Катаева «Алмазный мой венец» складывается не вполне достоверный образ Елены Афанасьевны Светлаевой (1902—1954). Внешне она очень походила на отца и, в отличие от других детей, была темноволоса и кареглаза. Вероятно, Катаев назвал ее «синеглазкой» для указания на родство с «синеглазым» — М. А. Булгаковым. Отличалась она и твердым самостоятельным характером, большим трудолюбием и самодисциплиной. В начале 20-х годов, после смерти матери, приехала из Киева в Москву, окончила здесь филологический факультет университета. Всю жизнь много работала, не считаясь ни со здоровьем, ни с бытовым благополучием. Ее муж Михаил Васильевич Светлаев — известный филолог, автор многих научных трудов, коллега и друг Андрея Михайловича Земского, мужа Надежды Афанасьевны.

Их дочь Варвара Михайловна Светлаева действительно живет и работает в Москве.

* * *

Т. К. Ну, вот. А после войны Надя написала мне, что «мы похоронили Лелю». Она умерла от высокого кровяного давления. Вот и все.

Л. П. Как все? А мальчики?

Т. К. Мальчики?..

* * *

В этот момент у меня кончилась последняя кассета. Это была трагедия, потому что следующий день был праздничный, а после него — воскресенье. Невозможно было даже представить себе потерю трех дней, когда каждая минута записи драгоценна. Как драгоценна, я понял только теперь: в начале апреля 1982 года я бандеролью послал Татьяне Николаевне книгу со статьей о Булгакове, но почему-то через две недели бандероль вернулась. На извещении коротко было написано: «Возврат», но я все понял. Взял телефонную трубку и, наверное, впервые в жизни захотел, чтоб линия не работала. Но она работала, и я услышал неотвратимое: «Адресат умер». А тогда, в Туансе, я вышел на улицы пустынного еще города и просто подошел к первому встретившемуся мне парню с магнитофоном в руках. Дали мне кассеты. И еще накормили. Спасибо вам, ребята.

* * *

Л. П. Итак, мы остановились на мальчиках.

Т. К. Ну, Колька кончил в Киеве гимназию, а Ванька не успел. Иван замечательный был парнишка. Очень меня любил. Прихожу домой усталая, надо что-то готовить. Он тут же надевает фартук, раз-раз-раз... Помогал мне. Все просил: «Тася, ну сделай ребенка, я его нянчить буду». А потом, когда в 1919 году мы уехали во Владикавказ, они ушли с белыми. Николай попал в Загреб, учился там в университете на врача, дальше оба очутились в Париже. Николай стал видным врачом, женился на Яновской, дочке одного киевского профессора. Михаил переписывался с ним, но я этих писем не видела. А Ванька стал пить, ходить по трущобам и играть на балалайке. Как-то раз он пропал, и Николай долго ходил по этим трущобам, искал его, простудился, заболел воспалением легких и умер.

Л. П. Детей не было у Николая?

Т. К. Вот, не знаю.

Л. П. А у Ивана?

Т. К. У Ивана дочка живет в Париже. Антонина, кажется, зовут (Ирина.— *Л. П.*). Может быть, он и сам жив еще (умер в 1968 году.— *Л. П.*).

Л. П. Татьяна Николаевна, если сравнить отношения в семье Булгаковых с вашей семьей... Отличалась обстановка?

Т. К. Очень даже отличалась. У них очень хорошая обстановка была. Они дружно жили. Потом... Ну, совсем другая обстановка была. Мы были очень противные. Дрались всегда. Как-то ни о чем не думали... там же, вообще, совсем другая была обстановка. У них была очень хорошая обстановка. Это я знаю. Все вместе что-то делали... Соберутся, устроят оркестр или разыгрывают что-нибудь.

Л. П. Я читал, что в связи с вашей свадьбой разыграли шуточную пьесу, которую...

Т. К. Нет, не было никакой пьесы.

Л. П. Об этом Чудакова в «Вопросах литературы» пишет и ссылается на рассказ Надежды Афанасьевны ¹¹.

Т. К. Нет, нет. Это Надя выдумала, и так и пошло. Уж это осталось бы у меня в памяти, если б было на самом деле. Не сочинял Булгаков такой шутки. Чего не было, того не было.

Л. П. Расскажите теперь, пожалуйста, о венчании.

Т. К. Мы обвенчались в 1913 году, после Пасхи. Сначала надо было идти в церковь, говеть (поститься, готовиться к исповеди и причастию.— *Л. П.*). И мы последнюю неделю ходили с Михаилом в церковь, причащались, исповедовались. Приехала мама из Саратова. Ничего торжественного не было, все было очень просто. Во-первых, у меня не было белого платья. Деньги на платье мне прислали, но их пришлось истратить в другое место... Никак нельзя было оставлять... Конечно, никто ничего не знал. Мама приезжает: «Где платье?» Я говорю: «Ты знаешь, вот так получилось, я не знаю, куда они девались». Ну, мама пошла, купила мне белую кофточку и белые туфли.

Л. П. А нельзя было купить платье?

Т. К. Нет. Денег же не было. Все, наверное, думают, что отец много зарабатывал. Не так много. Нам ведь надо было держать горничную, кухарку, еще кого-то... Да и нас много было. Женька был в Париже, ему посылали деньги. Мне посылали деньги... До конца месяца нам никогда не хватало. Всегда какие-то вещи в ломбард шли. И вот, мама купила мне маркизетовую кофточку, туфли, я пошла в парикмахерскую, сделала себе прическу. Михаил нацепил мою золотую браслетку. Карета была. Две иконы было. Мать нас благословляла.

Л. П. Чья мать благословляла?

Т. К. И та, и другая.

Л. П. Ну, а в церкви что?

Т. К. Александр Глаголев нас венчал. Мы все время хохотали. Все время смеялись. Там были Сашка Гдешинский с братом, Борис Богданов был, еще кто-то был. А родителей не было, они там где-то ждали. Вот, не помню, сестры были или нет. Потом мы сели в карету и поехали на Андреевский спуск. Ванька с нами ехал, а все остальные шли пешком.

Л. П. Карета была как-нибудь украшена?

Т. К. Нет, обычная. Там мне преподнесли цветы, мы пообедали, посидели и пошли к себе домой на Рейтарскую, там, кажется, мы жили. Да, на Рейтарской у нас была комната. Я помню, еще зимой мы все катались на американских горах, бобслей... знаете, такие с виражами горы. И вот, все насквозь мокрые приходили на Рейтарскую улицу и там сушились. Вот и все. Так что все было очень скромно.

* * *

В выписке из консистории говорится, что М. А. Булгаков 25 апреля 1913 года вступил в брак с дочерью действительного статского советника Николая Николаевича Лаппа — Татьяной, де-

вицей, двадцати одного года от роду. Таинство брака в Киево-Подольской Добро-Николаевской церкви совершал священник А. А. Глаголев с причтом, а поручителями были: Б. И. Богданов и Платон Петрович Гдешинский, студент Константин Петрович Булгаков и ученик семинарии Александр Петрович Гдешинский. О священнике Глаголеве я подробно скажу в комментариях к «Белой гвардии».

* * *

Л. П. У вас только одна комната была? Одна-единственная?

Т. К. Да, одна-единственная. А вы думали, что две комнаты, да?

Л. П. Ну, квартиру, может быть, снимали...

Т. К. Квартиру?! Не-ет, что вы! Какая квартира? 50 рублей же было всего только денег. Я даже учиться перестала, чтобы деньги не платить. Невозможно было вдвоем учиться.

* * *

Лето 1913 года Тася и Михаил провели в Буче на даче Булгаковых. Тогда многие увлекались домашними спектаклями, и молодежь в Буче не была исключением. Компания собиралась у Булгаковых или напротив, на даче состоятельной семьи Ланчия. Иногда пьесы сочиняли сами, в чем принимал участие и Михаил. Бывало, сочинял пасквили (так выразилась Татьяна Николаевна.— *Л. П.*) на друзей, и они побаивались этого.

* * *

Л. П. Вы не заметили, не изменилось у Булгакова после свадьбы отношение к вам?

Т. К. Нет, не могу сказать. Он ко мне хорошо относился.

Л. П. А как в бытовом отношении? Как вы питались?

Т. К. Ну, вот лето мы пробыли на даче — нас туда Варвара Михайловна пригласила. А когда вернулись в город, то комнату уже не снимали. У Ивана Павловича Воскресенского освободилась комната, и он предложил нам снимать у него. Мы переехали на Андреевский, 38. Там устроились. Обедали... когда были деньги, обедали в ресторане, когда не было — в студенческой столовой. Между прочим, там неплохие обеды были. Потом я обзавелась спиртовой и дома жарила бифштексы, варила кофе. Господи! Тогда я ничего не умела. Такая дура была!.. Зато... сейчас все умею... А Михаил стал очень серьезно заниматься. Интересовался всеми медицинскими вопросами, много книг разных брал, все время ходил в библиотеку.

Л. П. В какую?

Т. К. Там, в центре где-то, городская.

Л. П. Он только этой библиотекой пользовался?

Т. К. А еще ходил в библиотеку Духовной семинарии на Подоле.

Л. П. Чем он там интересовался?

Т. К. Вот не знаю. Я с ним тоже ходила в библиотеку, но брала себе что-нибудь такое... развлекательное. Михаил посещал все занятия, все вот эти... в анатомическом театре. Очень аккуратно посещал. Я следила, чтобы он не пропускал. Когда он там где-то дежурил, приносила ему еду. Дома занималась хозяйством, покупала продукты, готовила, убирала. Надо было все-таки о нем как-то заботиться.

Л. П. А что вы делали в свободное время?

Т. К. Вечером ходили в кино, в гости к Булгаковым, к Сынгаевским. В детстве Варвара Михайловна дружила с их матерью, но потом они уже не ходили друг к другу. У них была большая семья, но я помню только Николая и его сестру, Валентину. Да, еще приятель у него был — тоже Карась, как в «Белой гвардии». Его так и звали «Карасем». Также приходил к Булгаковым. Они все друзьями детства были. Еще был Борис Богданов. Часто к нам приходил. Обязательно принесет коробку конфет и говорит: «Вот, это твоей жене. Пускай ест конфеты, а мы с тобой пойдем сейчас на биллиарде поиграем». Они уходили, играли на биллиарде, пили пиво, потом приходили. Брат Бориса, такой мрачный, тоже приходил, играл в «винт» с Варварой Михайловной и Михаилом. А этот Борис был такой веселый. И вот, однажды получил Михаил от него записку: «Приходи, я больной». Пришел он к Борису: «Что с тобой?» — «Да вот, какая-то хандра... Не знаю, что со мной». Что-то посидели, поговорили, потом Борис говорит: «Слушай-ка, достань там мне папиросы в кармане». Михаил отвернулся, а он — пах!.. и выстрелил в себя. Михаил повернулся, а тот выговорил: «Типейка... только...» — и свалился. Наповал. Он хотел сказать, что там никаких папирос нету, только копейка: «Типейка там...» Михаил прибегает и рассказывает. Очень сильно это подействовало на него. Он и без этого всегда был нервный. Очень нервный. На коробке от папирос было написано, что «в моей смерти прошу никого не винить». Кто-то его якобы в трусости, что ли, обвинил... Интересный такой парень был.

Л. П. Да-а... А вот, про Гдешинского.

Т. К. Гдешинских два брата было. Сашка — это тот, что телеграмму прислал, и Платон. Платона потом на войне убили. А Сашка очень часто приходил. Он замечательно на скрипке играл. Они как соберутся... Колька с Ванькой на балалайках, Сашка на скрипке, еще один приходил, на виолончели играл. А Михаил на пианино или дирижирует.

Л. П. Яновская пишет, что Булгаков еще пел, у него баритон был¹².

Т. К. Да, но только он у него быстро пропадал. Он мог только несколько нот взять и больше уже не мог. Но слух у Михаила был прекрасный.

Л. П. А Бурмистров пишет, что Булгаков фотографии артистов собирал...¹³

Т. К. У него только одна фотография была баритона какого-то, на столе стояла.

Л. П. Не занимался Булгаков в какой-нибудь драматической студии?

Т. К. Нет. Не занимался. Пошел раз, хотел в кино сниматься, но его не взяли. Однажды Михаил с Сашкой поссорились. Он подарил Гдешинскому ножик, и кто-то сказал: «Вы, вероятно, поссоритесь». И вот, как-то мы гуляли — я, Михаил и Сашка — и зашли в магазин какой-то. Там очень красивые гравюры были. Одна мне понравилась. Там голая женщина была изображена, но очень красивая, очень хорошо сложена. И я все любовалась, какая красивая картина. Сашка Гдешинский купил и преподнес мне. Михаил так обозлился! «Выбрось эту картину! Моей жене друг преподносит голую женщину!»

Л. П. Да, подарок не из удачных.

Т. К. Конечно. Я завернула ее и положила за шкаф. Ну, потом они помирились. К нам еще два брата приходили, Гладыревские. Я эту семью не знала, не бывала у них, но братьев этих знала хорошо. С Николаем Гладыревским мы в 1921 году вместе ехали из Киева в Москву, и он в общежитие меня устроил. Он учился в Москве в медицинском институте. Это он к Леле Булгаковой сватался. Так пил потом, что заболел и умер (Н. Гладыревский умер в 1973 г.— *Л. П.*). Еще у них сестра была, кажется. А жена Николая, я так слышала, собиралась писать воспоминания, что будто бы он помогал Булгакову вести прием больных во время частной практики. Шервинский — это брат Николая, Юрий Гладыревский. Кажется, Юрий. Весельчак был, брехал все время, анекдоты рассказывал.

Л. П. К гетману он имел какое-нибудь отношение?

Т. К. Он был у Скоропадского, но не знаю, чем он там занимался. А других друзей я плохо помню. Не знаю даже имен.

* * *

Есть основания полагать, что с прообразом Шервинского Татьяна Николаевна ошиблась. Подробнее об этом будет сказано в главе с комментариями к «Белой гвардии».

На Рождество Тася и Михаил собирались съездить в Саратов. Некоторые исследователи считают, что Булгаков эту поездку совершил¹⁴, так как существует следующий документ: «Прошение Ректору об отпуске по случаю рождественских каникул в г. Саратов М. А. Булгакова от 20 декабря 1913 года»¹⁵.

* * *

Т. К. Я поехала одна. Михаил тоже собирался, но почему-то не поехал. Кажется, денег не было. Он сказал: «Поезжай одна, а я буду сидеть и заниматься. Никуда без тебя ходить не буду. Даже бриться не буду. Только долго не задерживайся. Неделя-две и достаточно». Я поехала. Там была уже тетя Катя с дочкой, маленькой Ирой. Я еще помню, Ира подходит к отцу и спрашивает: «Дядя Коля, ты дело Бейлиса читаешь?» Очень шумное дело было.

Л. П. Что это за дело?

Т. К. Этот Бейлис, он еврей был, вроде бы убил мальчика Ющинского. И вот, в Киеве состоялся суд. У всех евреев в городе даже траур был. В театры никто не ходил, и вообще... Там на суде такая Вера Чибиряк фигурировала. Мне запомнилось только, что около этого здания, где суд был, стояла толпа — студенты, репортеры... И вот, выходит оттуда эта Вера — а она красивая была и хорошо сложена, — поднимает платье, показывает зад и говорит: «Вот вам Вера Чибиряк». Потом Бейлиса оправдали, так в городе прямо праздник был. Все обнимались, целовались, театры заработали... Да, так вот, приехала я в Саратов. Родители прямо по пятам за мной ходили. Конечно... тут еще... Дело в том, что в 1913 году один мой брат застрелился, Константин. Мать мне в Киев написала.

Л. П. Из чего ж он мог застрелиться?

Т. К. У него «Монте-Кристо» был. Это охотничье...

Л. П. А причина?

Т. К. Никто ничего не знает. Оставил записку, что потерял веру какую-то... в чем? что? Никто ничего не мог понять.

Л. П. Да-а...

Т. К. Ну и вот, родители так обрадовались (приезду. — Л. П.), купили мне всяких хороших вещей: пальто, платье, шляпку какую-то. А мать подарила мне золотую цепь, очень длинную и толстую. Отец привез ей из-за границы. Она сделана была как веревка. С палец толщиной. Ну, совершенно как веревка. Я пробыла в Саратове неделю или две и поехала обратно. Мне надавали с собой всякой еды, вино, ветчину... Приехала, а Михаил действительно не брился. Такая смешная борода была, рыжая. Он тут же побрился, и мы пошли к Варваре Михайловне. А потом дома пировали.

Л. П. Еще что-нибудь вам запомнилось?

Т. К. Однажды, не то в 1913, не то в 1914 году, Михаил принес кокаин. Говорит: «Надо попробовать. Давай попробуем».

Л. П. Ну, и как?

Т. К. У меня от кокаина появилось отвратительное чувство. Отвратительное. Тошнить стало. Спрашиваю: «А ты как?» — «Да спать я хочу...» В общем, не понравилось нам.

* * *

К этому, примерно, времени относится написанный Булгаковым рассказ «Огненный змей» о страшной галлюцинации — змее, убивающем человека¹⁶. Мы еще встретим момент, когда наркотик вызвал у него подобную же галлюцинацию. Увидим также, как проявились эти впечатления в повести «Роковые яйца»¹⁷.

* * *

Л. П. А как началась первая мировая война, не помните?

Т. К. Ей-Богу, я не помню.

Л. П. Неужели не произошло никаких изменений в жизни?

Т. К. Нет, никаких. Нас ведь это не коснулось никак.

Л. П. Не ухудшилось снабжение? Как было с продуктами во время войны?

Т. К. Мы ходили в магазин такой маленький, «Лизель», на Крещатике, кажется. Там была ветчина, колбасы, сосиски очень вкусные были. Нам московская колбаса нравилась. Масло я покупала мекковское. Очень вкусное масло. Я однажды у бабушки Лизы попробовала и стала только это масло покупать. Еще покупали селедку и ужинали дома. Потом ходили гулять. Он все был недоволен: «Почему на тебя все смотрят?» А я из Саратова привезла такой костюм тафтовый черный... юбка широкая и недлинная, шляпка синяя простенькая, туфли хорошие. Эффектный был вид. «Почему смотрят?..» И еще не разрешал: «Не смей пудриться и губы мазать!» Так я быстренько, пока мы спускались по лестнице, попудрюсь и губы намажу.

Л. П. Значит, начало войны не произвело на вас никакого впечатления?

Т. К. Ну, волновались, конечно... Сонька, сестрица моя, сбежала. Она, конечно, нехорошо поступила. Влюбилась в какого-то военного, никому ничего не сказала и ушла из дома.

Л. П. А как она... внешне?

Т. К. Она интереснее меня была, и выше. Он военную академию кончил, был в Саратове, они как-то познакомились. А мы с Михаилом, как началась война, поехали в Саратов. Летом 1914 года. Приезжаем — Соньки нет. Пропала. Сказала, пойдет к подруге, и уже несколько дней нету. А она сделалась медицинской сестрой и поехала с ним на фронт. Ну, отец, конечно, разузнал все и страшно рассердился, очень переживал. Отказался от нее даже. Конечно, если б она сказала... Ну, потом она письмом написала, просила прощения, приехала в Саратов, и все было вроде гладко. Ко мне в Киев приезжала, наверное, в 1915 году. Очень хорошо одета, остановилась в шикарнейшей гостинице, привезла — тогда этого не было — печенье «Каплетэн», такую коробку шоколада «Гола-Петэр» и бутылку рому.

* * *

Да, после благополучного окончания третьего курса летом 1914 года Михаил с Тасей были в Саратове. Туда уже начали поступать раненные. Тасина мать, Евгения Викторовна Лаппа, была дамой-патронессой города и занималась организацией госпиталя на общественные средства. Медицинского персонала пока не хватало, и она попросила Михаила немного помочь. Он уходил в госпиталь ежедневно и работал по несколько часов, делая перевязки. В один из дней у Казенной палаты устроили фотосъемку. У Татьяны Николаевны долго хранилась карточка большой группы работников госпиталя, среди которых в белом халате сидел и Михаил Булгаков. Недавно Татьяна Николаевна вырезала оттуда Булгакова, а остальное выбросила.

* * *

Л. П. Вы не помогали ему в госпитале?

Т. К. Нет, не помогала. Вот, как вернулись в Киев, я работала

в госпитале у тети Кати. На перевязке людей было достаточно, и меня попросили кормить раненых. Я согласилась. Так мне давали два огромных ведра, и я тащила их на пятый этаж. Потом кормила раненых, писала письма или еще что. Возвращалась домой совершенно измученная. Михаил посмотрел, посмотрел и говорит: «Хватит, поработала».

* * *

Наступил 1916 год, а с ним и пора экзаменов. Михаил Булгаков заканчивал университет. По пути на первый экзамен на его запястье поблескивал золотой Тасин браслет — «на счастье». Диплом врача он получил с отличием.

* * *

Л. П. Интересно, отмечали это как-нибудь?

Т. К. Да-а! Когда сдали экзамены, целое празднество было! Они где-то собирались, что-то пили, куда-то ходили, что-то орали... Михаил пришел домой пьяный и говорит: «Я пьяный сегодня пришел».

Л. П. Ну, а что потом?

Т. К. Потом надо было куда-то устраиваться. Ведь надо жить на что-то. На 50 рублей не очень-то... Он пошел в Красный Крест, чтобы его направили в какой-нибудь киевский госпиталь, но ему дали направление в Каменец-Подольский.

5. ФРОНТОВЫЕ ГОСПИТАЛИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Л. П. Вы поехали вместе?

Т. К. Нет. Он поехал, и через неделю я получила телеграмму: «Приезжай в Каменец-Подольский». Ну, я взяла немного вещей и поехала. Он меня встретил и привез в какой-то сад. Маленький такой домик, и прекрасные розы растут. Там мы комнату снимали. Небольшой такой городок, старый, но красивый.

Л. П. Он в военной форме ходил или в штатском?

Т. К. В военной форме. Тогда называли «зауряд-врачи». И госпиталь был недалеко от этой квартирки. Вот, немного мы там жили, потом сообщение, что наши заняли Черновицы (после 1944 г. — Черновцы. — *Л. П.*) и госпиталь туда переведят. Все говорили: «Зачем ты жену вызвал? Будет эвакуация». В общем, надо, чтобы семья уехала, и я поехала в Киев, а когда уже твердо обосновались в Черновицах, он меня туда вызвал. Надя мне еще пачку прокламаций сунула, чтоб я их туда отвезла...

Л. П. Что за прокламации?

Т. К. Не знаю. Они с Андреем — Земским — какой-то там пропагандой занимались. Вот, я спрятала их в корзинку и везла. В Черновицах у нас очень хорошая квартира была, хорошо обставлена. Там еще столовая была и комната одна, где врач жил из Черновиц. А Михаил устроил меня в госпиталь работать.

Л. П. Медсестрой?

Т. К. Там очень много гангренозных больных было, и он все время ноги пилил. Ампутировал. А я эти ноги держала.

Л. П. Ничего себе.

Т. К. Ой! Так дурно становилось, думала, сейчас упаду. Потом отойду в сторонку, нашатырного спирта понюхаю и опять. Потом привыкла. Очень много работы было. С утра, потом маленький перерыв и до вечера. Он так эти ноги резать научился, что я не успевала... Держу одну, а он уже другую пилит. Даже пожилые хирурги удивлялись. Он их опережал. Потом я снова почему-то поехала в Киев и вернулась в Черновицы. Он меня в Орше встречал, потому что туда пропуск нужно было.

Л. П. И долго вы пробыли в Черновицах?

Т. К. Да так приблизительно с месяц. Потом его вызвали в Москву за новым назначением, и мы туда поехали.

Л. П. В Москву?

Т. К. В Москву.

Л. П. Прямо из Черновиц?

Т. К. Из Черновиц.

Л. П. Вместе?

Т. К. Да, вместе.

Л. П. Это когда было?

Т. К. Это все в 1916 году. В сентябре, наверное.

Л. П. Ну, и как Москва? Какие впечатления?

Т. К. Да ничего особенного. Ой, тогда Москва такая деревня была! В театр мы там сходили, в Малый...

Л. П. Что смотрели?

Т. К. Не помню, что смотрели, но вот зонтик я там забыла. Хороший такой зонтик, черный с янтарной ручкой... Тогда в Москве все время дожди шли. Кажется, в «Праге» еще были.

Л. П. А остановились вы где?

Т. К. А мы там очень мало пробыли. День или два. У дядьки жили (Н. М. Покровский) в Обуховом переулке. Михаил получил назначение ехать врачом в земство, и мы поехали в Смоленск. Там ночь переночевали, а потом в Сычевку. Там ему в Управу нужно было земскую, к начальнику. Очень интересный мужчина такой был. И от туда уже мы поехали в Никольское.

6. «ЛЮДИ! КТО-НИБУДЬ ПОМОЖЕТ МНЕ?»¹⁸

Документов дореволюционного периода булгаковской биографии сохранилось немного, поэтому специалистами он освещается либо очень скупо, либо работы изобилуют косвенной информацией. Однако начиная с «никольского периода» впервые появился солидный литературный автобиографический материал — «Записки юного врача»¹⁹. Это и подвело большинство исследователей.

Посвященная никольскому периоду статья Михаила Стеклова снабжена красноречивым заголовком: «Я стал отважным человеком...»²⁰.

«Именно в те тяжелые и беспокойные дни закалился и окреп его характер. Характер человека, бойца, врача!..» — пишет Альберт Бурмистров²¹.

«...Состоял на службе Сычевского земства в должности врача, заведующего Никольской земской больницей, за какое время зарекомендовал себя энергичным и неутомимым работником на земском поприще», — цитирует Мариэтта Чудакова²².

«Потом, в „Записках юного врача“, этот период предстанет едва ли не как самый светлый в его биографии...» — пишет Лидия Яновская²³.

В то же время каждый из этих специалистов отлично знает, что все обстояло совершенно иначе.

«Эта полоса была ужасная. Отчего вот и бежали мы из земства... Он был такой ужасный, такой, знаете, какой-то... такой жалкий был... Я знаю, что там у него было самое ужасное настроение... Да, не дай Бог такое...» (Т. Кисельгоф, стенограмма).

Впрочем, не будем забегать вперед.

В конце сентября 1916 года Булгаковы приехали в Никольское.

* * *

Л. П. Ну, и как вам сорок верст на телеге? Как вас встретили? Какое впечатление?

Т. К. Отвратительное впечатление. Во-первых, страшная грязь. Но пролетка была ничего, рессорная, так что не очень трясло. Но грязь бесконечная и унылая, и вид такой унылый. Туда приехали под вечер. Такое все... Боже мой! Ничего нет, голое место, какие-то деревца... Издали больница видна, дом такой белый и около него флигель, где работники больницы жили, и дом врача специальный. Внизу кухня, столовая, громадная приемная и еще какая-то комната. Туалет внизу был. А сверху кабинет и спальня. Баня была в стороне, ее по-черному топили. Там такая жара была... и дым. Я потом кашляла все время, потому что, как выскочу, — тут же дышать воздухом.

Л. П. Так больница не в деревне была?

Т. К. Нет. Голое место. Только напротив на некотором расстоянии дом стоял вроде помещичьего. Знаете, фасад такой?.. Но все очень унылое такое, дом ободранный весь. Это, нам сказали, разорившиеся помещицы там живут, две сестры. Одна потом к нам ходила. Они только иногда туда приезжали, а так дом пустой стоял.

* * *

«Я содрогнулся, оглянулся тоскливо на белый облупленный двухэтажный корпус, на небеленые бревенчатые стены фельдшерского домика, на свою будущую резиденцию — двухэтажный очень чистенький дом с гробовыми загадочными окнами, протяжно вздохнул (...). Справа горбатое обглоданное поле, слева чахлый перелесок, а возле него серые драные избы, штук пять или шесть. И кажется, что в них нет ни одной живой души. Молчание, молчание кругом...» (М. Булгаков. «Полотенце с петухом»).

* * *

Л. П. А персонал какой был?

Т. К. Фельдшер один был... Демьяныч, кажется, звали (Емельян Фомич Трошков²⁴. — *Л. П.*), молодой такой, не старый. И две медсестры. Одна немолодая такая (Агния Николаевна Лобачевская. — *Л. П.*), акушеркой была, довольно симпатичная, деловая. А другая — Степанида (Степанида Андреевна Лебедева. — *Л. П.*), терапевтическая сестра... та попроще была. Потом мы еще прислугу взяли, женщину одну с ребенком, Анна Ивановна, кажется. Я тоже хотела там работать, даже без зарплаты — делать-то там нечего, — просто, чтобы работать... Так они воспротивились, не захотели, чтобы жена врача там была. Михаил сказал: «Знаешь что, ничего не получается. Они мне сказали, что им это будет неприятно».

Л. П. А вот оборудование, лекарства?

Т. К. Вы знаете, там всего полно было. Вот уже перед этой войной я в Сибири медсестрой работала — город Черемхово, — так там ничего не было. А тут, в земстве... По крайней мере, Михаил говорил, что и инструмент любой, и все есть. Библиотека даже была, правда, все время заперта.

* * *

«Я успел обойти больницу и с совершеннейшей ясностью убедился в том, что инструментарий в ней богатейший. При этом с той же ясностью я вынужден был признать (про себя, конечно), что очень многих блестящих девственно инструментов назначение мне вовсе не известно. Я их не только не держал в руках, но даже, откровенно признаюсь, и не видал. (...) Затем мы спустились в аптеку, и сразу я увидел, что в ней не было только птичьего молока. В темноватых двух комнатах крепко пахло травами, и на полках стояло все что угодно. Были даже патентованные заграничные средства, и нужно ли добавлять, что я никогда не слышал о них ничего» (М. Булгаков. «Полотенце с петухом»).

* * *

Л. П. Ну, и как там работалось?

Т. К. Ох, какие они были! Ох, Боже мой! А знахарство какое было! В первую же ночь, как мы приехали, Михаила к роженице вызвали. Я сказала, что тоже пойду, не останусь одна в доме. Он говорит: «Забирай книги, и пойдем вместе». Только расположились и пошли ночью в больницу. А муж этой увидел Булгакова и говорит: «Смотри, если ты ее убьешь, я тебя зарежу». Вот, думаю, здорово. Первое приветствие. Михаил посадил меня в приемной, «Акушерство» дал и сказал, где раскрывать. И вот, прибежит, глянет, прочтет и опять туда. Хорошо, акушерка опытная была. Справились, в общем. Принимал он очень много. Знаете, как пойдет утром... не помню, с которого часа, не помню даже, чай ли пили, ели ли чего... И, значит, идет принимать. Потом я что-то готовила, какой-то обед, он приходил, наскоро обедал и до самого вечера принимал, покамест не

примет всех. Вызовов тоже много было. Если от больного приезжали, Михаил с ними уезжает, а потом его привозят. А если ему нужно было куда-то ехать, лошадей ему приводили, бричка или там сани подъезжали к дому, он садился и ехал. Диагнозы он замечательно ставил. Прекрасно ориентировался.

* * *

«Ко мне на прием по накатанному санному пути стали ездить сто человек крестьян в день. Я перестал обедать. Арифметика — жестокая наука. Предположим, что на каждого из ста моих пациентов я тратил только по пять минут... пять! Пятьсот минут — восемь часов двадцать минут. Подряд, заметьте. И, кроме того, у меня было стационарное отделение на тридцать человек. И, кроме того, я ведь делал операции» (М. Булгаков. «Вьюга»).

* * *

Л. П. А интересно, развлечения какие-нибудь были? Вы к кому-нибудь ходили, к вам кто-нибудь приезжал?

Т. К. Нет. Никаких. Я ходила иногда в Муравишники — рядом село было, — там один священник с дочкой жил. Ездили иногда в Воскресенское, большое село, но далеко. В магазин ездили, продукты покупать. А то тут только лавочка какая-то была. Даже хлеб приходилось самим печь... Очень, знаете, тоскливо было.

Л. П. Булгаков тогда писал что-нибудь?

Т. К. Тогда ничего. Это он после того, как морфий себе колоть начал. После отпуска.

Л. П. О, так вы были в отпуске? Куда ездили?

Т. К. Да. Вскоре после того, как мы туда приехали, Михаилу дали отпуск. Поехали через Москву...

Л. П. Задерживались там?

Т. К. Нет. Прямо с вокзала на вокзал. Даже к дядьке не заходили (Н. М. Покровский. — *Л. П.*). Мы так решили: я поеду в Саратов, а он в Киев, а потом приедет в Саратов. Пожила я в Саратове, а Михаила все нет. Я стала беспокоиться, махнула в Киев. Приехала на Андреевский спуск. Михаил говорит: «Зачем ты приехала? Я только что собирался в Саратов ехать». Ну, поехали вместе в Саратов. А с билетами трудно было, произошла эта... революция...

Л. П. Да-а-а? Это Октябрьская?

Т. К. А еще другая была?

Л. П. Еще Февральская.

Т. К. Не знаю. Я в политике ни черта не смыслю.

Л. П. Ну, погода какая была? Снег? Дождь?

Т. К. Не могу сказать. Знаю, что, когда мы возвращались в Никольское, надо было озеро переезжать, а оно вскрылось, и надо было на лошадях верхом ехать.

Л. П. Вы с ним на одной лошади сидели?

Т. К. Нет, на разных.

Л. П. Как же вы с ней разговаривали?

Т. К. А она смиренная была. Но боялась я страшно. Никогда раньше верхом не ездила.

Л. П. Если озеро вскрылось, то до этого оно было замерзшим. Значит, вы ехали весной. Получается, Февральская революция была.

Т. К. Не знаю. Знаю только, что в Саратове беспокойно было, всюду толпы, погоны с себя срывают... Мы пожили немного, и надо опять в наше захолустье ехать. И уехали.

Л. П. Ну, и какие в Никольском перемены были?

Т. К. Да никаких. Мужики как были темными, так и остались. Только прислуга наша говорит мне: «Теперь все равны, так что я не буду называть вас „барыней“, а буду звать „Татьяна Николаевна“».

Л. П. Вы говорите, отпуск Булгакову вскоре после начала работы дали?

Т. К. Да.

Л. П. Через полгода?

Т. К. Может быть, даже раньше.

Л. П. Тогда все ясно. В Вязьму-то он только через год попал, так что в Саратове вас Февральская революция застала, а в отпуск вы поехали через... октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль... через пять месяцев.

Т. К. Совершенно верно! Вот, правильно.

(Датировка Татьяны Николаевны подтверждается тремя документами — записками М. Булгакова, написанными им во время пребывания в Киеве, — датированными 7 марта 1917 года²⁵. — *Л. П.*)

Л. П. Ну, слава Богу. Значит, уехали вы в феврале, вернулись в марте 1917-го. А потом?

Т. К. А там уже вскоре это с морфием началось. Привезли ребенка с дифтеритом, и Михаил стал делать трахеотомию. Знаете, горло так надрезается? Фельдшер ему помогал, держал там что-то. Вдруг ему стало дурно. Он говорит: «Я сейчас упаду, Михаил Афанасьевич». Хорошо, Степанида перехватила, что он там держал, и он тут же грохнулся. Ну, уж не знаю, как они там выкрутились, а потом Михаил стал пленки из горла отсасывать и говорит: «Знаешь, мне, кажется, пленка в рот попала. Надо сделать прививку». Я его предупреждала: «Смотри, у тебя губы распухнут, лицо распухнет, зуд будет страшный в руках и ногах». Но он все равно: «Я сделаю». И через некоторое время началось: лицо распухает, тело сыпью покрывается, зуд безумный. Безумный зуд. А потом страшные боли в ногах. Это я два раза испытала. И он, конечно, не мог выносить. Сейчас же: «Зови Степаниду». Я пошла туда, где они живут, говорю, что «он просит вас, чтобы вы пришли». Она приходит. Он: «Сейчас же мне принесите, пожалуйста, шприц и морфий». Она принесла морфий, вприснула ему. Он сразу успокоился и заснул. И ему это очень понравилось. Через некоторое время, как у него неважное состояние было, он опять вызвал фельдшерицу. Она же не может возражать, он же врач... Опять впрыскивает. Но принесла очень мало морфия. Он опять... Вот так это и началось.

* * *

«Я собирался ложиться спать, как вдруг у меня сделались сильные боли в области желудка. Но какие! Холодный пот выступил у меня на лбу. <...> Власа отправили к Анне Кирилловне. Та ночью пришла ко мне и вынуждена была впрыснуть мне морфий. <...>

Вечером пришла боль, но не сильная, как тень вчерашней боли, где-то за грудной костью. Опасаясь возврата вчерашнего припадка, я тотчас себе впрыснул в бедро один сантиграмм.

Боль прекратилась мгновенно почти. Хорошо, что Анна Кирилловна оставила пузырек.

18-го (февраля).

Четыре укола не страшны.

25-го февраля.

Чудак эта Анна Кирилловна! Точно я не врач, $1\frac{1}{2}$ шприца = 0,015 морф? Да.

1 марта.

Доктор Поляков, будьте осторожны!

Вздор»

(М. Булгаков. «Морфий»).

* * *

Л. П. А как он себя вел после впрыскивания? Какое у него было состояние?

Т. К. Очень такое спокойное. Спокойное состояние. Не то чтобы сонное. Ничего подобного. Он даже пробовал писать в этом состоянии.

Л. П. Вы не читали?

Т. К. Нет, он мне не давал. Или скрывал, или думал, что я дура такая и в литературе ничего не понимаю. Знаю только, что женщина и змея какая-то там... Мы вот когда в отпуске были, в кино видели, там женщина что-то по канату ходила...

Л. П. Это он из этих впечатлений писал?

Т. К. Не могу сказать. Не знаю. Я просила, чтоб он дал мне почитать, но он говорит: «Нет. Ты после этого спать не будешь. Это бред сумасшедшего». Показывал мне только. Какие-то там кошмары и все...

* * *

Напомню, что это не первое обращение Булгакова к наркотику и не первое описание змеи — страшной галлюцинации. Добавлю, что и не последнее: в 1925 г. появится повесть «Роковые яйца».

* * *

Т. К. Мне он тоже морфий впрыскивал...

Л. П. Вам?!

Т. К. Да. У меня появились страшные боли под ложечкой, и он мне впрыснул.

Л. П. Ну! Расскажите, какие ощущения? Интересно!

Т. К. Ощущения? Знаете, у всех, наверное, разные. Он говорил, что замечательные, что куда-то ты плывешь...

* * *

«Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если бы не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфием» (М. Булгаков. «Морфий»).

* * *

Т. К. А у меня вот от морфия закружилась голова, и куда-то я упала, потом заснула. А проснулась, у меня рвота началась. Так что на меня морфий отвратительно действует. Вот, то же самое, мы кокаин пробовали нюхать...

Л. П. Это еще в Киеве?

Т. К. Да, в 1913 году. Я отвратительно себя чувствовала после этого. Не то чтобы возбуждение какое-то, а сонливость. И началась рвота. А он — прекрасно. Вот эфир на меня хорошо действовал. Я из Никольского ездила в Москву к дядьке его (у нас должен был быть ребенок, а я не хотела), так он потом: «Ты что, морфинистка?» Я говорю: «Нет, дядя Коля, это в детстве, когда мигрени, я себе эфиром помажу и засыпаю». Он говорит: «Ты так можешь эфироманкой сделаться. Куда же смотрит Михаил?»

Л. П. А интересно, почему у Булгакова за всю жизнь детей не было?

Т. К. Потому что я не хотела.

Л. П. Ну, а потом?

Т. К. А потом я не знаю. Потом уж... Елена Сергеевна... Она, кажется, старше его была (она была на два года младше. — Л. П.). У нее уже было два сына. Он любил чужих детей, не своих. Потом у меня никогда не было желания иметь детей. Потому что жизнь такая. Ну, что бы я стала делать, если бы у меня ребенок был? А потом, он же был больной, морфинист. Что за ребенок был бы? Летом приезжала ко мне мать с Колькой и Володькой (братья Татьяны Николаевны. — Л. П.) и спрашивает: «Что это с Михаилом?» Я говорю: «Он болеет». Ничего ей, конечно, не сказала.

Л. П. Понравилось ей у вас?

Т. К. Нет, она была недовольна. Все время переживала, плакала, потому что от Женьки никаких вестей не было. И вдруг от отца письмо: Женьку убили. Он, вообще, был очень неуравновешенный, очень нервный был. Ночью даже ходил как лунатик, и мать всегда окна проверяла, хорошо ли заперты. Как началась война, он вернулся из Парижа. Там он взял несколько уроков у Пикассо, научился нюхать кокаин, и этим дело кончилось. Приехал — у него одни только

галстуки, цилиндр и больше ничего. Запихнули его в Петербург в военное училище. Когда отправляли гвардейцев на фронт, Керенский речь произносил, и сразу в бой. В первом же бою его убило... шрапнелью, что ли, в голову. В Саратов приехал его денщик, привез его вещи. Ну, мать сразу уехала, Коля с Вовкой побыли немного и тоже уехали.

Л. П. Татьяна Николаевна, а вот после второго укола Степанида ничего не заподозрила?

Т. К. Она заподозрила. И я с ней говорила: «Что вы делаете? Вы не приносите...» А она: «Как же я могу не приносить? Он же врач, я не могу ослушаться».

Л. П. И как часто он делал уколы? Раз в неделю?

Т. К. Какой черт раз в неделю!

Л. П. Раз в день?

Т. К. Два раза в день.

Л. П. Так это уже порядочно времени прошло?

Т. К. Да, порядочно. Потом он сам уже начал доставать, ездил куда-то. И остальные уже заметили. Он видит, здесь уже больше оставаться нельзя. Надо сматываться отсюда. Он пошел — его не отпускают. Он говорит: «Я не могу там больше, я болен», — и все такое. А тут как раз в Вязьме врач требовался, и его перевели туда.

* * *

«Ночью у меня была ссора с Анной К.

— Я не буду готовить раствор.

Я стал ее уговаривать:

— Глупости, Аннуся. Что я, маленький, что ли?

— Не буду. Вы погибнете.

— Ну, как хотите. Поймите, что у меня боли в груди!

— Лечитесь.

— Где?

— Уезжайте в отпуск. Морфием не лечатся. — (Потом подумала и добавила). — Я простить себе не могу, что приготовила вам тогда вторую склянку. <...>

Итак, если вести историю болезни, то вот: я впрыскиваю себе морфий два раза в сутки: в 5 часов дня (после обеда) и 12 час. ночи перед сном <...>.

Страшнейшую убыль морфия в нашей аптеке я пополнил, съездив в уезд <...>.

...Достал еще в одной аптеке на окраине — 15 грамм однопроцентного раствора — вещь для меня бесполезная и нудная (9 шприцев придется впрыскивать!). И унижаться еще пришлось. Фармацевт потребовал печать, смотрел на меня хмуро и подозрительно. Но зато в другой день я, придя в норму, получил без всякой задержки в другой аптеке 20 граммов в кристаллах... <...>

Анна. — Фельдшер знает.

Я. — Неужели? Все равно. Пустяки.

Анна. — Если ты не уедешь отсюда в город, я удавлюсь. Ты слышишь?» (М. Булгаков. «Морфий»).

* * *

Т. К. Вязьма — такой захолустный город. Дали нам там комнату. Как только проснулись — «иди ищи аптеку». Я пошла, нашла аптеку, приношу ему. Кончилось это — опять кадо. Очень быстро он его использовал. Ну, печать у него есть — «Иди в другую аптеку, ищи». И вот я в Вязьме там искала, где-то на краю города еще аптека какая-то. Чуть ли не три часа ходила. А он прямо на улице стоит, меня ждет. Он тогда такой страшный был... Вот, помните, его снимок перед смертью? Вот такое у него лицо было. Такой он был жалкий, такой несчастный. И одно меня просил: «Ты только не отдавай меня в больницу». Господи, сколько я его уговаривала, увещевала, развлекала... Хотела все бросить и уехать. Но как посмотрю на него, какой он — «Как же я его оставлю? Кому он нужен?» Да, это ужасная полоса была.

Л. П. А где вы там жили?

Т. К. От больницы порядочно. Две комнаты у нас было: столовая и спальня. Там еще одна комната была, ее какая-то посторонняя женщина занимала.

Л. П. Ездили куда-нибудь из Вязьмы?

Т. К. Куда же он поедет, если ему все время колоть себя надо. Только вот в Москву насчет демобилизации ездил...

* * *

Специалисты, однако, дружно утверждают, что во время поездки в Москву в декабре 1917 года Булгаков побывал еще и в Саратове у родителей жены с поручением от Татьяны Николаевны.

* * *

Т. К. Ничего подобного. Он без меня в Саратове вообще ни разу не был. И в этот раз не ездил. Уж это я бы знала. И никаких поручений я ему не давала. Не был он тогда в Саратове, это я совершенно точно знаю. В Москве был, верно. У него там бумажник украли.

Л. П. Много денег пропало?

Т. К. Четыреста рублей. Он зарплату получил. Приехал без копейки денег. А с Саратовом они что-то путают.

* * *

Впервые о поездке в Саратов упомянула М. Чудакова, ссылаясь на комментарии Н. А. Земской к письму Булгакова от 31 декабря 1917 г.²⁶ Действительно, там есть такая фраза: «Недавно в поездке в Москву и Саратов мне пришлось видеть воочию то, что больше я не хотел бы видеть». Н. А. Земская относит это к декабрьской поездке Булгакова, хотя, на мой взгляд, речь идет о весенней поездке в отпуск. Именно тогда застали Булгаковых революционные события, отраженные в тексте этого письма: «Я видел, как толпы бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве. Видел голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров...»²⁷

* * *

Л. П. Татьяна Николаевна, вот в Вязьме вас застала Октябрьская революция. Какое у вас впечатление осталось? Митинги, банты?

Т. К. Ничего этого я не помню. Ничего этого не было. Мне бы все-таки запомнилось, если б что-нибудь из ряда вон выходящее было. Я ходила в кино, это я помню. Смотрела «У камина». Там Вера Холодная была.

Л. П. Ну, революция все-таки.

Т. К. Возможно.

Л. П. И никаких впечатлений?

Т. К. Нет. Ничего. Ни бантов, ничего не было. Все было тихо-спокойно.

Л. П. А может быть, какие-то разговоры были, может быть, Булгаков однажды пришел с работы и сказал, что революция там какая-то свершилась? Ничего такого не было?

Т. К. Не помню я, не помню. Ничего не могу сказать. Ничего абсолютно. Я только знаю морфий. Я бегала с утра по всем аптекам в Вязьме, из одной аптеки в другую... Бегала в шубе, в валенках, искала ему морфий. Вот это я хорошо помню. А больше ни черта не помню. Ездил я из Вязьмы в Москву на неделю к Николаю Михайловичу... Страшно волновалась, как там Михаил. Потом приехала и говорю: «Знаешь что, надо уезжать отсюда в Киев». Ведь и в больнице уже заметили. А он: «А мне тут нравится». Я ему говорю: «Сообщат из аптеки, отнимут у тебя печать, что ты тогда будешь делать?» В общем, скандалили, скандалили, он поехал, похлопотал, и его освободили по болезни, сказали: «Хорошо, поезжайте в Киев». И в феврале мы уехали.

* * *

«Внешний вид: худ, бледен восковой бледностью.

Брал ванну и при этом взвесился на больничных весах. В прошлом году я весил четыре пуда (65,2 кг.— *Л. П.*), теперь 3 пуда 15 фунтов (55 кг.— *Л. П.*). Испугался, взглянув на стрелку, потом это прошло. <...>

Анна приехала. Она желта, больна.

Доконал я ее. Доконал. Да, на моей совести большой грех.

Дал ей клятву, что уезжаю в середине февраля» (М. Булгаков. «Морфий»).

* * *

Л. П. Татьяна Николаевна, об этом времени почти ничего не пишут. Есть только одна большая публикация Бурмистрова «Поездка в прошлое»²⁸.

Т. К. Я прочла — фу ты, черт возьми!..

Л. П. А мы по порядку разберем. Вот он пишет: «Когда „врач резерва“ Михаил Булгаков начал служить здесь, уже фельдшерами работали Владимир Петрович Коблянский и Емельян Фомич Трошк...»²⁹

Т. К. Нет, фельдшер один только был. Вот этот... Емельян Фомич.

Л. П. А вот и третий: «Был еще А. И. Иванов...»³⁰

Т. К. Нет, нет. Один был фельдшер. Может быть, потом, когда мы уехали...

Л. П. Нет, Бурмистров пишет, что при Булгакове.

Т. К. Не знаю. Я их не помню.

Л. П. Вот очень важное место. Это о поездке в отпуск в 1917 году: «Была и третья причина: ознакомление их (родственников и друзей.— Л. П.) со своими новыми произведениями...»³¹

Т. К. Ничего не было. Это он выдумывает. Ничего подобного. У него ничего не было. Он ничего не писал в земстве, только вот про женщину-змею...

Л. П. До отпуска?

Т. К. Нет, уже после, когда морфий начал.

Л. П. Еще вопрос: «Теперь он становится активным, часто ездит в Сычовку, выступает...»³²

Т. К. По-моему, он не ездил и не выступал ни разу. Ближний свет — сорок верст ехать! Чтобы выступить. А-а, ерунда какая. Да и некогда было!

Л. П. Так... «...Привык к постоянной собранности <...> лицо заострилось, взгляд стал тверже, на лбу появилась постоянная складка...»³³

Т. К. Все это от морфия, а не от работы.

Л. П. А вот Бурмистров старожилов нашел, которые вас вспоминают. Вот, бывшая медсестра говорит: «Помню и его, и его жену Татьяну Николаевну...»³⁴

Т. К. Врет. Я в больнице ни разу не появлялась, и ни одна медсестра у нас не была. И никаких у нас там знакомых не было. Ни души!

Л. П. Ясно. «...жили они тут же, на этом месте, занимали три комнаты...»³⁵

Т. К. Ничего подобного.

Л. П. «...Булгаков часто уезжал...»³⁶

Т. К. Никуда он не уезжал. Он не мог уезжать.

Т. К. «...тогда молодежь собиралась у Татьяны Николаевны. Пели, танцевали...»³⁷

Т. К. Ой, какая брехня! А ведь Бурмистров был у меня после этой поездки.

Л. П. «...В здании амбулатории находилась квартира Булгаковых...»³⁸

Т. К. Ничего подобного. Мы там даже и близко не были. Там не было квартиры.

Л. П. Ладно. Тогда все, пожалуй. Вот так, как пишет Бурмистров, проходила «его трудная, упорная борьба за жизнь и здоровье больных»³⁹.

Т. К. Хм-хм! Ой... Ну, вы знаете, тогда...

Л. П. Нет, ну правильно все-таки?

Т. К. Правильно... когда вот так читаешь — не разбирая,— то

будто бы хорошо написано. А когда вы начнете вот так по пунктам разбирать — ни к черту не годно.

Л. П. «В конце февраля 1918 года Булгаковы покинули Вязьму»⁴⁰.

Т. К. Вот, да.

* * *

В своей книге «Творческий путь Михаила Булгакова» Л. Яновская отвела «Морфию» значительное место⁴¹. Однако прежде необходимо сказать несколько слов о затруднениях в обращении к материалам ее книги.

Прежде всего, это большое количество оговорок типа «вероятно», «может быть», «кажется», «возможно» и т. п. Только на с. 36 на шесть абзацев введено семь таких выражений. Таким образом, многие поставленные на этапе исследования вопросы оставлены автором без ответа. Настораживают случаи неаргументированного проецирования художественных событий в произведениях Булгакова на его биографию. «Я очень хорошо знала, — пишет Яновская, — что автобиографическую прозу Булгакова читать как автобиографию нельзя» (с. 52), однако тут же вводит весьма сомнительный, например, факт мобилизации Булгакова в 1918 году гетманом, основываясь исключительно на текстах его произведений (с. 33). Встречаются случаи вообще ни на чем не основанных предположений:

«Полякова в повести „Морфий“ зовут Сергей Васильевич, но — не могу доказать и не стану предлагать в качестве научной гипотезы — всякий раз, когда в повести Анна К. обращается к нему: „Сергей Васильевич!...“, у меня возникает ощущение, что имя заменено, что зовет она его „Алексей Васильевич!“ — и даже, да простится мне это совсем уже смелое предположение (читатель волен принимать его или не принимать), что в той первой, основной редакции — в романе — фамилия его была не Поляков, а Турбин...» (с. 86).

Хуже, когда Яновская выдает свои предположения за твердые факты: «„Бывалый человек“ не назван, но, конечно, это Всеволод Иванов...» (с. 81); «И уж безусловно существовала мерзостная рожа петлюровского полковника...» (с. 36); «Важно отметить, что монархизм героев не автобиографичен. К семье Булгаковых все это никакого отношения не имеет» (с. 123). И ни одного довода.

Приводя мнение Н. Земской (с. 83) и дневниковую запись Ю. Слезкина («Читал свой роман о каком-то наркомане») (с. 88), Яновская утверждает (с. 87), что рассказ «Морфий» — след не дошедшего до нас романа «Недуг». Что ж, это не исключено, хотя и звучит не очень убедительно. Во-первых, из предыдущих глав мы знаем о болезни 80-летней Земской и полемичности некоторых ее суждений. Во-вторых, запись Слезкина сделана спустя десятилетие после события, и в ней не названы ни «Морфий», ни «Недуг».

Хотя не сохранилось никаких свидетельств, проливающих свет на содержание романа «Недуг», Яновская далее пишет:

«В романе конечно же освещались революционные события в Москве (недаром Булгаков ездил в Москву в конце 1917 года). Эти события были центром, существом замысла» (с. 83). Ни одного факта в пользу этого утверждения автор не приводит. Есть у нее только два довода:

Первый — «1917 год без 1917 года в произведении Михаила Булгакова невозможен» (с. 86).

— Почему же невозможен, Лидия Марковна?

— Потому!

И все...

Второй — «Недаром Булгаков ездил в Москву в конце 1917 года» (с. 86).

Вот это уже страшно. Дело в том, что Яновская прекрасно знала (мы с ней говорили об этом), что Булгаков, доведенный морфинизмом до ужасного состояния, ездил туда из-за болезни, пытался демобилизоваться. Зная это, писать о революционных замыслах Булгакова — преднамеренное искажение правды, а короче говоря, фальсификация.

Еще тому пример: герой рассказа «Морфий» Поляков записывает в дневнике: «Ночь течет, черна и молчалива... Далеко, далеко взъерошенная, буйная Москва. Мне ни до чего нет дела, мне ничего не нужно, и меня никуда не тянет».

Комментарий Л. Яновской:

«Это художественно оправдано, это логично для больного Полякова: асоциальность, отчужденность от общества — одно из тяжелых проявлений наркомании. Это совершенно нелогично для автора, писателя Михаила Булгакова, с его напряженнейшими размышлениями о судьбах России, о революции и гражданской войне...» (с. 86). Так написала Яновская, полностью отдавая себе отчет в том, что Булгаков и наркоман — одно и то же лицо.

И наконец, самое страшное: эти частные фальсификации ведут к фальсификации концептуальной.

«Революция — это была для него Россия, один из грандиозных, жестоких и мощных всплесков ее истории. Но то, что в этих событиях возникло нечто, чего при пугачевщине не было, он видел. Светлое, утверждающее, организующее начало, подчинившее кровавую стихию крестьянской войны, выводящее Россию к тишине и миру. Так Михаил Булгаков воспринимал большевиков и их роль в гражданской войне» (с. 112).

«Для Булгакова большевики — великая историческая сила, и уже в самом этом — их правда. Они — воплощение истории, лик Времени. В их победе — будущее России» (с. 131). И так далее, через всю книгу.

В книге «Творческий путь Михаила Булгакова» Яновская часто ссылается на Татьяну Николаевну Кисельгоф, утверждая, что та читала ее рукопись: «...Рукопись тут же принялась читать» (с. 47). А вот что говорит Татьяна Николаевна: «Приезжает эта самая Яновская (...), и вот она показывает мне — такая стопа. Она написала все о Булгакове. Я только не читала» (стенограмма, с. 334). «Л. Пар-

шин: А вам Яновская не давала читать книгу, которую она написала о Булгакове? Т. Кисельгоф: Показывала только. Листочки я просмотрела и не стала читать» (стенограмма, с 604). Эти слова записаны и заверены государственным нотариусом. Таким образом, под знаком вопроса оказывается и содержание бесед Яновской с Н. Земской, Е. Булгаковой и другими.

Сказанного достаточно для того, чтобы относиться к этой книге с должной осторожностью.

Заканчивая шестую главу, добавлю, что известная осторожность нужна и при обращении к документам: согласно удостоверению Яземской городской управы врач резерва Булгаков «исполнял свои обязанности безусловно»⁴².

7. «ВЕЛИК БЫЛ ГОД И СТРАШЕН ГОД ПО РОЖДЕСТВЕ ХРИСТОВОМ 1918...»⁴³

«...По счету киевлян, у них было восемнадцать переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их двенадцать. Я точно могу сообщить, что их было четырнадцать, причем десять из них я лично пережил» (М. Булгаков)⁴⁴.

Справедливости ради надо сказать, что правы киевляне. Переворотов было восемнадцать, а лично Булгаков пережил пять из них.

* * *

Т. К. В Киев мы ехали через Москву. Остановились у дяди Коли, Михаил получил документы, мы оставили там кое-какие вещи и уехали в Киев.

Л. П. Как добрались?

Т. К. Как?.. Приехали, и все.

Л. П. А вот Гиреев пишет: «Наконец, в самом конце снежного и холодного февраля супруги Булгаковы, измученные долгой и трудной ездой в теплушках, вернулись в родной город»⁴⁵.

Т. К. Ничего подобного. Мы прекрасно ехали, в хорошем поезде, чуть ли не в международном вагоне. И питались прилично. Это Гирееву так казалось: раз время такое тревожное, то и ехали плохо. Конечно, время было неподходящее. Немцы заняли Киев, и мы уже последним поездом ехали. Но ни в каких не в теплушках.

Л. П. В Киев вы уже при немцах приехали?

Т. К. Да, уже были немцы.

* * *

«Но однажды, в марте, пришли в Город серыми шеренгами немцы, и на головах у них были рыжие металлические тазы, предохранявшие от шрапнельных пуль, а гусары ехали в таких мохнатых шапках и на таких лошадях, что при взгляде на них Тальберг сразу понял, где корни» («Белая гвардия»)⁴⁶. Начинаясь период, описанный Булгаковым в своем первом романе, и все это время

Татьяна Николаевна была вместе с ним в Киеве — «Городе», в «двухэтажном доме № 13, постройки изумительной» на Андреевском — «Алексеевском» спуске, жила в квартире Булгаковых — «Турбиных» за «кремовыми шторами», видела все, что там происходило, слышала все, что там говорилось...

* * *

Т. К. Варвара Михайловна сразу заметила: «Что это какой-то Михаил?» Я ей рассказала, что он больной и поэтому мы и приехали.

Л. П. А как Иван Павлович?

Т. К. Я не сразу ему рассказала. Он сам заметил и спрашивает как-то: «Что ж это такое?» — «Да вот, — я говорю, — так получилось». — «Надо, конечно, действовать». Сначала я тоже все ходила по аптекам, в одну, в другую, пробовала раз принести вместо морфия дистиллированную воду, так он этот шприц швырнул в меня... горящую лампу однажды бросил. «Браунинг» я у него ukrала, когда он спал, отдала Кольке с Ванькой: «Куда хотите давайте».

Л. П. А почему вам пришла эта мысль?

Т. К. А он несколько раз наставлял его на меня и на себя. И вообще, нельзя, чтобы оружие было в доме, когда такое дело. Вот. А потом я сказала: «Знаешь что, больше я в аптеку ходить не буду. Они записали твой адрес, звонили в другую аптеку и спрашивали: „У вас морфий брали?“ — „Брали“». Это я ему наврала, конечно. А он страшно боялся, что придут и заберут у него печать. Ужасно этого боялся. Он же тогда не смог бы практиковать. Он говорит: «Тогда принеси мне опиум». Его тогда в аптеке без рецепта продавали, и можно было несколько пузырьков в разных местах взять. Он сразу весь пузырек, оп! И потом очень мучился с желудком. И вот так постепенно он осознал, что нельзя больше никакие наркотики применять.

Л. П. Он где-нибудь лечился?

Т. К. Нет. Он знал, что это неизлечимо. Вот так это постепенно, постепенно и прошло. В общем, веселенькая была жизнь. Я чуть с ума не сошла тогда.

Л. П. Да-а... А от взших что слышно было?

Т. К. Ну, Сонька, сестрица моя, бросила своего военного и поехала в Петроград, поступила в театральное училище. Познакомилась там с Вертышевым. Он у них грим преподавал и был актером в Александринском театре, героев-резонеров играл. Красивый был мужчина. Вышла за него замуж. А отец хотел в Саратове выйти на пенсию — он уже двадцать пять лет отработал, — но ему сказали еще поработать и перевели в Москву. Мать с Володей в Саратове остались...

Л. П. Почему?

Т. К. Да тут... мне уже потом рассказали. У отца была другая женщина, и он вообще хотел уйти из семьи. А в 1918 году мать с Володькой к нему поехала, у них там было объяснение очень бурное, и на следующий день он умер. Мать ни за что не хотела в Саратов возвращаться. Бросила квартиру, все вещи и уехала с Володей

к Соньке в Петроград. Там она его в военное училище устроила. И вот он однажды в выходной день пошел зачем-то на базар и не вернулся больше. Так и пропал. Мать искала, подавала... Из ГПУ приходили, но безрезультатно. А вскоре и Николай, последний брат, умер. Приезжал в Петроград в отпуск повидаться с матерью, пробыл три недели, а на обратном пути заболел сыпным тифом и умер. Медсестра письмо прислала. Так мать и осталась с Вертышевыми, ездила с ними по гастролям.

Л. П. А вы, значит, в Киеве очутились. И где вы жили?

Т. К. А вот, на Андреевском спуске, в доме 13. Варвара Михайловна вскоре вышла замуж за Ивана Павловича Воскресенского и перешла с Лелей жить к нему, на Андреевский, 38.

Л. П. Кажется, Михаил очень отрицательно относился к их знакомству... А сейчас?

Т. К. Я знаю, что он очень переживал. Варвара Михайловна отдала нам свою спальню, а в той комнате, где тетя Ириша с Лелей раньше жили, над входом, там Михаил свой кабинет устроил для частной практики — он стал практиковать как венеролог. Тети Ириши уже не было. То ли она умерла, то ли уехала куда-то. Нади тоже не было, она куда-то с мужем уехала, Андреем Земским. Вера была, Колька с Иваном были, Костя. Потом Варя приехала. Карум где-то пропал, потом тоже приехал.

Л. П. А кто в какой комнате жил?

Т. К. Карумы в той комнате, где девочки раньше жили. Мальчики в угловой. Вера в гостиной. Еще одну комнату она какое-то время сдавала учителю одному, Младзиновскому, а потом в ней Лариосик жил.

* * *

Чтобы убедиться, что квартира Турбиных — копия квартиры Булгаковых, достаточно прочесть соответствующие сцены из «Белой гвардии» с планом квартиры в руках. Но, оказывается, комнаты были и распределены так же! «Столовая» — где столовая; «гостиная» — где гостиная раньше и комната Веры теперь; «кабинет Алексея» — где кабинет Михаила; «спальня Алексея» — где спальня Михаила и Таси; «комната Николки» — где комната братьев; «книжная», в которой поселили Лариосика Суржанского, — где комната, в которой поселили Лариона Судзиловского; «комната Тальбергов» — комната Карумов. См. схемы 2 и 3 на вклейке.

* * *

Л. П. Интересно, Татьяна Николаевна, а обстановка квартиры какая была... вот если сравнить с «Белой гвардией». Часы с гавотом, например...

Т. К. Таких часов я не помню. В столовой висели настенные часы где-то, но только они никакого гавота не пели. Ковров тоже никаких не было. Это Булгаков от Саратова взял. Мой отец очень ковры любил и все деньги на них тратил. Вся квартира в коврах

была. Михаилу очень это нравилось. А в Киеве... может, и были какие-то у кровати такие... но я их не помню.

Л. П. А вот печка...

Т. К. Да, печка была, но на ней никаких надписей не было.

Л. П. Рисунок, он пишет...

Т. К. И рисунков никаких не было.

Л. П. А где были книги? В «Белой гвардии» говорится про «книжную»...

Т. К. Книг я там никаких не видела. По-моему, там книг и не было. Был кабинет — вот эта угловая комната с отдельным ходом — ну, там письменный стол стоял, еще что-то. Но книг не было. В гостиной пианино стояло, стол, диван вот так был, и лампа стояла такая... металлическая, сверху абажур. Очень красивая.

Л. П. Булгаков какую мебель любил?

Т. К. Такую... мягкую, хорошую. Но в квартире не такая мебель была, как он описывает. Правда, бархат был, но такой... потертый. Не было этого, чтобы вазы, цветы, мол, стояли. Скромная мебель была. Кремовых штор тоже не было. Были просто занавески.

Л. П. Кстати, у Булгакова не было привычки забираться в кресло с ногами?

Т. К. Нет, не было.

Л. П. Может быть, кто-то другой так делал?

Т. К. Нет, никто.

Л. П. Ну, и как вы жили, кто чем занимался?

Т. К. Михаил частной практикой занимался, принимал больных, делал им уколы. Я ему помогала. «Татьяна Николаевна, горячей воды!» Впускала больных... Вот дура какая была — время было такое, а я дверь открывала, даже не спрашивала, кто там. И на шее у меня золотая цепочка была, мне ее мать подарила... длинная, так что два раза вот так обвивалась. Она сделана была как веревка. С палец толщиной. Ведь любой бы мог — раз! — и сорвать.

Л. П. Это он еще при немцах начал практиковать?

Т. К. Сначала еще это с морфием было. А потом начал.

Л. П. А как Киев при немцах?

Т. К. Порядок был идеальный. И тишина. Все было чинно-мирно. Продукты были любые. И публика такая ходила шикарная... шляпы...

Л. П. Ну хоть чем-то отличался при них город от довоенного?

Т. К. Нет. Ничем не отличался.

Л. П. Остальные что делали? Ведь надо было на что-то жить?

Т. К. Я как-то об этом не задумывалась. Как был прием, значит, есть деньги. А нет — ходили что-то продавали, по селам ходили, меняли что-то на крупу. Целой компанией ходили. Одна мне говорит: «Я о цэ хочу», — и на браслетку золотую показывает: «Цэ она хочет!» Костя где-то работал, но я не знаю где. Он был инженером. Варя была с Карумом, училась в консерватории, но нигде не работала. Давала уроки музыки. Вот в «Белой гвардии» она аккомпанирует Шервинскому.

Л. П. Рыжая Елена?

Т. К. Да, это она. Только она не рыжая была, а такая... светлая. А ее муж — Карум Леонид Сергеевич — это вот Тальберг. Он откуда-то из Прибалтики, окончил военную академию в Петербурге.

Л. П. Интересно, за что это Булгаков так его разделал?

Т. К. Он вообще неприятный был. Его все недолгоблюдали.

Л. П. Может быть, он совершил какой-нибудь плохой поступок?

Т. К. Нет, просто... Я как-то заняла у Вари денег. Потом мы сидели с Михаилом, пьем кофе, икры, что ли, купили... А он сказал кому-то, что вот, деликатесы едят, а денег не платят. Вообще, он нехорошо поступил. Он ведь был у белых. И в Феодосии был у белых. Потом пришли красные, он стал у красных. Преподавал где-то... военную тактику, что ли. Ну, красные все равно узнали. Тогда он смылся и приехал в Москву к Наде. Тут его и арестовали и Надежного мужа вместе с ним, хоть он партиец был и белых и не нюхал. Но Варя его любила. Она потом Михаилу такое ужасное письмо прислала: «Какое право ты имел так отзываться о моем муже... Ты вперед на себя посмотри. Ты мне не брат после этого...»

Л. П. А ее роман с Шервинским?

Т. К. Нет, этого не было. Это выдумка.

(Л. Хинкулов не согласен с версией Карум-Тальберг, однако его довод вызывает скорее веселье, чем возражения: «Трудно, конечно, представить себе, что писатель мог такими чертами рисовать портрет собственного зятя, бывшего командира полка Красной Армии...»⁴⁷. — *Л. П.*)

Л. П. А Шервинский тоже с кого-то написан?

Т. К. Шервинский — это брат Николая Гладыревского, Юрий. Невысокий такой, весельчак, все время брехал чего-то, анекдоты рассказывал. Но баритона никакого у него не было. Это ему Булгаков придал в «Белой гвардии».

Л. П. Он служил у гетмана?

Т. К. Не знаю... что-то такое было...

* * *

Здесь, скорее всего, Татьяна Николаевна ошибается. Вернее, введена в заблуждение прочитанной ею работой М. Чудаковой⁴⁸. А между тем, был в ту пору в Киеве человек — буквальная копия Шервинского. Его родственники просили меня не сообщать его фамилию и некоторые подробности биографии, позволяющие установить его личность, т. к. это может их скомпрометировать. Он, как и Шервинский, бывший гвардейских офицер, обладал таким же громовым баритоном, при гетмане служил адъютантом особы высокого чина, был среднего роста, широкоплеч и красив, носил такую же великолепную форму с аксельбантами, часто бывал у Булгаковых и пел под Варин аккомпанемент. В него без памяти была влюблена совсем молоденькая Елена Булгакова, и он был к ней неравнодушен. Варваре Михайловне пришлось даже вмешаться в их

отношения и серьезно поговорить с ним. Позже он ушел с белыми и выехал за границу.

* * *

Л. П. А Лариосик?

Т. К. Да, был такой. Тоже Ларионом звали. Родственник какой-то из Житомира. Я вот не помню, когда он появился. Первые моменты я не помню. Почему он приехал? Помню, что уже жил. Неприятный тип. Странноватый какой-то, даже что-то ненормальное в нем было. Неуклюжий. Что-то у него падало, что-то билось. Так, мямля какая-то.

Л. П. А как он выглядел?

Т. К. Рост средний, выше среднего... Вообще, он отличался от всех чем-то. Такой плотноватый был, среднего возраста.

Л. П. Вот, Булгаков его описывает: «Глаза мутные и скорбные глядели из глубочайших орбит невероятно огромной головы, коротко стриженной».

Т. К. Ну, вот. Пожалуй, он правильно написал. Он был некрасивый. Варя ему страшно понравилась сразу. Леонида-то не было...

Л. П. А горничная была у вас? Вот Анюта в «Белой гвардии»...

Т. К. Нет, тогда уже горничной не было. Мы по очереди готовили и убирали.

Л. П. Теперь Мышлаевский, Карась...

Т. К. Это друзья Михаила были. Карася и на самом деле все звали Карасем. Я даже имени его не помню. Это друг Сынгаевского. Мы к Сынгаевским в гости ходили и там его часто встречали. И к нам он приходил. Невысокого такого роста, толстенный, лицо круглое. Симпатичный был. Вот, чем занимался, не знаю. А Мышлаевский — это Коля Сынгаевский. У них большая семья была. Варвара Михайловна дружила раньше с матерью Сынгаевского. Они жили на Мало-Подвальной улице. Маленький домик у них был, в саду.

* * *

Мало-Подвальная? Домик в саду? «...И, наддав ходу, он свернул в Мало-Провальную, второй раз за эти пять минут резко повернув свою жизнь. <...> Увиделись расплывчато крупы девственной и нетронутой сирени, под снегом, дверь, стеклянный фонарь старинных сеней, занесенный снегом. <...> Она привела его к маленькой двери этого таинственного домика...» Она — это Юлия Рейсс. «Не разберешь, что в глазах. Кажется, испуг, тревога, а может быть, и порок... Да, порок» («Белая гвардия») ⁴⁹.

* * *

Л. П. А у этого Сынгаевского сестры не было?

Т. К. Была. Валентина. Очень такая... своеобразная девица... крикливо одевалась. Не знаю, то ли замужем она была, то ли нет. (Любопытная деталь: в портрете Мышлаевского — «нос с горбинкой» ⁵⁰, в портрете Рейсс — «нос с горбинкой» ⁵¹. — *Л. П.*)

Л. П. А как выглядел Сынгаевский?

Т. К. Он был очень красивый. Очень. Высокий, худой, и вот, знаете, голова у него была небольшая такая, маловата для его фигуры. Все мечтал о балете, хотел в балетную школу поступить. Перед приходом петлюровцев он пошел в юнкеры.

* * *

«...И оказалась над громадными плечами голова поручика Виктора Викторовича Мышлаевского. Голова эта была очень красива, странной и печальной и привлекательной красотой давней настоящей породы и вырождения. Красота в разных по цвету, смелых глазах, в длинных ресницах. Нос с горбинкой, губы гордые, лоб был чист, без особых примет. Но вот один уголок рта приспущен печально, и подбородок косовато срезан так, словно у скульптора, лепившего дворянское лицо, родилась дикая фантазия откусить пласт глины и оставить мужественному лицу маленький и неправильный женский подбородок» («Белая гвардия») ⁵².

* * *

Т. К. Да, подбородок действительно такой, женский был, а вот остальное — я не могу понять. Но он был очень красивый. Глаза, правда, не разного цвета, но глаза прекрасные.

Л. П. Они все одного возраста были?

Т. К. Да, нашего примерно возраста.

Л. П. А каких он взглядов придерживался?

Т. К. Вы знаете, взгляды у него сильно переменялись. Вот в «Белой гвардии» правильно написано. У них еще одна сестра была, помладше. Инна, кажется.

* * *

Значит, все это было! Были в квартире на Андреевском спуске Алексей, Николка, Елена, Тальберг, Мышлаевский, Карась, Лариосик. Была даже эпизодическая фигура отца Александра — Александр Глаголев, профессор Киевской духовной академии, священник церкви Николая Доброго на Подоле, венчавший там Михаила и Тасю, давний друг семьи Булгаковых («Правильно, тут взяты черты Глаголева» ⁵³, — записал слова Булгакова П. С. Попов ⁵⁴), были, и Булгаков любил их. И сколько бы критика ни билась, доказывая их «разложение» и «обреченность», читатели тоже будут любить их. И если мой сын вырастет похожим на Мышлаевского, Николку, Най-Турса или Малышева — я буду счастлив.

* * *

Л. П. Еще важный вопрос, Татьяна Николаевна. В «Белой гвардии» у главных героев монархические убеждения. Вначале они пьют за императора ⁵⁵, Николка прячет карточку наследника Алексея ⁵⁶, Турбин говорит Малышеву: «Я монархист» ⁵⁷, Бакалейников в рассказе говорит: «Я монархист» ⁵⁸... А какие взгляды были у Булгакова?

Т. К. Он был вообще вне всякой политики. Ни на какие собрания или там сходки не ходил. Но большевиков он не любил, и по убеждениям он был монархист. (Л. Хинкулов доказывает, что образ Алексея Турбина «ни в малейшей степени» не автобиографичен, т. к. Алексей был монархистом⁵⁹. — Л. П.)

Л. П. А как в смысле веры? Насколько я помню, он не был верующим?

Т. К. Нет, он верил. Только не показывал этого.

Л. П. Молился?

Т. К. Нет, никогда не молился, в церковь не ходил, крестика у него не было, но верил. Суеверный был. Самой страшной считал клятву смертью. Считал, что это... за нарушение этой клятвы будет обязательно наказание. Чуть что — «Клянись смертью!»

Л. П. А остальные члены семьи?

Т. К. Варвара Михайловна была очень верующая. Варя верующей была. Они зажигали лампадки под иконами, и вообще.

Л. П. А вот, Василий Павлович Листовничий, хозяин дома?

Т. К. А, это Василиса Лисович в «Белой гвардии». Они на первом этаже жили, а мы на втором. Они Булгакова терпеть не могли и даже побаивались. Говорили про него: «Неудавшийся доктор». Все время жаловались: «Нет покоя от вас...» А потом, после «Белой гвардии», вообще ругали на чем свет стоит и проклинали.

Л. П. За что?

Т. К. А вот, он там про клад написал, так они всю стену разломали.

* * *

Действительно, почти все совпадает: имена и фамилии — Василий Листовничий и Василий Лисович, оба инженеры, оба хозяева того самого дома, где живут Булгаковы — Турбины, оба на первом этаже, оба недолюбливают своих жильцов, как и жильцы хозяев, даже имена их жен похожи. Все настолько ясно, что с первого же взгляда бросилось в глаза первому же посетившему дом № 13 писателю — Виктору Некрасову, — и пошла гулять молва. Но...

Но «с первого взгляда» — то же самое, что и «на первый взгляд». Действительно, отношения между этими семьями были натянутыми, а причина проста, как мир: «Хороших соседей не бывает», — гласит поговорка. Да и то верно — то наверху веселье до глубокой ночи, то народу полон дом, то кран не закроют, водой зальют... Была причина и серьезнее: В. П. Листовничий купил этот дом, когда Булгаковы уже жили там. Ему, естественно, не хотелось ютиться со своей семьей в сыром подвале, и он несколько раз заводил с Варварой Михайловной разговор о переезде. Но та была упряма, а Василий Павлович настолько тактичен, что не заявлял своих хозяйских прав. Отношения были натянутыми, и Булгаков мог «прописать» его в «Белой гвардии». Мог. Но не «прописал». Дело в том, что приведенные выше совпадения носят лишь внешний характер. Если же говорить о прообразе и копнуть глубже...

«...В нижнем этаже (на улицу — первый, во двор под верандой Турбиных — подвальный) засветился слабенькими желтенькими огнями — инженер и трус, буржуй и несимпатичный Василий Иванович Лисович, а в верхнем — сильно и весело загорелись турбинские окна»⁶⁰. Эта, намеченная Булгаковым еще в начале романа, трещина художественного противопоставления разверзается далее в пропасть. Мы видим Лисовича уже жалкого, униженно трясущегося перед такими же жалкими и трусливыми грабителями, видим Лисовича — глупого, мелочного и жадного лавочника. Ничего общего с В. П. Листовничим здесь нет, и Булгаков это знал. В. П. Листовничий из интеллигентной семьи, все члены которой получили хорошее воспитание и образование и в достаточной мере проявили свои способности. Сам он получил образование в Петербурге и стал прекрасным инженером — строителем и архитектором, вел преподавательскую работу. Когда Киев заняли белые, В. П. Листовничий в чине полковника деникинских войск служил начальником строительства III оборонительного участка Юго-Западного фронта. В августе 1919 года с приходом красных был арестован, посажен в тюрьму. Его обещали расстрелять. Выводили из камеры, ставили к стенке и стреляли мимо. На стене камеры осталась надпись: «Василий Павлович Листовничий расстрелян без суда и следствия». Однако его так и не расстреляли. Отправили с другими заключенными в Сибирь в ссылку. В пути, когда плыли пароходом, он с другом решил бежать. Через иллюминатор туалета его друг вылез первым и прыгнул в воду. Затем прыгнул Василий Павлович. Часовые, привлеченные еще первым всплеском, открыли огонь, и В. П. Листовничий выстрелом в голову был убит. Через несколько дней его тело нашли крестьяне и похоронили (лицо, сообщившее эти сведения, просило его имя не называть).

Не рассматривая его убеждений, нельзя не признать, что это был к тому же человек смелый, мужественный, обладавший чувством собственного достоинства.

Как видите, прообраза не получается.

Это фактическая сторона дела. Но есть еще и этическая. Вы допускаете, что Булгаков, тяжело переживавший гибель даже незнакомых людей, мог так посмеяться над жившим рядом с ним человеком, зная о его трагической судьбе? Я — нет. Думаю, что, допустив из писательского удобства такое внешнее сходство, Булгаков не предполагал, что его первый роман через шестьдесят лет будет анализировать литературоведы всех континентов.

А клад, между прочим, был, и был замурован умело — так, что при простукивании не обнаруживался. Я знаю — где, и знаю, что там было, только не скажу.

* * *

Л. П. А вот Русаков с козым мехом никого вам не напоминает? Он живет... сейчас я прочту: «Только на углу Воынской в трехэтажном каменном здании, в квартире библиотекаря, в узенькой, как дешевый номер дешевенькой гостиницы, комнате, сидел голубоглазый Русаков...»⁶¹

Т. К. Я знаю, что там в доме Духовной академии Гдешинские жили, Сашка и Платон. Михаил часто ходил туда в библиотеку духовной семинарии, на Подол, и подружился. (Яновская сообщает, что отец Гдешинских был помощником библиотекаря⁶², а Бурмистров называет адрес: дом 5/10 на углу Волошской и Ильинской улиц, где в 1905 году жили Булгаковы в доме Духовной академии⁶³. — *Л. П.*)

Л. П. Тут у меня две публикации, Татьяна Николаевна. Инна Брянская, «Дом на Андреевском спуске»⁶⁴, и Виолетта Гудкова, «Булгаковские места»⁶⁵. У меня есть по ним несколько вопросов. Брянская пишет, что сейчас в квартире Булгаковых живет Инна Васильевна Кончаковская, дочь В. П. Листовниченко. Называет ее — «близкий Булгаковым человек», который «много рассказывает обо всех семерых детях». И Гудкова пишет, что Инна Васильевна хранит в памяти характеристики «...Михаила Афанасьевича, его первой жены»⁶⁶. Вы были знакомы?

Т. К. Нет. Я только видела — она во дворе играла с младшей Лелей. Она же тогда маленькая девочка была. Что она может рассказать? Я помню, что, когда я шла, она внимательно так смотрела с улыбочкой и почему-то никогда не здоровалась.

Л. П. Гудкова пишет, что вы сохранили «дружеские связи с Инной Васильевной и до сегодняшнего времени...»⁶⁷.

Т. К. Ничего подобного! Она прислала мне несколько писем, но я ей ни на одно не ответила. Написала только, что не могу переписываться. О чем я ей буду писать?

Л. П. Еще у Гудковой: «Никто, кроме Инны Васильевны, не сможет восстановить сейчас расстановку мебели в квартире Булгаковых»⁶⁸. А вы?

Т. К. Могу.

Л. П. Вот, здесь же: «Интересен рассказ Инны Васильевны об отце Александре, имевшем определенное влияние на Михаила Булгакова, который в ранней юности немало с ним общался»⁶⁹.

Т. К. Откуда она может это знать? Если в ранней юности Михаилу было 15—16 лет, то ей было 3—4 года! Я знаю, что Михаил к Глаголеву не ходил, и он к нам не ходил. Михаил ни разу не вспоминал о нем. Он верил, но не был религиозным. Вот Варвара Михайловная была очень религиозной и с Глаголевым поддерживала дружеские отношения. Приглашала его стол освящать на Пасху, и вообще... Потом Глаголева расстреляли. (По другим данным, он был арестован и погиб в заключении. — *Л. П.*)

Л. П. Еще: «...В угловом кабинете второго этажа принимал первых своих пациентов только что окончивший университетский курс Михаил Булгаков»⁷⁰.

Т. К. После университета он в Красный Крест пошел и на фронт уехал, а частной практикой начал заниматься уже после возвращения из земства, через два года.

Л. П. «В семье киевлянина Анатолия Петровича Кончаковского, преданнейшего почитателя булгаковского творчества, в архиве (дар Татьяны Николаевны Лаппа) хранится совершенно уникальная,

чудом уцелевшая за полвека фотография 1916 года <...>. Булгаков снялся на большой групповой фотографии вместе с работниками госпиталя в Саратове, куда он приехал сразу после окончания курса к родителям жены. Мать Т. Н. Лаппа в это время — патронесса госпиталя. По ее просьбе молодой врач некоторое время работал в нем»⁷¹. Кстати, этот Кончаковский не родственник Инне Васильевне?

Т. К. Нет, это они просто договорились за родственников себя выдавать. А фотографию он мне просто не вернул. Я ему написала, чтоб он выслал, и он не ответил. Эта фотография не 1916 года, а 1914-го. Я сколько раз говорила, и все равно напутали. И не врачом он тогда был, а студентом (в книге Яновской эта фотография датирована 1915 годом.— Л. П.). А потом, моя мать была дамой-патронессой города Саратова, а не госпиталя. Все напутали!

* * *

Упомянув поездку Булгакова в 1914 году в Саратов, когда была сделана фотография, А. Бурмистров (и некоторые другие авторы) отмечает: «...Николай Николаевич Лаппа был управляющим Казенной палатой и занимал с семьей квартиру в здании палаты. В этом же доме находилось казначейство, в котором работали податные инспекторы. Этот штрих попал на страницы пьесы „Дни Турбиных“, в которой Лариосик вспоминает податных инспекторов»⁷².

Во-первых, я не думаю, что для того, чтоб увидеть податных инспекторов, нужно ехать из Киева в Саратов. Во-вторых, податные инспекторы возникают у Булгакова в связи с игрой в винт. А в этой связи уместнее вспомнить, что сам Н. Н. Лаппа в прошлом податный инспектор и Булгаков неоднократно играл с ним в винт.

* * *

«И вот, в зиму 1918 года Город жил странною, неестественной жизнью, которая, очень возможно, уже не повторится в двадцатом столетии. <...> ...Тут немцы, а там, за далеким кордоном, где сизые леса, большевики. Только две силы. <...> Так вот-с, нежданно-негаданно появилась третья сила на громадной шахматной доске. <...> Было четыреста тысяч немцев, а вокруг них четыреста сорок раз четыреста тысяч мужиков с сердцами, горящими неутоленной злобой. <...> Петлюра!!!»⁷³

«Пришло все это быстро, но не внезапно, и предшествовали тому, что пришло, некие знамения. Однажды, в мае месяце, когда Город проснулся сияющий, как жемчужина в бирюзе, и солнце выкатилось освещать царство гетмана, когда граждане уже двинулись, как муравьи, по своим делишкам и заспанные приказчики начали в магазинах открывать рокочущие шторы, прокатился по Городу страшный и злобещий звук <...>. Он явился с Лысой Горы за Городом, над самым Днепром, где помещались гигантские склады снарядов и пороху. На Лысой Горе произошел взрыв» («Белая гвардия») ⁷⁴.

Поразительно, до чего точно в «Белой гвардии» пишет Булгаков Историю. Не только историю свою, своей семьи, своего дома, но и историю города, страны.

Газета «Голос Киева», 1918, 24 (11) апреля, № 9: «Хроника. Взрыв склада пороха. 22 апреля на Печерских валах за всенным госпиталем в 6 час. вечера от неизвестной причины взорвался склад пороха. На месте взрыва образовалась глубокая воронка, по краям которой оказалось насыпанным большое количество земли. Пока обнаружены два мертвые: один взрослый, по-видимому, солдат, и другой — мальчик лет 14—15, от которого остались только голова и правая рука. Существует предположение, что имеются еще и другие жертвы. Сила взрыва была настолько сильна, что в ближайших строениях вылетели стекла».

Далее в «Белой гвардии»:

«Второе знамение пришло летом, когда Город был полон мощной пыльной зеленью, гремел и грохотал и германские лейтенанты выпивали море содовой воды. Второе знамение было поистине чудовищно! Среди бела дня, на Николаевской улице, как раз там, где стояли лихачи, убили не кого иного, как главнокомандующего германской армией на Украине, фельдмаршала Эйхгорна, неприкосновенного и гордого генерала, страшного в своем могуществе, заместителя самого императора Вильгельма!»⁷⁵

Газета «Белорусское эхо», 1918, 12 августа, № 7, стр. 8: «Убийство фельдмаршала Эйхгорна. Покушение на генерал-фельдмаршала фон-Эйхгорна было произведено 30 июля в то время, когда генерал-фельдмаршал вместе со своим адъютантом капитаном фон-Дресслером возвращался домой. Подъехавшие на извозчике двое неизвестных бросили в генерал-фельдмаршала и его адъютанта бомбу, причем один из убийц был задержан и связан, а другой, несмотря на произведенные в него два выстрела, успел скрыться».

Снова «Белая гвардия»:

«— Сопоставляя эти события, я не могу не прийти к заключению, что живем мы весьма непрочно. Мне кажется, что под немцами что-то такое (Василиса пошевелил короткими пальцами в воздухе) шатается. Подумайте сами... Эйхгорна... и где? А? (Василиса сделал испуганные глаза).— Турбин выслушал мрачно, мрачно дернул щекой и ушел»⁷⁶.

Газета «Белорусское эхо», 1918, 12 августа, № 7, стр. 8:

«Арест С. В. Петлюры. Арестован известный украинский деятель, председатель Киевской губернской земской управы С. В. Петлюра. Арестованный С. В. Петлюра сравнительно продолжительное время был военным министром, а затем, во время нашествия на Киев большевиков, он принял на себя командование украинской армией, сражавшейся против большевистских банд. После возвращения в Киев центральной рады С. В. Петлюра вышел в отставку. На первом на Украине демократическом киевском губернском земском собрании С. В. (Петлюра.— Л. П.) единогласно был избран председателем губернской земской управы, а впоследствии и управы всеукраинского земского союза».

«Белая гвардия»:

«...И в сентябре произошло уже не знамение, а само событие, и было оно на первый взгляд совершенно незначительно. Именно, в городскую тюрьму однажды светлым сентябрьским вечером пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага, коей предписывалось выпустить из камеры № 666 содержащегося в означенной камере преступника. Вот и все. Вот и все! И из-за этой бумажки — несомненно из-за нее! — произошли такие беды и несчастья, такие походы, кровопролития, пожары и погромы, отчаяние и ужас... Ай, ай, ай! Узник, выпущенный на волю, носил самое простое и незначительное наименование — Семен Васильевич Петлюра»⁷⁷.

«Еще в сентябре никто в Городе не представлял себе, что могут соорудить три человека, обладающие талантом появиться вовремя, даже в таком ничтожном месте, как Белая Церковь. В октябре об этом уже сильно догадывались...» («Белая гвардия») ⁷⁸.

«Итак, был белый мохнатый декабрь». Квартира Турбиных. В столовой Елена, Алексей и Николка. «Идет гитара маршем», и вдруг...

«— Погодите. Слышите?»

Рота оборвала шаг на всех семи струнах: сто-ой! Все трое прислушались и убедились — пушки (...). В Святошине. Сомнений в этом никаких быть не может. Стреляют в двенадцати верстах от Города, не дальше. Что за штука?» («Белая гвардия») ⁷⁹.

До захвата Киева Петлюрой оставалось менее суток с половиной. Имей гетман верную информацию о численности противника — не было бы боя. Так оставили город петлюровцы 3 февраля 1919-го, так ушла Красная Армия 30 августа 1919-го, так оставили белые Владикавказ в 1920-м... Стратегия! Но сейчас обреченный город готовился к защите. Поздно готовился. До захвата Киева Петлюрой оставалось менее суток с половиной.

Газета «Мир», 1918, 14 декабря, № 9: «От штаба Главнокомандующего. Оперативная сводка. От 13 декабря к 9 часам утра. Ночью наши части на Житомирском шоссе вели перестрелку с разведчиками противника. На всех остальных участках киевской укрепленной позиции и в городе ночь прошла спокойно. В районе Лубны-Гребенка и станции Носовка без изменений».

До захвата города осталось несколько часов, а газета «Мир» продолжала убаюкивать:

«...Петлюровцы до настоящего момента не проявляют под Киевом активности и, по-видимому, не собираются предпринимать наступательной операции в широком масштабе. Правда, вчера и сегодня происходили передвижения войск Петлюры, которые вновь занимали свои прежние позиции, оставленные ими несколько дней назад, согласно договору о перемирии с германцами. Как только петлюровцы занимают какую-либо позицию, наши части открывают по ней артиллерийскую стрельбу, раскаты которой доносятся до Киева. Вчера ночью три эскадрона петлюровцев пытались было

произвести набег на Святошино, но были рассеяны артиллерийским огнем. По сведениям из достоверного источника, силы повстанцев под Киевом не превышают пяти тысяч человек, включая сюда и банды вооруженных крестьян, примкнувших к петлюровцам».

Из Бюллетеня Киевской метеорологической обсерватории за 14 декабря 1918 года: «...Наибольшая температура воздуха за сутки — 9,5. Наименьшая — 11,9. Средняя температура воздуха за сутки — 10,3». Так что такого сильного мороза, как описано в «Белой гвардии», в тот день не было.

* * *

Т. К. Пришел Сынгаевский и другие Мишины товарищи и вот разговаривали, что надо не пустить петлюровцев и защищать город, что немцы должны помочь... а немцы все драпали. И ребята сговаривались на следующий день пойти. Остались даже у нас ночевать, кажется. А утром Михаил поехал. Там медпункт был.

Л. П. Он где-нибудь служил?

Т. К. Нет, нигде не служил. Частной практикой занимался. А мы с Варькой остались и боялись очень. Братья еще были. А Карума тогда не было. В городе еще много юнкеров было в училище. И должен был быть бой, но его, кажется, не было. Михаил приехал на извозчике и сказал, что все кончено и что будут петлюровцы. И вот петлюровцы пришли, и через какое-то время его мобилизовали. Однажды я прихожу домой — лежит записка: «Приходи туда-то, принеси то-то». Я прихожу — на лошади сидит. Говорит: «Мы уходим сегодня в Слободку — это, знаете, с Подола есть мост в эту Слободку — приходи завтра, за мостом мы будем», — еще что-то ему принести надо было. На следующий день я прихожу в Слободку, приношу бутерброды, кажется, папиросы, еще что-то. Он говорит: «Сегодня, наверное, драпать будут. Большевики подходят». А они большевиков страшно боялись. Я прихожу домой страшно расстроенная: потому что не знаю, удастся ли ему убежать от петлюровцев или нет. Остались мы с Варькой в квартире одни, братья куда-то ушли. И вот в третьем часу вдруг такие звонки!.. Мы кинулись с Варькой открывать дверь — ну, конечно, он. Почему-то он сильно бежал, дрожал весь, и состояние было ужасное — нервное такое. Его уложили в постель, и он после этого пролежал целую неделю, больной был. Он потом рассказал, что как-то немножко поотстал, потом еще немножко, за столб, за другой и бросился в переулок бежать. Так бежал, так сердце колотилось, думал, инфаркт будет. Эту сцену, как убивают человека у моста, он видел, вспоминал.

* * *

Видел, вспоминал...

«В ночь со второго на третье февраля у входа на Цепной мост через Днепр человека в разорванном и черном пальто с лицом синим и красным в потеках крови волокли по снегу два хлопца, а пан куренной бежал с ним рядом и бил его шомполом по голове. Голова моталась при каждом ударе, но окровавленный уже не вскрикивал,

только ухал. Тяжко и хлестко впивался шомпол в разодранное в клочья пальто, и каждому удару отвечало сипло:

— Ух... а...

— А, жидовская морда! — иступленно кричал пан куренной. — К штабелям его, на расстрел! Я тебе покажу, як по темным углам ховаться. Я т-тебе покажу! Что ты робив за штабелем? Шпиони!..

Но окровавленный не отвечал яростному пану куренному. Тогда пан куренной забежал спереди, и хлопцы отскочили, чтобы самим увернуться от взлетевшей блестящей трости. Пан куренной не рассчитал удара и молниеносно опустил шомпол на голову. Что-то в ней крикнуло, черный не ответил уже „ух“... Повернув руку и мотнув головой, с колен рухнул на бок и, широко отмахнув другой рукой, откинул ее, словно хотел побольше захватить для себя истоптанной и унавоженной земли. Пальцы крючковато согнулись и загребли грязный снег. Потом в темной луже несколько раз дернулся лежащий в судороге и стих» («Белая гвардия») ⁸⁰.

Сцена эта — когда слово в слово, когда деталями, когда в обобщенном виде — повторяется в произведениях «В ночь на 3-е число», «Я убил», «Красная корона», «Налет», «Дань восхищения», «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Бег», «Мастер и Маргарита» и других произведениях. Иногда даже повторяется дважды, трижды...

Это была серьезная психическая травма. Сцена бегства, соединяясь с предыдущей, с одними и теми же деталями тоже повторяется в рассказах «В ночь на 3-е число», «Я убил», «Необыкновенные приключения доктора», а в романе «Белая гвардия» трижды — бегство Алексея (второй раз — во сне) и бегство Николки. С биографией Булгакова совпадают и место, и дата, и даже время — «Было на часах три» ⁸¹. Интересно, что почти всюду бегство связано с женщиной, стеной или забором, щелью или калиткой и с преодолением высоких препятствий. Это интересный материал для психоаналитического исследования, так же как и сцена казни с ее яркими натуралистическими подробностями, наталкивающими на мысль о стойком психическом переживании. Повторяется в сценах казни и ситуация палач — жертва — свидетель (вернее, соучастник). В рассказе «Я убил» — полковник, женщина, Яшвин; в «Красной короне» — генерал, Николай и его брат; в «Беге» — Хлудов, казненные, Серпилин; в «Мастере и Маргарите» — синедрион, Иешуа, Пилат, не говоря уже о «Белой гвардии», «Днях Турбиных», «Мольере», «Тайному другу» и т. д. Очень существенно, что почти всюду автобиографический герой наяву оказывается свидетелем-соучастником, а в снах или в забытии свидетелем-противником.

Все это проливает свет на появление и развитие в творчестве Булгакова темы личной вины и личной ответственности, которая тревожила его до самой смерти.

* * *

На меня произвело большое впечатление описание морга в «Белой гвардии». Воображение рисовало просторную площадь, отдель-

ный кремовый дом с тяжелыми коваными крепостными воротами, за которыми... Жуть! Попав в Киев, стал, конечно, искать. Нашел. Действительно, отдельный кремовый дом, правда, не на площади, а на обычной, бывшей Фундуклеевской, улице, без крепостных ворот, с классическим парадным входом, «Музей медицины УССР». Осмотрел. Попросил открыть подвалы. Пришел в аккуратном костюме хозяйственного вида мужчина с ключами и повел. Кирпичные стены с копотью давнишнего пожара, низкий, метра два, потолок. Не то.

— Как было раньше? — переспросил мужчина.— Были какие-то постройки во дворе, но не сохранились.

Да, во дворе не сохранились, но сохранились в документах. Медицинский факультет был основан в 1840 году.

В начале Анатомический театр располагался в здании университета в небольшом тесном помещении. Неоднократные ходатайства о предоставлении другого помещения не давали результата ввиду недостатка средств.

«Средства, однако, вскоре были найдены, когда профессор А. П. Вальтер, заступивший место Н. И. Козлова, распорядился было не выносить трупов на ледник и открывать окна в коридор; так как вследствие этого вонь распространялась по всему зданию университета, то ректор употребил все свое влияние и ходатайство перед Советом и попечителем, чтобы вывести Анат. театр из здания университета»⁸².

В августе 1853 г. было окончено строительство нового здания Анатомического театра на Фундуклеевской ул. по проекту архитектора Беретти. На прилагаемом плане я нашел то, что искал. См. схему 4.

* * *

Л. П. А братья Михаила служили у гетмана? Гиреев пишет, что как-то Булгаков приходит домой, а братья в форме... Николай и Костя⁸³.

Т. К. Ничего подобного не было. Пока мы были в Киеве, они нигде не служили. Уже после нашего отъезда на Кавказ они стали служить у белых и ушли с ними за границу. Только мы долго этого не знали. Думали, они погибли.

Л. П. Ну, а после Петлюры? Что делал Михаил?

Т. К. Потом пришли красные, но они его не трогали. Он продолжал заниматься частной практикой. Это вот летом было, а в августе прошел слух, что возвращается Петлюра. Конечно, Михаилу бы не поздоровилось, и вот мы пошли прятаться в лес. Вера с Варей, братья и еще немец один военный, который за Варькой ухаживал. Михаил опять браслетку у меня брал. И вот мы там несколько дней прятались в сарае или домике каком-то. Немного вещей у нас было и продукты. Готовили — там во дворе печка была. Там так страшно было, если бы вы знали! Но Петлюра так и не появился, боя не было, и пришли белые. Тогда мы вернулись.

Л. П. Интересно, Татьяна Николаевна... вот вы видели Киев при

Петлюре, при немцах, при красных, при белых... Чем отличался при них город, как они себя проявили?

Т. К. Ну, вообще город не был такой разгромленный. Не было, чтоб все перевернуто, мусором завалено... Летом рестораны, кафе много было... знаете, так на улице под брезентовыми зонтами. Мы и в театр ходили, Вертинский приезжал, нашли какое-то польское кафе — там очень вкусные пончики были.

Л. П. А что это за погребок — «Замок Тамары»?

Т. К. Это во Владикавказе был такой. Водка там была жуткая! А как в Киев пришли петлюровцы, то какой-то сумбур получился... не могу вот сказать точно, но что-то было не так. Или люди как-то переменялись... При немцах дамы шикарные ходили, а при Петлюре другие люди появились. Погромы были, но нас это не коснулось, мы далеко от центра жили. А при красных на улицах вообще пусто было, все по домам сидели, никто не показывался. Потом уже потихонечку вылезать стали. Облавы устраивали, чтоб на работу шли, но у меня удостоверение о туберкулезе было. У многих удостоверения были. Но вечером в кино ходили.

Л. П. А белые облавы устраивали?

Т. К. Что-то я не слышала... Это что, все записывается?

Л. П. Да.

Т. К. Да что вы говорите!

Л. П. А что? Вы не хотели бы что-нибудь записывать?

Т. К. А, мне все равно.

Л. П. Еще такой вопрос: кого Киев ждал, кого боялся? Кого любили, кого не любили?

Т. К. Я вам скажу, по-моему, ждали белых. Это интеллигенция, а как другие, я не знаю. Генерала Бредова встречали хлебом-солью, он на белом коне... торжественно все так было. А боялись Петлюру. И страшно боялись большевиков, тем паче. Но когда пришли белые, то было разочарование. Страшное было разочарование у интеллигенции. Начались допросы, обыски, аресты... Спрашивали, кто у кого работал... А красные, красных сначала страшно боялись, но так, вроде бы ничего. Когда они второй раз пришли, их не так уже ненавидели. При какой-то власти, при петлюровцах, кажется, людей чуть свет на работу гнали, потом перерыв на несколько часов и опять. Люди не высыпались, ходили сонные, как мухи. И еще под украинцев подделывались. Я как-то спросила у одного русского что-то, а он: «Я це мови не понимаю». Я говорю: «Послушайте, я же вас хорошо знаю...» Махнула рукой и ушла (в «Белой гвардии» Курицкий — Курицкий, «кот» и «кит». — *Л. П.*). И вот, как белые пришли в 1919-м, так Михаилу бумажка пришла, куда-то там явиться. Он пошел, и дали ему назначение на Кавказ.

Л. П. А точнее, когда это было?

Т. К. Кажется, в конце августа или начале сентября.

Л. П. Вы собирали его вещи?

Т. К. Да, я.

Л. П. Он брал с собой какие-нибудь рукописи?

Т. К. Было немного рукописей, но это он сам укладывал.

Л. П. А что он писал тогда?

Т. К. Это он мне не показывал. Он всегда скрывал. И вот он уехал во Владикавказ и взял с собой мою браслетку, попросил «на счастье», а недели через две вызвал меня телеграммой, я оставила кое-какие вещи Вере и уехала из Киева. Да! Я его провожала, говорю: «Ты скажи Косте, чтоб он меня в кафе сводил». В Киеве было кафе такое... неприличное. А Михаил: «Я на фронт уйду, а ей, видите ли, кафе понадобилось! Какая ты легкомысленная». Обиделся.

Л. П. А у Гиреева опять не так. Он пишет, что в Киев приехал капитан Корецкий и сообщил, что Николай на Кавказе ранен, письмом...⁸⁴

Т. К. Да что вы! Брехня какая. Во-первых, никакого Корецкого не было, во-вторых, Николай в это время преспокойно жил в Киеве.

Л. П. ...И еще, что мать просит Михаила ехать на Кавказ спасать Колю... «мать билась в истерике», «мать и сестры все рыдали...»⁸⁵

Т. К. Это все ерунда, что он пишет. Николай был дома, Михаил ехал по мобилизации. А насчет Варвары Михайловны — не было случая, чтоб у нее хоть одна слезинка упала.

8. БЕЛЫЙ КАВКАЗ

Со слов Булгакова П. С. Попов через несколько лет записал: «Жил в Киеве безвыездно с февраля 1918 года по август 1919 года»⁸⁶. Это еще раз указывает на то, что даже свидетельства самого Булгакова не следует принимать безоговорочно (примеров тому много). Известно, что в 1918 году Булгаковы приехали в Киев уже при немцах, занявших город 1 марта. Следовательно, Булгаков жил в Киеве не с февраля, а с марта 1918 года. Не подтверждается и конечная дата — август 1919 года, так как выехал Булгаков при белых, занявших Киев 1 сентября, то есть не ранее сентября.

* * *

Т. К. Но в дороге поезд долго что-то стоял в Ростове. Михаил пошел там играть в бильярд. А он очень увлекающийся, азартный и все деньги проиграл. Пошел и заложил эту браслетку в ломбард. Ну, и пришел на вокзал очень расстроенный, переживает и вдруг совершенно неожиданно видит на вокзале Костю. Как он туда попал — не знаю. Он ему квитанцию отдал: «Выкупи, ради Бога, отдай Варю». Костя это все выполнил, и Варя потом вернула браслетку Михаилу с нотациями. Представляете, три года пропадала и вдруг нашлась!

* * *

В этот день мы закончили далеко за полночь. Я медленно брел в гостиницу, но, привычно преодолев вздыбленную туапсинскую улочку, потрясенно уставился на совершенно незнакомый мне пустырь. Модерная девятиэтажная гостиница отсутствовала. Глаза шарили по кустикам, камешкам и лунным пятнам, а в голове бились

обрывки имен, дат, адресов и еще бог весть чего. «Да, хорош бы я был без магнитофона», — почему-то подумал я и понял: «Заблудился». Потом вместо мысли о гостинице кокетливый женский голос пропел: «...Только очень странно это...» Пришлось согласиться, действительно, странно.

Это был пятый день записей воспоминаний Татьяны Николаевны. Пятый день по двенадцать часов ежедневно. «Конечно, устал», — решил я и тут же понял, что это вранье. Неужели что-то прошляпил? «...Только очень странно это...» Точно. Что-то я упустил, и, кажется, что-то важное. И песня эта чертова привязалась. Она сорвалась с пленки, когда я ставил чистую кассету. А интересно, что я записывал перед этим? Эта кассета двенадцатая, значит, надо прослушать конец одиннадцатой. Я уселся на камень. Пленка пошелестела, раздался смех Татьяны Николаевны: «Представляете, три года пропала и вдруг нашлась!» Браслетка!!! Я упустил что-то, связанное с золотой браслеткой Татьяны Николаевны. А что бы там, собственно, могло быть? «Три года пропала и вдруг нашлась». Ну и что? Таких случаев сколько хотите. Браслетка, правда, не совсем обычная. Это был амулет Булгакова. Он надевал ее в самые ответственные моменты. Но в этом тоже нет ничего особенного. Ладно, надо идти в гостиницу. Там «мы эту сову разъясним». По дороге ощущение тревоги не улеглось. Наоборот, я уже ясно чувствовал, что в браслетке скрыта какая-то тайна. Да, с наскоку тут, пожалуй, не возьмешь. Только нить потеряю. Будем раскручивать методически.

Кажется, впервые Татьяна Николаевна упомянула о браслетке, рассказывая о свадьбе. Да. Тогда Михаил выпросил у нее браслетку и нацепил на себя. Это было в 1913 году. А пропала она в 19-м. Потом браслетку искали, это я помню по письмам Булгакова. Где-то они у меня были... Ага, вот они.

«Узнай у дяди Коли, целы ли мои вещи. Кстати, напиши, жив ли Таськин браслет?» Это от 2 февраля 1921 года. А вот еще, через две недели: «Сообщи мне, целы ли мои вещи и Т[асин] браслет».

А, а вот она и нашлась:

«...О браслете знает Константин. Передай ему (не браслету, а Константину) мой привет». Это письмо Надежде Афанасьевне, 1922 год. «Три года пропала и вдруг нашлась». Действительно три года, только ничего особенного во всем этом пока нет. Но что-то должно быть, в этом я уверен.

Надо сказать, что в том же 19-м году браслетка фигурировала еще раз, когда Булгакова мобилизовал Петлюра. Больше в 19-м году браслетка не упоминалась, но где-то я еще ее встречал. 17-й год, Никольское? 18-й, Вязьма? Нет, кажется, в Киеве. А посмотрим-ка 1916-й. Я достал кассету.

«...Это Надя выдумала, и так и пошло. Не сочинял Булгаков такой шутки. Чего не было, того не было...»

«...Мы поехали в карете, и Ванька с нами. Остальные пешком...»

«Волновался он страшно. Учился неважно, но все экзамены сдал на „пять“. Браслетку мою нацеплял...»

Здорово! Почти сразу нашел. Даже... слишком здорово. Значит,

все экзамены на «пять»? Может быть, браслетка и вправду «работала»? А если даже и так, что тут такого? Нет, не то я делаю. Не то ишу. Тут что-то другое. 16-й год... А почему я, собственно, полез в 16-й? Наверное, просто в голове отложилось. А может быть, и потому, что он посередине между 13-м и 19-м. Шесть лет пополам будет три... ТРИ??? «Три года пропадала и вдруг нашлась!» Вот оно — главное. Каждые три года! 13-й, 16-й, 19-й, 22-й. Это уже мистика. Откуда она вообще взялась, эта браслетка? И когда? 1913-й минус три... Неужели в 1910-м? Скорей бы утро!

Татьяна Николаевна открыла дверь и удивленно улыбнулась.

— Что это вы в такую рань сегодня?

— Доброе утро, Татьяна Николаевна. Скажите, как к вам попала эта браслетка?

— Хм, «браслетка», — передразнила Татьяна Николаевна. — Идите руки мыть, сейчас будем пить кофе.

— Татьяна Николаевна, умоляю!

— Мама мне ее подарила. Когда я гимназию кончала.

— Когда это было?

— В 1910-м.

Кто бы знал, как я ждал этого ответа, и все же был оглушен. В ванной, немного придя в себя, я обдумывал, как повести разговор.

— Татьяна Николаевна, а вот после ухода Булгакова... как же он без браслетки-то?

— Ну, что ж, будет знать, как шастать. Вообще, он потом заходил ко мне. Однажды попросил браслетку, гонорар не мог получить, что ли... Нацепил, пошел и получил.

— В 25-м году? — спросил я с какой-то безысходностью.

— Не помню. Знаю, что за «Роковые яйца».

— Да, это 25-й год. Все правильно.

— Что правильно?

— Да это я так, к слову... Ну, а потом?

— Потом он стал знаменитым. «Дни Турбиных» в МХАТе пошли... И хоть бы раз билет предложил. Ведь знал, что трудно достать. Ни разу. Однажды приходит... а я как раз браслетку продала...

— Как?!

— Ну, жить-то надо! Как вы думаете? Господи, что с ним было! Как раз в этот день.

— А потом?

— Потом я его долго не видела. Не знаю, что было.

Однако я забежал несколько вперед. Мы остановились на том, что из Ростова Булгаков выехал во Владикавказ.

* * *

Т. К. Приехал он во Владикавказ и через неделю-две меня вызвал.

Л. П. Как дорога прошла?

Т. К. Мы ехали через Екатеринослав. Общий вагон, и жрать было нечего. Территорию после Екатеринослава занимал Махно, и вот

мы все гадали: проскочим или не проскочим? Ничего, проскочили. Приезжаю во Владикавказ, Михаил меня встретил. Маленький такой городишко, но красиво. Горы так видны... Полно кафе кругом, столики прямо на улице стоят... Народу много — военные ходят, дамы такие расфуфыренные, извозчики на шинах. Ни духов, ни одеклона, ни пудры — все раскупили. Музыка играет... Весело было. Я еще обратила внимание, Михаилу говорю: «Что это всюду бисквит продают?» А он: «Ты что! Это кукурузный хлеб». А я за бисквит приняла, тоже желтый такой. Он начал работать в госпитале. Я пришла туда поесть — голодная как черт приехала, — съела две или три котлеты. Так он: «Ты меня конфузишь!» Еще он сказал, что начал печататься там, писать.

* * *

М. Чудакова, таким образом, ошибочно датирует приезд Булгакова во Владикавказ началом 1920 года⁸⁷. Сообщение Татьяны Николаевны отодвигает и дату начала его литературной деятельности на конец сентября — начало октября 1919 года, хотя в записках П. С. Попова датой первой публикации Булгакова (до сих пор неизвестной) значится 19 ноября 1919 года⁸⁸ *. Вообще, биографические записки Попова очень ненадежный источник. Даже в записи о смерти матери Булгакова допущена ошибка на целый год⁸⁹. Да и оформлялись они уже после смерти Булгакова.

* * *

Т. К. Во владикавказском госпитале Михаил проработал всего несколько дней, и его направили в Грозный, в перевязочный отряд. В Грозном мы пришли в какую-то контору, там нам дали комнату. И вот, надо ехать в этот перевязочный отряд, смотреть. Поехали вместе. Ну, возница, лошадь... и винтовку ему дают, Булгакову, потому что надо полями кукурузными ехать, а в кукурузе ингуши прятались и могли напасть. Приехали, ничего. Он все посмотрел там. Недалеко стрельба слышится. Вечером поехали обратно. На следующий день опять так же. Потом какая-то там врачиха появилась и сказала, что с женой ездить не полагается. Ну, Михаил говорит: «Будешь сидеть в Грозном». И вот, я сидела ждала его. Думала: убьют или не убьют? Какое-то время так продолжалось, а потом наши попали там аулы, и все это быстро кончилось. Может, месяц мы были там. Оттуда нас отправили в Беслан.

Л. П. Татьяна Николаевна, вот Яновская пишет: «Думаю, что (Булгаков.— Л. П.) видел повешенных рабочих в Грозном в декабре 1919 года»⁹⁰. Это она ниточку к «Бегу» тянет. Вы ведь с ним были в Грозном?

Т. К. Была.

Л. П. Там были повешенные на столбах?

* В первой половине 1986 г. Г. С. Файман обнаружил самую раннюю из известных на сегодня публикаций М. А. Булгакова — статью «Грядущие перспективы», напечатанную в белогвардейской газете «Грозный» 26 ноября 1919 г. Этот факт и текст статьи обнародованы в мае 1988 г.¹⁷³.

Т. К. Нет.

Л. П. Не было?

Т. К. Не видела. Мы были вместе, и ничего этого не было.

Л. П. Ну вот, Яновская думает иначе.

Т. К. Она может писать все что угодно.

Л. П. Вот, она продолжает: «Он был на Северном Кавказе, когда денкинские генералы топили в крови восстание рабочих»⁹¹.

Т. К. Нет, этого там не было. Может быть, было где-то, но этого мы не видели. Даже слышно об этом ничего не было. Уж если бы такое было — было бы слышно.

Л. П. Ну, и как Беслан?

Т. К. Там мы мало пробыли. Жили в какой-то теплушке прямо на рельсах. Ели одни арбузы, и еще солдаты там кур крали, варили и давали врачу. Потом пришла бумажка, ехать во Владикавказ. Мы приехали, и Михаил стал работать в госпитале. Там персонала побавилось, и поговаривали, что скоро придут красные.

Л. П. Это когда было?

Т. К. Это еще зима 1919-го была. Поселили нас очень плохо: недалеко от госпиталя в Слободке, холодная очень комната, рядом еще комната — большая армянская семья жила. Потом в школе какой-то поселили — громадное пустое здание деревянное, одноэтажное... В общем, неуютно было. Тут мы где-то познакомились с генералом Гавриловым и его женой Ларисой. Михаил, конечно, тут же стал за ней ухаживать... Новый год мы у них встречали, 1920-й. Много офицеров было, много очень пили... «кизлярское» там было, водка или разведенный спирт, не помню я уже. Но на этот раз я не напилась.

Л. П. Симпатичная была эта Лариса?

Т. К. Да, симпатичная.

Л. П. А генерал что же смотрел?

Т. К. Ну, он так... незаметно. И вот генерал куда-то уехал, и она предложила нам жить у них в доме. Дом, правда, не их был. Им сдавал его какой-то казачий генерал. Хороший очень дом, двор кругом был, и решеткой такой обнесен, которая закрывалась. Мне частенько через нее лазить приходилось. И стали мы жить там, в бельэтаже. Михаилу платили жалованье, а на базаре все можно было купить: муку, мясо, селедку... И еще он там в газете писал... «Зори Кавказа», что ли... не помню.

Л. П. А что писал? Не показывал?

Т. К. Понятия не имею. Не показывал.

Л. П. А сами вы не читали уже в печати?

Т. К. Нет, не читала. Но писал. Мне пришлось даже самой дрова рубить. Попала себе раз вот сюда, такой синяк был. «Зачем ты рубишь?» — «Тебе же все некогда...» Ну, потом мне сын Гавриловых помогать стал, Дмитрий. Денщик у нас еще был в Слободке, Барышев. Тоже помогал.

— Надо чего помочь, барыня?

— Ничего не надо.

— Так я в кино пойду?

— Иди. А деньги у тебя есть?

— Да я так как-нибудь.

— Вот тебе деньги. Иди.

Л. П. Бы тоже ходили куда-нибудь? У вас там были знакомые?

Т. К. Да. Вот Моисеенко такие там были, Михаил меня познакомил. Соболевский такой к нам приходил. Он то ли к театру какое-то отношение имел, то ли стихи писал... не помню. Потом он как-то быстро исчез. То ли его забрали, то ли за границу удрал, не знаю. Не большевик, в общем. Потом еще две сестры были — Вера и Ольга Туркул. У них мы 1921-й год встречали. Они одни жили. Одна шляпки шила, а другая сапожничала. Где-то Михаил с ними познакомился. Ой, с кем он только не знакомился! Это такая крутила была — что-то ужасное!

Л. П. Моисеенко — это не те, где Булгаков потом с Еленой Сергеевной познакомился?

Т. К. Нет, это совершенно другие были. (Все-таки, мне кажется, это надо проверить. — *Л. П.*) И вот однажды Михаил попросил меня съездить в Пятигорск... не помню зачем... отвезти, что ли, что-то. Сажу на вокзале, поездов нет. Сидела, сидела и вернулась.

— Ты чего вернулась?

— Поездов нет.

— Не может быть!

— Сам попробуй.

Ну, через несколько дней он сам поехал. Приезжает и говорит: «Посмотри, что там у меня...» Я посмотрела и на спине у него нашла вошь. «Это очень плохо», — говорит он. А через некоторое время у него голова начала болеть, температура поднялась, заболел брюшным тифом. А белые тут уже зашевелились, красных ждали. Я пошла к врачу, у которого Михаил служил, говорю, что он заболел. «Да что вы?! Надо же сматываться». Я говорю: «Не знаю как. У него температура высокая, страшная головная боль, он только стонет и всех проклиняет. Я не знаю, что делать». Дал он мне адрес еще одного врача, владикавказского, тоже военный. Они его вместе посмотрели и сказали, что трогать и куда-то везти его нельзя. Тут приходят соседи, кабардинцы, приносят черкески: «Вот. Одевайтесь и давайте назад. Сегодня уходим». Я, конечно, никуда уйти не могу — Михаил лежит весь горячий, бредит, ерунду какую-то несет...

Л. П. А что он в бреду говорил?

Т. К. Не помню я, не помню. Я безумно уставала. Как не знаю что. Все же надо было делать — воду все время меняла, голову заматывала... лекарства врачи оставили, надо было давать... Лариса эта мне помогала. И вот, дня через два я выхожу — тут уж не до продуктов, в аптеку надо было — город меня поразил: пусто, никого. По улицам солома летает, обрывки какие-то, тряпки валяются, доски от ящиков... Как будто большой пустой дом, который бросили. Белые смылись тихо, никому ничего не сказали. По Военно-Грузинской дороге. Конечно, они глупо сделали — оставили склады с продовольствием. Ведь можно было как-то... в городе оставались люди, которые у них работали. В общем — никого нет. И две недели нико-

го не было. Такая была анархия! Ингуши грабили город, где-то все время выстрелы... Я бегу, меня один за руку схватил. «Ну,— думаю,— конец». Но ничего, обошлось. И вот Михаил лежал. Один раз у него глаза закатились, я думала — умер. Но потом прошел кризис, и он медленно-медленно стал выздоравливать. Это когда уже красные стали.

* * *

От этого периода до нас дошло три фрагмента рассказа Булгакова «Дань восхищения», опубликованного в феврале 1920⁹². Ни название газеты, ни точная дата публикации, ни полный текст рассказа до сих пор неизвестны⁹³. Единственное, что можно «выжать» из сохранившейся части текста: события гражданской войны, вероятно, в Киеве, вероятно, с близкими Булгакову героями, близость темы «Белой гвардии». А вот из сопровождающего письма картину можно дополнить: «В этом письме посылаю тебе (В. А. Булгаковой.— Л. П.) мой последний фельетон „Неделя просвещения“, вещь совершенно ерундовую, да и притом узко местную <...>. Кроме того, посылаю три обрывочка из рассказа с подзаголовком „Дань восхищения“. Хотя они и обрывочки, но мне почему-то кажется, что они будут не безынтересны Вам... Не удивляйтесь скудной присылке! Просто на память несколько печатных строк и программ Турбиных»⁹⁴.

Просто на память?

А не странно ли:

1. Фельетон «Неделя просвещения» — «вещь совершенно ерундовую» — он посылает целиком.

2. Посылает также несколько программ пьесы «Братья Турбины».

3. «Дань восхищения» же — вещь «не безынтересную» сестрам — только три маленьких обрывочка, хотя ясно, что много места газетная публикация не займет.

4. Почему фрагментов три? Ведь проще и логичнее вырезать «на память» весь рассказ или один фрагмент.

5. Почему фрагменты высланы спустя более года после публикации?

6. Что это Булгаков забеспокоился о памяти по себе?

Ответ на последние два вопроса будет дан в 9-й главе, а на остальные проливает свет следующее обстоятельство: рассказ «Дань восхищения» был опубликован, когда Владикавказ занимали белые, т. е. в белогвардейской газете, а отослан уже при красных, 26 апреля 1921 года. Во-первых, это объясняет, почему Булгаков не мог хранить всю газету, да еще со своим рассказом, а во-вторых, то, что он не хранил рассказ целиком, позволяет предполагать его идейную направленность. Текст, вероятно, был таков, что при красных за него можно было и поплатиться.

* * *

Л. П. И еще у меня, Татьяна Николаевна, вопрос по этой книге Гиреева «Михаил Булгаков на берегах Терека». С ней полная неразбериха получается...

Т. К. Вы знаете, когда я прочитала эту книгу, то прямо пришла в ужас! Там такое понаписано, чего никогда не было. Я возмущалась, написала ему письмо. Он ответил, что мое письмо его просто оглушило, что он не знал, где я и жива ли, и тому подобное. Между прочим, он обращался к Яновской, но она ему обо мне ничего не сказала, а потом его книгу ругала. Он написал мне, что не знал, как и почему Булгаков попал на Кавказ. Конечно, не знал! Встреча Михаила и Николая на Кавказе выдумана. Колька в это время преспокойно жил в Киеве, а Михаил случайно встретился с Костей, и не в Грозном, в Ростове. Это Гиреев по «Красной короне» писал. Или вот, во Владикавказе Булгаков разыскивает мою двоюродную сестру Ларису... Да у меня отродясь такой не было!

Л. П. А вот, встреча Нового года? 1920-го?

Т. К. Не-е-ет. Мы встречали Новый год у Гавриловых, а он написал — у Пейзулаевых⁹⁵ со Слезкиным⁹⁶. А Слезкина тогда и духу не было. Они познакомились уже при красных. Все, что пишет Гиреев, — ерунда. У Булгакова он на Кавказе тьму родственников нашел. Покровский какой-то, еще кто-то... У нас там ни одного родственника не было. Абсолютно! А мой приезд как изобразил? Будто я несколько месяцев пропадала, ездила в Саратов мать хоронить. А мать в это время как не знаю что жива была! Она умерла в 1960 году в Харькове. И в Саратов я не ездила. А с Пейзулаевыми мы только при красных познакомились, но ни с комнатой, ни с мебелью они нам не помогли. Комнату нам ревком дал, а мебель соседи. Одно вранье у Гиреева. Я его спрашивала, откуда он все это взял? А он ответил, что так должно было быть по его творческой интуиции. О каком-то письме Костином я Михаилу якобы рассказываю... Да Костя мне в жизни не писал. Про Тифлис Гиреев пишет, будто я пропуск какой-то доставала, выехать не могла. Все это небылица, брехня. Никаких пропусков и не надо было. Просто я села и поехала в Тифлис. Письмо Покровского, как он Булгакова за границу выманивал, — тоже ерунда. В общем, знаете, вся эта книга — сплошной вымысел, сплошь выдумка.

* * *

Подлинность опубликованных в упоминаемой книге писем К. П. Булгакова⁹⁷ и Н. Н. Покровского⁹⁸ также вызывает сомнение. В них не указаны ни адреса, ни даты, ни место хранения, обнаружить их ни в советских, ни в зарубежных архивах не удалось, а на мой запрос издательство «Ир» ответило, что в архиве Гиреева эти письма или их копии отсутствуют⁹⁹.

Впрочем, содержание «письма К. П. Булгакова» не оставляет сомнений в том, что оно Гиреевым вымышлено: Николка «лежит в пятигорском госпитале». То же можно сказать и о письме Н. Н. Покровского (если такой существовал): намек на встречу с братьями за границей не мог иметь места, так как об их эмиграции стало известно лишь через год.

Думаю, дальнейшее рассмотрение и критика книги нецелесообразны.

9. КРАСНЫЙ КАВКАЗ

Т. К. Он уже выздоровел, но еще очень слабый был. Начал вставать понемногу. А во Владикавказе уже красные были. Так вот мы у них и оказались. Он меня потом столько раз пилил за то, что я не увезла его с белыми: «Ну как ты не могла меня увезть!» Я говорю: «Интересно, как я могла тебя увезть, когда у тебя температура сорок, и ты почти без сознания, бредишь, и я повезу тебя на арбе. Чтобы похоронить по дороге?» И вот уже решили выйти погулять. Он так с трудом... на руку мою опирается и на палочку. Идем, и я слышу: «Вон, белый идет. В газете ихней писал». Я говорю: «Идем скорей отсюда». И вот пришли, и какой-то страх на нас напал, что должны прийти и нас арестовать. Кое-кого уже арестовали. Но как-то нас это миновало, не вызывали даже никуда. Врачом он больше, сказал, не будет. Будет писать.

* * *

Со слов Булгакова П. С. Попов записал, что 15 февраля 1920 года тот пережил «душевный перелом», когда решил бросить медицину и отдаться литературе¹⁰⁰. Интересно, что именно 15 февраля 1920 года во Владикавказе вышел первый номер новой газеты «Кавказ», где среди сотрудников — известных журналистов — назван и Булгаков¹⁰¹. Первые денкинские части уже начали покидать город.

* * *

Т. К. При красных мы жили все там же. У Гавриловых, но генерал, конечно, драпанул, а потом и Лариса куда-то исчезла. Хорошая большая комната была, мебель шикарная... Ну, Михаил решил пойти устроиться на работу. Пошел в подотдел искусств¹⁰², где Слезкин заведовал. То ли по объявлению он туда пошел, то ли еще как... Вот тут они и познакомились. Михаил сказал, что он профессиональный журналист, и его взяли на работу (заведующим литературной секцией. — Л. П.). Вообще, Слезкин много в подотдел внес. Через Владикавказ ведь масса народу ехала, много артистов, музыкантов... Он организовал всех, театр заработал, там хорошие спектакли шли: «Горе от ума», Островского вещи... концерты стали давать, потом опера неплохая была, да в таком небольшом городке. Между прочим, он немного подмазывался, Слезкин. Лицо себе румянил... вообще, немножко грим наводил.

Л. П. А в чем состояли обязанности Булгакова?

Т. К. Ну, там... организовывать... я точно не могу вам сказать, знаю, что он выступал перед спектаклями, рассказывал все. Но говорил он очень хорошо. Прекрасно говорил. Это я не потому, что... это другие так отзывались. Но денег не платили. Рассказывали, кто приезжал, что в Москве есть было нечего, а здесь при белых было все что угодно. Булгаков получал жалованье, и все было хорошо, мы ничего не продавали. При красных, конечно, не так стало. И денег не платили совсем. Ни копейки! Вот, спички дадут, растительное масло и огурцы соленые. Но на базаре и мясо, и мука, и дрова были. Одно

время одним балыком питались. У меня белогвардейские деньги остались. Сначала, как белые ушли, я пришла в ужас: что с ними делать? А потом в одной лавке стала на балык обменивать. Еще у меня кое-какие драгоценности были... цепочка вот эта толстая золотая. Вот я отрублю кусок и везу арбу дров, печенки куплю, паштет сделаю... Иначе бы не прожили.

Л. П. Топором рубили?

Т. К. Нет, носила к этому... к ювелиру. Вот я не могу понять только — как же жили те, у кого не было всяких таких штук?

Л. П. А у Булгакова были свои средства?

Т. К. Нет, не было. Потом месяца два-три прошло — дом Гавриловых под детский дом взяли, а нам дали комнату на Слепцовской улице, около театра (Слепцовская ул., д. 9, кв. 2.— *Л. П.*).

Л. П. А чем вы занимались?

Т. К. А я стала работать в уголовном розыске, в конторе. Надо было письма записывать. Я там все перепутала. «Когда же вы научитесь?» Все запутала. Потом Слезкин узнал, говорит Михаилу: «Ты что? Давай ее в театр!» Предложили мне работать статисткой. Все время надо было в театре торчать. С утра репетиции, вечером спектакли. А потом так привыкла, что не могла уже жить без театра. Уроки танцев брала у... Деляр там такая была. Раз надо было на сцене «барыню» станцевать — я так волновалась! Но станцевала. В афишах у меня был псевдоним Михайлова.

* * *

Не случайно этот период привлекает к себе особое внимание литературоведов. Не случайно и то, что в специальной литературе он отражен очень скупо и неоднозначно. Дело в том, что мы располагаем ничтожным количеством документов и свидетельств очевидцев кавказского периода жизни писателя. С другой стороны, имеется интересный в автобиографическом аспекте литературный материал. К первым относятся шесть писем М. А. Булгакова¹⁰³, два письма Т. Н. Кисельгоф^{104,105}, несколько архивных документов ГБЛ, Гос. архива СО АССР, отрывочные газетные публикации того периода, косвенная информация содержится в переписке между родственниками М. А. Булгакова. С некоторыми оговорками возможно привлечение более поздних документов: двух автобиографий писателя¹⁰⁶ и его писем к П. С. Попову¹⁰⁷.

Ко второй группе относятся произведения «Необыкновенные приключения доктора»¹⁰⁸, «Записки на манжетах»^{109,110}, «Неделя просвещения»¹¹¹, «Богема»¹¹², в некоторой степени «Бег»¹¹³. При обращении к ним авторы вне документальных ориентиров произвольно определяли степень автобиографичности этих произведений, что привело к известному расхождению в биографических реконструкциях. Заслуживают внимания работы Е. Земской, Е. Проффер (США), К. Райта (Канада), В. Чеботаревой, М. Чудаковой, Л. Яновской. Каждая из работ по-своему освещает определенные стороны жизни и творчества М. Булгакова на Кавказе, однако в совокупности

они представляются более взаимоисключающими, чем взаимодополняющими.

К сожалению, крупное недоразумение произошло с последней работой Е. Проффер¹¹⁴, введенной в заблуждение книгой Д. Гиреева «Михаил Булгаков на берегах Терека», весьма далекой, как оказалось, от действительности. Таким образом, ее вступительная биографическая статья к 1 тому 10-томного собрания сочинений Булгакова оказалась совершенно неприемлемой.

В свете изложенного воспоминания Т. Н. Кисельгоф представляют известный научный интерес, особенно в изучении таких неясных периодов жизни Булгакова, как кавказский. К сожалению, Татьяна Николаевна не интересовалась литературной работой и планами писателя, но факты биографии, последовательность событий, отношение его к происходящему, его душевное состояние она знала и помнит очень хорошо. Это также дает и более полное представление о том, в какой степени можно опираться на автобиографические произведения Булгакова.

Рассмотрим в этом аспекте III—XV главы «Записок на манжетах», отражающие жизнь Булгаковых на Кавказе при советской власти.

Еще не вполне выздоровевший герой, обеспокоенный дальнейшей судьбой, беседует с Юрием Слезкиным: « — Что же теперь будет с нами? <...> — Подотдел искусств откроем». Татьяна Николаевна твердо помнит, что со Слезкиным Булгаков познакомился позже, когда он в ее сопровождении «то ли по объявлению, то ли еще как» отправился в подотдел искусств Городского отдела народного образования устраиваться на работу. Сам Булгаков, как мы уже знаем, считает началом своей профессиональной литературной деятельности 15 февраля 1920 года. Нельзя согласиться с мнением М. Чудаковой, что «Булгаков осознал свое будущее как литературное, по-видимому, не позже 1916 года: об этом свидетельствуют строки из письма его к двоюродному брату К. Булгакову от 1 февраля 1921 года: „...Я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать, — писать“ (копия)»¹¹⁵. Однако, если Булгаков сознавал это в 1921 году, еще не значит, что он сознавал то же самое в 1916 году.

Воспоминания Кисельгоф свидетельствуют о том, что первые серьезные литературные попытки Булгакова относятся к концу 1916 — началу 1917 года, однако для предположения, что он уже тогда осознал свое будущее как литературное, этого факта также недостаточно. Думаю, правильнее говорить об осознании потребности литературного творчества. Вообще, постановка вопроса — когда начался писатель — упрощена. «Писателем человек обычно делается раньше того времени, когда начинает исписывать листы бумаги. Человек рождается писателем одновременно с чувством необычности и своеобразия жизни. Когда такое чувство овладевает вами и когда вы с полной ясностью видите во всем окружающем его сущность и своеобразие, то это первый толчок для того, чтобы быть писателем, и первоисточник писательской работы», — говорил Паустовский¹¹⁶.

Заведующему подотделом искусств Ю. Слезкину Булгаков представился как профессиональный литератор и был зачислен на должность заведующего литературной секцией.

Поступление на работу в подотдел интересно тем, что маститый Слезкин сразу почувствовал в никому не известном Булгакове литератора, сразу сделал его своей правой рукой (при большом скоплении богемы в городе выбор у него, конечно, был).

Проясняются настроение и позиция Булгакова, который упрямо идет в литературу, отказавшись от безбедной и доходной врачебной практики, положив в жертву и большой, в тяжелых испытаниях полученный медицинский опыт.

Упомянутых в четвертой главе «Записок...» повторных приступов тифа, насколько помнит Т. Н. Кисельгоф, не было. Он выздоравливал медленно, но ровно. Пятая глава дает несколько сцен, характеризующих атмосферу в подотделе искусств, но об этом Татьяна Николаевна ничего сказать не смогла.

Шестая глава посвящена диспуту о А. С. Пушкине, в котором Булгаков принял самое активное участие и на котором Т. Н. Кисельгоф присутствовала.

* * *

Т. К. Диспут о Пушкине я помню. Была там. Это в открытом летнем театре происходило. Народу очень много собралось, в основном — молодежь, молодые поэты были. Что там делалось! Это ужас один! Как они были против, Боже мой! Я в зале сидела, где-то впереди, а рядом Булгаков и Беме¹¹⁷, юрист, такой немолодой уже. Как там Пушкина ругали! Потом Булгаков пошел выступать и прямо с пеной у рта защищал его. И Беме тоже. А портрет Пушкина хотели уничтожить, но мы не дали. Но многие были и за Булгакова.

* * *

Далее хронология и сюжетная последовательность произведения нарушается, а поскольку рукопись «Записок...» не сохранилась и публиковались они частями и с сокращениями, говорить о композиционном замысле автора вообще не приходится, позволю себе сделать не только биографическую реконструкцию на основе произведения, но и обратное — на основе биографии реконструировать произведение.

Нетрудно увидеть, что события III—VI глав, относящиеся к весне 1920 года, и события VII главы, проецирующиеся на весну 1921 года, разделяет значительный интервал — чуть более года. Известно также, что описанные в X главе литературные вечера, посвященные Чехову и Пушкину, происходили соответственно 14 и 26 октября 1920 года. Сделав хронологическую перестановку X главы и поместив ее между VI и VII главами, мы убеждаемся и в органичности этого варианта, оправданного, кроме того, данными, что в некоторых случаях нумерация глав менялась или вовсе отсутствовала.

Итак, X глава рассказывает о литературных вечерах, посвященных Чехову и Пушкину. По объему это одна из наиболее крупных

глав, а по форме приближается к небольшому рассказу, повествование более плавно, мысль закончена. Существенной биографической информации она не содержит, но создает ощущение изменения драматической ситуации и приближающегося конфликта: «Кончено. Все кончено!.. Вечера запретили... Идет жуткая осень. Хлещет косой дождь. Ума не приложу, что же мы будем есть? Что есть-то мы будем?!..»

Этих литературных вечеров Т. Н. Кисельгоф не помнит, но то, что у Булгакова начались неприятности и его ругали в газетах, подтверждает.

К этому времени (осень 1920 года) уже написана и поставлена первая булгаковская пьеса «Самооборона», 21 октября состоялась премьера второй пьесы «Братья Турбины». Эти этапы не отразились в «Записках...» и почти не сохранились в памяти Татьяны Николаевны. Вместе с написанными этой же зимой еще тремя пьесами — «Глиняные женихи», «Парижские коммунары» и «Сыновья муллы» — они, естественно, стали центром внимания литературоведов. Все тексты Булгаков позже уничтожил, однако один экземпляр «Сыновей муллы» случайно сохранился¹¹⁸. По косвенным источникам — афишам, программам, рецензиям — составить определенное представление о содержании остальных пьес до сих пор не удалось. Не смогла помочь и Татьяна Николаевна.

* * *

Т. К. Вы знаете, я видела эти пьесы, и не один раз, но о чем там, содержание — совершенно вылетело из головы, ничего не могу сказать. Вот, хоть убейте! Не знаю.

* * *

Особое внимание привлекает пьеса «Братья Турбины», как возможный этап творческой истории «Белой гвардии» и «Дней Турбиных». Этот вопрос постоянно дискутируется специалистами, но, к сожалению, не всегда с достаточной научной строгостью. Известно суждение сестры писателя Н. А. Земской, утверждавшей, что произведения эти не имеют ничего общего¹¹⁹. В то же время преемственность очевидна. Вопрос лишь — в какой степени? Один из тезисов Л. Яновской¹²⁰ — автобиографичность материала — основан в отношении «Братьев Турбиных» только на нескольких отдельных внешних признаках, а попытка углубить аргументацию оказалась неудачной. Так, предположение, что прообразом героини пьесы Кэт Рында является Т. Н. Кисельгоф, Татьяна Николаевна уверенно отвергла, так же как и предположение, что в пьесе могла отразиться история любви ее и Михаила Булгакова. Это бы ей, я полагаю, запомнилось. Она говорила, что «Братья Турбины» ничем не напоминали ей семью Булгаковых. «Ее брат, Женя Рында, скульптор. (Художником и, кажется, именно скульптором был один из братьев Татьяны Николаевны, носившей старинную дворянскую фамилию Лаппа)», — пишет Л. Яновская. Нет, Евгений Николаевич Лаппа не был ни художником, ни скульптором. Он, как сказала Татьяна Ни-

колаевна, был просто шалопаем, еле окончившим реальное училище, пристрастился к наркотикам, в 1917 году был убит на фронте в первом же бою. Далее логика Яновской озадачивает: в составе действующих лиц «Братьев Турбиных» две горничные. Этого ей достаточно для предположения, что Турбины живут на «два дома», как жили Булгаковы в 1913 и 1918 годах¹²¹. Татьяна Николаевна же рассказывает, что в 1913 году у Булгаковых было две горничных, хотя жили они на один дом, а в 1918 ни одной.

Неожиданный «драматургический взрыв» Булгакова тоже интересен в истории его литературного становления. Булгаков также занимает должность заведующего театральной секцией подотдела искусств, затем декана театрального факультета вновь образовавшегося в Осетии художественного института. Нужно ли удивляться, что спустя годы герои «Белой гвардии» начали двигаться и разговаривать «в освещенной коробке» и родилось чудо — «Дни Турбиных»?

Прежде чем рассмотреть VII главу, необходимо устранить одно, на мой взгляд, недоразумение. XIV глава «Записок...» показывает Батуми конца июля — начала августа 1921 года, однако в середину ее в качестве третьей части попал каким-то образом фрагмент, относящийся к Владикавказу конца 1920 — начала 1921 года, не связанный с этой главой ни хронологически, ни сюжетно, ни композиционно. С другой стороны, этот фрагмент точно по мерке ложится в большой разрыв в середине VII главы, поясняя ее дальнейший текст. Предлагаемая редакция этой главы такова:

VII БРОНЗОВЫЙ ВОРОТНИК

Что это за проклятый город Тифлис!

Второй приехал! В бронзовом воротничке. В брон-зо-вом. Так и выпал в живом журнале. Не шучу я!!

В бронзовом, поймите!

Чаша переполнилась. В двенадцать часов приехал «новый заведывающий».

Он вышел и заявил:

— Па иному пути пайдем. Не нады нам больше этой парнографии: Горе от ума и Ревизора, Гоголи, Моголи. Свои пьесы сачиним.

Затем сел в автомобиль и уехал.

Его лицо навеки отпечаталось у меня в мозгу¹²².

Беллетриста Слезкина выгнали к черту. Несмотря на то, что у него все-российское имя и беременная жена. А этот сел на его место. Вот тебе и изо, мизо. Вот тебе и деньги за ковер...

Действительно, комиссия, обследовавшая в октябре 1920 года работу подотдела искусств, пришла к выводу о полном развале работы. «Беллетриста Слезкина выгнали к черту», затем был изгнан и

Булгаков, как бывший белогвардеец ¹²³. Так закончились литературные вечера во Владикавказе в 1920 году. Так жизнь загнала Булгакова за письменный стол, и появились этой зимой «Глиняные женихи», «Парижские коммунары» и «Сыновья муллы». О последней пьесе он скажет, что писали ее втроем: «Я, помощник поверенного и голдуха» ¹²⁴.

Рассказывая об этом периоде, Татьяна Николаевна охарактеризовала его более определенно: «Потом вечера запретили, подотдел разогнали, Слезкин уехал, артисты разъехались, театр стал пустой».

VIII глава — о бедственном положении героя и Слезкина, у которого, вдобавок ко всему, во Владикавказе родился сын. Вторично здесь звучит тема эмиграции.

* * *

Т. К. Делать там стало уже нечего. Мы отрубали от моей золотой цепи куски, продавали их и ели. У Слезкина жена, Жданович, играла в «Горе от ума» Лизу, а на следующий день ребенка родила, Юру. Потом они куда-то уехали. Ну, и Булгаков стал думать, чтобы уехать. Он хотел за границу уехать, по правде сказать. Скажу прямо. Он так мечтал.

* * *

Действительно, в главе IX Булгаков прекрасно дал почувствовать состояние растерянности и смятения, охватившее часть литераторов. Великолепно, одним мастерским очерком показано появление Осипа Мандельштама.

«Вошел в пасмурный день и голову держал высоко, как принц. Убил лаконичностью:

— Из Крыма. Скверно. Рукописи у вас покупают?

— ...но денег не пла...— начал было я и не успел окончить, как он уехал. Неизвестно куда...» ¹²⁵

Факт встречи Булгакова и Мандельштама на Кавказе подтверждает Надежда Мандельштам, сообщившая М. Чудаковой, что беседовали они об эмиграции и что Мандельштам отсоветовал Булгакову эмигрировать ¹²⁶. В разговоре с Е. Проффер Надежда Мандельштам сказала, что Булгаков советовался, принять ли участие в конкурсе на написание романа ¹²⁷. Странно, что в первом случае Н. Мандельштам рассказывала об эмиграции и не сказала о конкурсе, а во втором случае наоборот. Странно и то, что об этих деталях она вспомнила лишь спустя десятилетия. Т. Н. Кисельгоф сомневается, что Булгаков встретился с Мандельштамом на Кавказе.

Несомненно то, что Владикавказ принял в это беспокойное время многих известных деятелей литературы и искусства.

«Вчера ехал Рюрик Ивнев. Из Тифлиса в Москву.

— В Москве лучше. <...>

Другой поэт. Из Москвы в Тифлис.

— В Тифлисе лучше. <...>

Беллетрист Пильняк. В Ростов, с мучным поездом, в женской кофточке.

— В Ростове лучше?
— Нет, я отдохнуть!!!»¹²⁸

Как вспоминает Т. Н. Кисельгоф, тогда во Владикавказе шли изумительные концерты, расцвели драма и опера.

* * *

Т. К. Все по Военно-Грузинской дороге ехали через Владикавказ. Поль был, который потом в Театре сатиры, Любченко — баритон, Блохин — скрипач, Башкина — актриса. Этих я помню. Помоему, Рахманинов даже был.

* * *

XI и XII главы (последняя состоит всего из двух слов: «Я голодаю...») показывают нам героя, доведенного до крайности — оборванного, голодного, раздавленного. В действительности жизнь Булгаковых складывалась хоть и трудно, но не настолько. У них были кое-какие вещи, но «золотой запас» Татьяны Николаевны подходил к концу. Намерение эмигрировать сформировалось у Булгакова уже вполне определенно. Это явствует из его писем 1921 года, и из «Записок на манжетах», и из воспоминаний Т. Н. Кисельгоф.

* * *

Т. К. Оставаться больше было нельзя. Владикавказ же маленький городишко, там каждый каждого знает. Про Булгакова говорили: «Вон, белый идет!» Я раз около театра стою, денщик наш бывший подходит:

— Здравствуйте, барыня!

— Ты что, с ума сошел? Какая я тебе барыня?

— А кто ж вы теперь будете? Муж-то ваш — доктор?

— Доктор.

— Не помер тогда?

— Жив. Вот в театре для вас выступает. А вы в цирк норовите идти. Не называй меня барыней больше.

— Как же вас называть теперь?

— Татьяна Николаевна.

В общем, если б мы там еще оставались, нас бы уже не было. Ни меня, ни его. Нас бы расстреляли. Там же целое белогвардейское гнездо было: сын генерала Гаврилова, Дмитрий, предлагал в их подполье работать, но я отказалась. Потом хотел завербовать медсестру из детского дома, который в их особняке был, а она его выдала. Тут и начальника милиции арестовали, где я раньше работала. Он тоже контрреволюционером оказался. Ну, и надо было сматываться.

* * *

«Дорогая Надя, сегодня я уезжаю в Тифлис — Батум. Тася пока остается во Владикавказе. Выежаю спешно, пишу коротко. (...)

В случае появления в Москве Таси не откажи в родственном приеме и совете на первое время по устройству ее дел.

Константину привет. В случае отсутствия известий от меня боль-

ше полугода, начиная с момента получения тобой этого письма, брось рукописи в печку... Сколько времени проезжу, не знаю.

Целую тебя, дорогая Надя.
*Михаил*¹²⁹

Татьяна Николаевна отмечает, что спешки никакой не было. Булгаков проявил обычную для него предприимчивость, обзавелся бумажками, что едет по служебным делам (за гардеробом для театра), и спокойно уехал. Действительно, текст письма и дальнейшие события говорят о том, что Булгаков несколько «увлекся ролью», да и вообще, он любил немного порисоваться.

XIII глава «Записок...» называется «Бежать, бежать!». Она интересна тем, что показывает «творческий процесс» героя, пишущего пьесу в семь дней, и его собственную беспощадную оценку этого «произведения». Очень остроумно эта сценка повторяется в «Богеме»: «Мы ее написали в 7¹/₂ дней, потратив, таким образом, на полтора дня больше, чем на сотворение мира. Несмотря на это, она вышла еще хуже, чем мир». У героя был соавтор, называемый в «Записках...» «помощник присяжного поверенного», а в «Богеме» — Гензулаев. Относительно процесса и сроков Татьяна Николаевна ничего сказать не смогла, но рассказала, что какую-то пьесу Булгаков ходил писать к соседям Пейзулаевым. За нее потом хорошо заплатили, однако значительную часть денег пришлось потратить на банкет.

Как вариант XIII главы либо как часть «Записок...» принято рассматривать рассказ Булгакова «Богема». Действительно, герои, фабула и биографическая основа общие, но в то же время есть гораздо более существенные различия. В «Богеме» звучит иная тема, другие мотивы, нет и намек на центральное в XIII главе: «Бежать!». Отличается и стиль, композиционно «Богема» оформлена в самостоятельный рассказ. Произведения разделяет не только значительный временной интервал (два с половиной года), они относятся к разным периодам творческой биографии Булгакова. Если «Записки...» были первым робким шагом в литературе, то «Богема» опубликована зрелым журналистом и писателем, автором «Белой гвардии».

Рассматривая произведения Булгакова как источник биографии и выяснив причины отъезда писателя из Владикавказа, попытаемся понять его намерения. Простое неприятие советской власти несколько не объясняет ни его решений, ни дальнейшего поведения.

* * *

Т. К. В Тифлисе Михаил устроился в гостинице и вызвал меня телеграммой. Я приехала по Военно-Грузинской дороге на попутной машине — было такое специальное место, где людей брали, а в Тифлисе было место, куда приезжали. И вот, Михаил меня встретил. Хорошая такая гостиница¹³⁰, и главное — клопов нету. Он все хотел где-то устроиться, но никак не мог. НЭП был, там все с деньгами, а у нас пусто. Ну никакой возможности не было заработать, хоть ты тресни! Он говорил: «Если устроюсь — останусь. Нет — уеду». Месяц примерно мы там побыли. Он бегал с высунутым языком.

Вещи все продали, цепочку уже съели, и он решил, что поедем в Батум. Продали обручальные кольца и поехали. В Батуме мы сняли комнату где-то в центре, но денег уже почти не было. Он там тоже все пытался что-то написать, что-то куда-то пристроить, но ничего не выходило. Тогда Михаил говорит: «Я поеду за границу. Но ты не беспокойся, где бы я ни был, я тебя выпишу, вызову». Я-то понимала, что это мы уже навсегда расстанемся. Ходили на пристань, в порт он ходил, все искал кого-то, чтоб его в трюме спрятали или еще как, но тоже ничего не получалось, потому что денег не было. А еще он очень боялся, что его выдадут. Очень боялся.

* * *

Да, больше всего Булгаков жаждал литературной деятельности. В его письмах мы читаем:

«Эх, если бы было где печатать!»¹³¹

«...Где же сборник? Где имя? Где утраченные годы?»¹³²

«...Срочно сообщите, есть ли в Москве частные издательства, и их адреса»¹³³.

Печататься было негде, другой работы он не хотел, средств больше не было. Вот таким образом Булгаков шаг за шагом отступал к берегу Черного моря.

«Уеду из Владикавказа весной или летом. Куда? Маловероятно, но возможно, что летом буду проездом в Москве. Стремлюсь далеко».

«Весной я должен ехать или в Москву (может быть, очень скоро), или на Черное море, или еще куда-нибудь».

«На случай, если я уеду далеко надолго, прошу тебя о следующем...»

«Посылаю кой-какие вырезки и программы. Может, пригодятся при заявлении. Если я уеду и не увидимся, — на память обо мне».

«В случае появления в Москве Тази не откажи в родственном приеме и совете на первое время по устройству ее дел. Константину привет. В случае отсутствия известий от меня больше полугода, начиная с момента получения тобой этого письма, брось рукописи в печку... Сколько времени проезжу, не знаю»^{134,135}.

Намерение уехать звучит в КАЖДОМ его письме, это неоднократно повторяется в «Записках на манжетах», об этом он постоянно твердит Татьяне Николаевне. Более того — он уже на батумской пристани. Пусть это звучит парадоксально, но я думаю, что никуда он и не собирался уезжать. Не первый год слежу я за каждым его шагом, много раз проделывал с ним путь к черноморскому побережью, вчитывался в строки его писем и произведений, вслушивался в магнитозаписи рассказов Татьяны Николаевны... Булгаков был энергичен, находчив, предприимчив, расчетлив и осторожен. Россию покидали тысячи человек, и сделать это тогда было не так уж трудно. Не похоже, чтоб он этого хотел.

Думаю, Булгаков действовал как человек, которого непреодолимо тянет к краю обрыва, чтоб заглянуть, чтоб перевернулось что-то внутри, чтоб ощутить и понять что-то новое. Но прыгнуть? Нет.

«Есть же такая сила, что заставляет иногда глянуть вниз с обрыва в горах... Тянет к холодку... к обрыву...» («Белая гвардия») ¹³⁶.

В комментариях к цитируемому письму Булгакова Е. А. Земская указывает на произношение фамилии Лаппа. На таком произношении она настаивала и в разговоре с племянником Татьяны Николаевны В. Л. Юхтом. Думаю, здесь будет уместно разъяснение самой Татьяны Николаевны: «Он говорил ей, что и моя и Сонины фамилия Лаппа, но она ответила, что в их доме всегда говорили Лаппа. Не знаю, кто это „в их доме“. Надя вообще меня никогда по фамилии не называла».

* * *

Т. К. В общем, он говорит: «Нечего тут сидеть, поезжай в Москву». Поделили мы последние деньги, и он посадил меня на пароход в Одессу. Я была уверена, что он уедет, и думала, что это мы уже навсегда прощаемся. В Феодосии пароход стоял три или четыре часа, и я пошла по адресу искать Карумов. Так мне сказали, что они куда-то уехали, куда — неизвестно. В Одессе я никак не могла сесть на поезд в Киев. Недели две на вокзал ходила. Платье там продала. А потом мужчина какой-то просто взял меня за талию и посадил в окно, а вещи все остались, он только ручкой мне помахал. Приехала в Киев к Варваре Михайловне. «Вот, говорю, все вещи у меня украли». Еще в Киеве мои вещи оставались, но, наверное, Верка их турнула. Варвара Михайловна сказала: «Тася, я ничего не знаю». Дала мне одну подушку, «больше ничего дать не могу». И вот, как раз в Москву ехал Николай Гладыревский, он там на медицинском учился, и мы поехали вместе. К дядьке идти мне не хотелось, и Михаил говорил: «Ты к нему не ходи». Николай устроил меня в своем общежитии на Малой Пироговской. Техничка одна мне комнату уступила. И вот я жила там, ходила пешком на Пречистенку, брала вещи, которые мы там оставляли по дороге из Вязьмы, и таскала их на Смоленский рынок. Потом получаю письмо от Михаила. Он спрашивает, как в Москве насчет жизни, чтоб я у Николая Михайловича спросила. А дядька мрачный такой был, говорит: «Пускай лучше там сидит. Сейчас здесь как-то нехорошо». Я ему так и написала. Костю в Москве встретила. Он страшно возмущался: «Как это Михаил тебя отпустил? Поезжай обратно в Батум».

Л. П. Вы говорили, что Николай Михайлович — это Филипп Филиппович из «Собачьего сердца»...

Т. К. Знаете, я как начала читать — сразу догадалась, что это он. Такой же сердитый, напевал всегда что-то, ноздри раздувались, усы такие же пышные были. Вообще, он симпатичный был. (Добавлю, что и жил он там же, где Филипп Филиппович, в Обуховом, ныне Чистом переулке, напротив Пречистенской пожарной части, в большой отдельной квартире бельэтажа, был врачом-гинекологом, имел там свой кабинет, занимался частной практикой и пользовался не меньшей известностью. — Л. П.) Он тогда на Михаила очень обиделся за это. Собака у него была одно время, доберман-пинчер.

Л. П. А как выглядела его квартира?

Т. К. Ну, как в квартируходишь, конечно, передняя, и сразу дверь направо, где комната его брата Михаила Михайловича была. А напротив...

Л. П. Нет, давайте лучше по одной стороне сначала.

Т. К. Дальше столовая была и кабинет Николая Михайловича. И тут прямо еще комнатка была, где вещи лежали. Надя в ней одно время жила. Вот. А по другой стороне — сначала кухня, потом спальня, и последняя смотровая была.

Л. П. Интересно, смотровая как выглядела?

Т. К. Ну, белая такая, кушетка там, кресло специальное, шкафчики, столлик... обычно выглядела. (Если по тексту «Собачьего сердца» составить план квартиры Филиппа Филипповича, то окажется, что расположение столовой, смотровой, кабинета и кухни совпадает, только к смотровой «пристроена» операционная, а перед кабинетом приемная. — Л. П.)

Л. П. А вот Зина в «Собачьем сердце» и кухарка там еще жили...

Т. К. Акушерка была у него, только она не жила там, а приходила. А еще была горничная. Обед готовила, убирала, дверь открывала...

См. схемы 5 и 6.

* * *

Вот так в головокружительной фантастике Булгакова оказываются вполне реальными и время, и место действия, обстановка и герои. Вплоть до собаки. Да не так уж фантастичны и сами события:

«В 1924 г. вышел 2-й сборник со статьей „Омоложение“, почти все журналы стали печатать популярные статьи на эти темы, где рассказывали уже не только об опытах венского профессора Штейнаха, о которых известно было с 1921 г., но и об отечественных, причем автор одной из статей сообщал, что „оперировать стали даже маленькие небогатые города. Метод Штейнаха проверяется, помимо столиц, в Харькове и Твери, в Батуме и Вологде, в Иркутске и Кременчуге, в далеком Ташкенте и в маленькой Вотской области. Даже скромные участковые врачи умножают ее клиническую проверку <...>”». В Москве, кстати сказать, опыты производились и в хирургической клинике проф. Мартынова — там, где работал друг Булгакова Н. Л. Гладыревский, где самому Булгакову позже, летом 1925 г., делали операцию по поводу аппендицита¹³⁷. Туда же ведут следы и ассистента Филиппа Филипповича, доктора Борменталья: по данным 1931 года, ассистентом Мартынова числится Н. Л. Блументаль¹³⁸. К тому же комплексу, что и клиника, относилось общежитие № 3 по Малой Пироговской, 18, где жила в 1921 году Татьяна Николаевна.

Из ее письма от 18 сентября 1921 года в Киев Н. Земской:

«Я все еще живу в общежитии у Коли. Я послала Мише телеграмму, что хочу возвращаться, не знаю, что он ответит. Костя меня все время пилит, чтоб я уезжала»¹³⁹.

Но Булгакова в Батуми уже не было...

10. МОСКВА

На десятый день записей воспоминаний Татьяны Николаевны наступило 15 мая 1981 года — исполнилось 90 лет со дня рождения Михаила Афанасьевича Булгакова. На листочке отрывного календаря у телевизора мужской портрет и две строчки: исполнилось 90 лет со дня рождения какого-то австрийского деятеля рабочего движения. Мы накрыли стол, выпили за то, чтоб в следующих календарях портрет и надпись были иными, поужинали и продолжили работу.

* * *

Покинув Батум, Михаил Афанасьевич провел несколько дней в Киеве у матери и в конце сентября 1921 года приехал в Москву. Вскоре они с женой поселились на Большой Садовой ул., д. 10, кв. 50. Однако прежде, чем рассказать о том, как это произошло, — небольшая справка: по указанному адресу раньше было общежитие Высших женских курсов, где училась сестра Булгакова Надежда. Заведовала общежитием Мария Даниловна Земская, жена профессора Военно-воздушной академии им. Жуковского Бориса Михайловича Земского. За его брата Андрея вышла замуж Н. А. Булгакова. После ликвидации общежития в одной из его комнат оказался прописанным А. М. Земский, и некоторое время они с Надеждой Афанасьевной жили там.

А теперь приведу рассказ находившейся в это время в Киеве Н. А. Земской:

«Приехав в Москву в сентябре 1921 года, без денег, без вещей и без крова, Михаил Афан. одно время жил в Тихомировском студенческом общежитии, куда его на время устроил студент-медик, друг семьи Булгаковых, Николай Леонидович Гладыревский. Но оставаться там долго было нельзя, и Мих. Афан. переселился в комнату к А. М. Земскому (Б. Садовая, 10, кв. 50. — *Л. П.*), где А. М. его прописал. Некоторое время они прожили вместе, затем Анд. Мих. уехал к жене в Киев, оставив комнату за собой. Мих. Аф. вынес много атак и неприятных разговоров с членами правления, пытавшимися выписать А. М. и выселить Мих. Аф. В конце концов „отцепились“. Земских выписали, а Михаил Афанасьевич остался на правах постоянного жильца. С ним жила и была прописана и его жена Татьяна Николаевна»¹⁴⁰.

* * *

Т. К. Хм! Неправильно. Андрей Михайлович не прописывал Михаила, и вместе они не жили. Когда я жила в медицинском общежитии, то встретила в Москве Михаила. Я очень удивилась, потому что думала, мы уже не увидимся. Я была больше чем уверена, что он уедет. Не помню вот точно, где мы встретились... То ли с рынка я пришла, застала его у Гладыревского... то ли у Земских. Но, вот знаете, ничего у меня не было — ни радости никакой, ничего. Все уже как-то... перегорело. Ночь или две мы переночевали в этом общежи-

тии и сразу поселились на Большой Садовой. Надя ему эту комнату уступила. А Андрей перешел жить к брату в «Золотую рыбку», а потом уехал к Наде в Киев. Вместе мы ни одного часа не жили.

Л. П. Что это за «Золотая рыбка»?

Т. К. Это детский сад так назывался. После ликвидации общежития женских курсов Мария Даниловна, жена Бориса Земского, стала заведовать детским садом «Золотая рыбка» в Воротниковском переулке, и квартира у них там была (Воротниковский пер., д.1, кв.2.— *Л. П.*). Они жили с сыном Вовкой и сестрой Катей. Она, между прочим, горбатенькая была. А жилищное товарищество на Большой Садовой в доме 10 хотело Андрея выписать и нас выселить. Им просто денег нужно было, а денег у нас не было. И вот только несколько месяцев прошло, Михаил стал работать в газете, где заведовала Крупская, и она дала Михаилу бумажку, чтоб его прописали. Вот так мы там оказались.

Л. П. А как выглядела квартира, какая была комната, как расположена?

Т. К. Эта квартира не такая, как остальные, была. Это бывшее общежитие, и была коридорная система: комнаты направо и налево. По-моему, комнат семь было и кухня. Ванной, конечно, никакой не было, и черного хода тоже. (Сейчас квартира перепланирована: часть ее с комнатой Булгаковых отошла в соседний подъезд в кв. 41. См. рис. 7— *Л. П.*) Хорошая у нас комната была, светлая, два окна. От входа четвертая, предпоследняя, потому что в первой коммунист один жил, потом милиционер с женой, потом Дуся рядом с нами, у нее одно окно было, а потом уже мы, и после нас еще одна комната была. В основном, в квартире рабочие жили. А на той стороне коридора, напротив, жила такая Горячева Аннушка. У нее был сын, и она все время его била, а он орал. И вообще, там невообразимо что творилось. Купят самогону, напьются, обязательно начинают драться, женщины орут: «Спасите! Помогите!» Булгаков, конечно, выскакивает, бежит вызывать милицию. А милиция приходит — они закрываются на ключ и сидят тихо. Его даже оштрафовать хотели.

Л. П. Так вы говорите, Аннушка ее звали?

Т. К. Да, Горячева Аннушка.

Л. П. А как она выглядела, чем занималась?

Т. К. Ей лет шестьдесят было. Скандальная такая баба. Чем занималась — не знаю. Полы ходила мыть, ее нанимали... вот так, в общем.

* * *

«В 10 часов вечера под светлое воскресенье утих наш проклятый коридор. В блаженной тишине родилась у меня жгучая мысль о том, что исполнилось мое желание и бабка Павловна, торгующая папиросами, умерла. Решил я это потому, что из комнаты Павловны не доносились крики истязаемого ею сына...» (М. Булгаков. «Самогонное озеро») ¹⁴¹.

«На лампочке над столом абажур сделан из газеты, и кошка хо-

дит, а из кухни доносится ругань Аннушки» (М. Булгаков. «Театральный роман») ¹⁴².

«На шестой день пытка стала нестерпимой. Бич дома, Пыляева Аннушка, простоволосая, кричала в пролет удаляющемуся Нилушкину Егору:

— Сволочи! Заксирели за нашими спинами! Только и знают — самогон лакать» (М. Булгаков. «Дом № 13 — Эльпитрабкоммуна») ¹⁴³.

«Это была та самая Аннушка, что в среду разлила, на горе Берлиоза, подсолнечное масло у вертушки. Никто не знал, да, наверное, и никогда не узнает, чем занималась в Москве эта женщина и на какие средства она существовала. <...> Кроме того и более всего было известно, что, где бы ни находилась или ни появлялась она, — тотчас же в этом месте начинался скандал, и кроме того, что она носила прозвище „Чума“» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита») ¹⁴⁴.

«Вслед за вступительной петушиной фанфарой начался непрерывный вопль петуха. Затем завыл мужской голос. Но как! Это был непрерывный басовый вой в до-диезной душевной боли и отчаянии, предсмертный тяжкий вой. Захлопали все двери, загрели шаги. Твена я бросил и кинулся в коридор. В коридоре под лампочкой в тесном кольце изумленных жителей знаменитого коридора стоял неизвестный мне гражданин. Ноги его были растопырены как ножницы, он покачивался и, не закрывая рта, испускал этот самый иступленный вой, испугавший меня. В коридоре я расслышал, что нечленораздельная длинная нота (фермато) сменилась речитативом:

— Так-то,— хрипло давился и завывал неизвестный гражданин, обливаясь крупными слезами,— Христос воскрес!»

«— Сделай что хочешь, но мы должны уехать отсюда.»

«— Что я могу сделать? Пока я не допишу романа, мы не можем ни на что надеяться. Терпи» (М. Булгаков. «Самогонное озеро») ¹⁴⁵.

Таковы впечатления Булгакова от его первого московского жилища.

* * *

Л. П. И как вы устроились в 50-й квартире?

Т. К. Там кое-какая мебель уже была, и посуда какая-то была. У нас ничего не было. Только одна керосинка... нет, и керосинки не было. Ничего не было. А там, значит, диван был, зеркало большое, письменный стол, походная кровать складная, два шкафчика было... один потом Мария Даниловна забрала и походную кровать тоже. Кресло какое-то дырявое было. Потом, как-то я иду по улице, вдруг: «Тасечка! Здравствуйте!» — жена казначея из Саратова. Она уже в Москве жила, и у них наш стол оказался и полное собрание Данилевского. И вот, мы с Михаилом тащили это через всю Москву. Старинный очень стол, еще у моей прабабушки был. Вот он, под телевизором сейчас стоит. Еще, заплатили Михаилу за что-то, он будуарную мебель купил. Она, правда, не подходила к нашей

комнате, потому что у нас высокий потолок был, а мебель такая миниатюрная. Но комнату украшала хорошо.

Л. П. А как вообще было со средствами, с питанием?

Т. К. Продавать было больше нечего. Серебро, цепочку, кольца — все съели. Сначала он куда-то на работу ходил, потом это кончилось. Я хотела устроиться подавальщицей, но меня без профсоюзного билета никуда не брали. Только на стройку можно было. А восстанавливать билет в театральный профсоюз я не пошла. Стыдно было — я была вся оборванная, в буквальном смысле этого слова.

* * *

С 1 октября по 1 декабря М. Булгаков работал секретарем Литературного отдела Наркомпроса.

Из письма к матери в Киев 19 ноября 1921 г.:

«...Идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни. Въехав 1 ¹/₂ месяца тому назад в Москву в чем был, я, как мне кажется, добился максимума того, что можно добиться за такой срок. Место я имею. Правда, это далеко не самое главное. Нужно уметь получать и деньги. И второго я, представьте, добился. <...> ...В этом месяце мы с Таськой уже кой-как едим. Запаслись картошкой, она починила туфли, начинаем покупать дрова и т. п. Работать приходится не просто, а с остервенением. С утра до вечера, и так каждый без перерыва день. Идет полное сворачивание <...> учреждений и сокращение штатов. Мое учреждение тоже попадает под него и, по-видимому, доживает последние дни. <...> Таська ищет места продавщицы, что очень трудно, п. ч. вся Москва еще голая, разутая и торгует эфемерно <...>. Бедной Таське приходится изошряться изо всех сил, чтоб молотить рожь на обухе и готовить из всякой ерунды обеды. Но она молодец! Одним словом, бьемся оба, как рыбы об лед. <...> В Москве есть все: обувь, материи, мясо, икра, консервы, деликатесы — все! Открываются кафе, растут как грибы. И всюду сотни, сотни! Сотни!! Гудит спекулянтская волна. Я мечтаю только об одном: пережить зиму, не сорваться на декабре, который будет, надо полагать, самым трудным месяцем. Таськина помощь для меня не поддается учету: при огромных расстояниях, которые мне приходится ежедневно пробегать (буквально) по Москве, она спасает мне массу энергии и сил, кормя меня и оставляя мне лишь то, что уж сама не может сделать: колку дров по вечерам и таскание картошки по утрам. Оба мы носимся по Москве в своих пальтишках. Я поэтому хожу как-то одним боком вперед (продувает почему-то левую сторону). Мечтаю добыть Татьяне теплую обувь. У нее ни черта нет, кроме туфель. Но авось! Лишь бы комната и здоровье! <...> Не буду писать, п. ч. вы не поверите, насколько мы с Таськой стали хозяйственны. Бережем каждое полено дров. Такова школа жизни. По ночам урывками пишу „Записки земск. вр.“. Может выйти солидная вещь. Обработываю „Индур“. Но времени, времени нет! Вот что больно для меня!»¹⁴⁶

После краха ЛИТО М. Булгаков работает в частной газете «Торгово-промышленный вестник» заведующим хроникой.

Из письма сестре Надежде в Киев 13 января 1922 года:

«...Меня постиг удар, значение которого ты оценишь сразу и о котором я тебе пишу конфиденциально. Редактор сообщил мне, что под тяжестью внешних условий „Вестн.“ горит. Редактор говорит, что шансы еще есть, но я твердо знаю, что он не переживет 7-го №. Финита! <...> Одним словом, раздавлен».

Из дневника М. Булгакова:

25 января 1922 г. «[Я] до сих пор без места. Питаемся [с] женой плохо. От этого и писать [не] хочется. [26] Вошел в бродячий коллектив актеров; буду играть на окраинах. Плата 125 р. за спектакль. Убийственно мало. Конечно, из-за этих спектаклей писать будет некогда. Заколдованный круг».

9 февраля 1922 года. «Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем. <...> Обегал всю Москву — нет места. Валенки рассыпались»¹⁴⁷.

* * *

Т. К. Да, я помню. Но он не выступал в этой бродячей труппе. Мы как раз получили телеграмму о смерти Варвары Михайловны, и он должен был вечером идти. Поехал и вернулся. Что-то там такое не состоялось. Конечно, в Москве было очень плохо. Нужно была страшная, последнее время ни черта не жрали. Бывало, я по три дня ничего не ела. Если удавалось продать что-то из вещей, куплю картошки, хлеба. Поедим.

* * *

«...А вот глаза. Нехорошие. Опять с блеском. Совет: берегитесь этого блеска. Как только появится, сейчас же берите взаймы деньги у буржуа (без отдачи), покупайте провизию и ешьте».

«В понедельник я ел картошку с постным маслом и четверть фунта хлеба. Выпил два стакана чая с сахарином. Во вторник ничего не ел, выпил пять стаканов чая. В среду достал два фунта хлеба взаймы у слесаря. Чай пил, но сахарин кончился» (М. Булгаков. «Записки на манжетах»)¹⁴⁸.

* * *

И в этот период Булгаков пишет «Записки на манжетах», «Записки земского врача», фельетоны «Муза мести», «Евгений Онегин», работает над романом «Недуг» и пьесой о Николае II и Распутине, публикует в «Накануне» «Москва торгует», в «Новой вечерней газете» — «Чашу жизни», в «Рупоре» — «Необыкновенные приключения доктора» и в «Красном журнале для всех» — «Дом № 13 — Эльпитрабкоммуна».

В телевизионном фильме о М. Булгакове (1978 г.) машинистка И. С. Раабен рассказала, как осенью 1921 года пришел к ней на Тверскую улицу очень плохо одетый мужчина и спросил, не сможет ли она напечатать пока без денег, что заплатит он ей пос-

ле публикации. Это был Булгаков. Она согласилась и два года (?!) печатала ему бесплатно. Он говорил ей, что живет по подъездам, а добираясь до Москвы, прошел двести верст пешком по шпалам. Приходил он каждый вечер, и они работали по два-три часа.

* * *

Т. К. Нет, конечно. По вечерам он так часто не отсутствовал. Я была ревнивая. Это они зря ее выпустили. Зачем это — «жил по подъездам», когда у него прекрасная комната была... «Двести верст по шпалам...» Он ей просто мозги запудривал. Он любил прибедняться. Но печатать он ходил, скрывал от меня только. У него вообще баб было до черта.

Л. П. Об этом времени есть воспоминания Миндлина¹⁴⁹. Он пишет, Булгакову поручили руководить вновь созданной редакцией, и он любому приходящему литератору выдавал стакан чая с настоящим сахаром и французскую булку.

Т. К. Да что вы! Такого не было! Да если б в такое время... Ничего этого не было. Или, может быть, я забыла?

* * *

Но наступил перелом.

Из дневника М. Булгакова:

15 февраля 1922 г. «Должность моя в военно-редакционном совете сведется к побе [гушкам, но и то спасибо]».

16 февраля 1922 г. «Вот и не верь приметам! Встретил похороны и... 1) есть ка[кая-то надежда] в газете „Ра[бочий]“»¹⁵⁰.

* * *

Т. К. Потом он все-таки устроился. Борис Земский взял его к себе. Это какое-то учебное заведение было, связано с авиацией (Научно-технический комитет Военно-воздушной академии им. Жуковского.— *Л. П.*). В Петровском парке оно находилось. Я еще помню — несла оттуда судочек с маслом. И еще он стал в газете работать... «Рабочая газета», это где Крупская была. Вот тогда она и дала ему бумажку, чтоб прописали. Хоть какая-то польза от этой газеты была.

Л. П. А вот он сестре Надежде пишет... 18 апреля 1922 года: «Временно конферансье в маленьком театре»¹⁵¹.

Т. К. Нет. Там он не работал.

Л. П. Это не бродячая труппа...

Т. К. Да, я понимаю. Труппа — это когда мы телеграмму получили. А это — конферансье. Но он не выступал. Может, ему предложили, а потом не получилось... Он не был конферансье. Это я хорошо знаю. Потом здесь тоже все закрылось, и он стал работать в «Накануне» и в «Гудке», печатать его начали.

Л. П. Ну, как вы развлекались, я спрашивать не буду, конечно, но, может быть, у вас кто-нибудь бывал, вы у кого-нибудь бывали?

Т. К. Знакомых у него полно было. С кем только он не знакомился! Ходили мы очень часто к Земским в «Золотую рыбку». Но-

вый год у них встречали, 1922-й. Приходим домой — потоп. Оттепель сильная была, и над нами протекла крыша. А у соседки целый пласт штукатурки обвалился. Хорошо, ее не убило. У Бориса Земского друзья были Крешковы и Лямины...

Л. П. Николай Николаевич?

Т. К. Нет, другие Лямины. Они вместе в университете учились и теперь работали в этой академии. Иван Павлович Крешков, Лямин Иван Иванович и Борис Земский. И жили Крешковы и Лямины вместе, в одной квартире, на Малой Бронной, дом 32, квартира 24, на пятом этаже. (Их подъезд расположен как раз напротив скамейки на Патриарших прудах, где «Воланд, Берлиоз и Бездомный вели беседу».— *Л. П.*)

Л. П. Что это были за семьи?

Т. К. Крешковы раньше имели дом во Владикавказе, и Иван Павлович приехал в Москву учиться. Познакомился с Верой Федоровной, она тоже в Москве училась на женских курсах. Ее отец священник из Чернигова. Они поженились. Кстати, у Земских отец тоже был священником в Тифлисе. Вера работала с Марией Земской в «Золотой рыбке», и мы познакомились.

Л. П. А Лямины?

Т. К. Не знаю, ничего не могу сказать. Только вот «Спиритический сеанс» Булгаков написал¹⁵², это у них в квартире было, в 24-й.

Л. П. А чья идея?

Т. К. Мишкина, конечно! «Давай — соберемся, столик покрутим». Там мы с ним были, Крешковы были — Иван Павлович и Вера, может быть, Лямины были. Он их надул, конечно. «Я,— говорит,— буду тебя толкать ногой, а ты делай, как я говорю». Какие-то звуки я там должна была издавать. Но так, все хорошо получилось, весело было. Я почему-то раньше пришла, а потом Михаил приходит. А домработница Крешковых говорит Вере: «Иди, там к тебе мужик пришел». А Иван Павлович услышал, говорит: «Что это такое?» Вообще, он ревновал Верку к Булгакову, потому что Михаил немного за ней ухаживал. «Давай возьмем бутылку вина, купим пирожных, позови Веру, посидим, потом я ее провожу».— «Хорошо»,— говорю. И когда Михаил напечатал «Спиритический сеанс», все это описал там, так Иван Павлович чуть не избил его. Его удержали, сказали: «Ты что, не понимаешь, это же шутка!» Вообще, Булгакова многие не любили.

Л. П. Еще знакомые у вас были?

Т. К. Моисеенко мы там встретили, с которыми во Владикавказе познакомились. Они к нам приходили, и мы у них были.

Л. П. Это в Большом Гнездниковском переулке? Где Булгаков с Еленой Сергеевной познакомился?

Т. К. Нет, у них небольшая чудесная квартирка была, но не в Гнездниковском. Они еще затеяли вместе с Булгаковым какую-то спекуляцию: пудру покупали, потом продавали, но что-то у них не вышло. Прогорели, в общем. Они очень любили Булгакова. Это вот, когда время такое трудное было. А в 1923 году мы уже с ни-

ми не встречались. То ли они уехали, то ли их арестовали, только исчезли как-то. Потом с Кисельгофом Михаил познакомился...

Л. П. С каким Кисельгофом?

Т. К. С Давидом Александровичем, моим последним мужем.

Л. П. Как? Еще тогда?

Т. К. Да. Он работал юристом, но очень любил литературу, интересовался, писателей разных к себе приглашал... У него квартира была в Скатертном переулке. И Булгакова пригласил. У него Михаил с Коморским познакомился...

Л. П. Владимиром Евгеньевичем?

Т. К. Да. Он адвокат был. Тоже хорошо знал литературу. За его женой, Зиной, Булгаков тоже ухаживал. Как-то он позвонил Зине, назначил ей свидание на Патриаршем, потом приходят вместе, он говорит: «Вот, шел, случайно Зину встретил...» Это мне Коморский рассказал. Они жили в Малом Козихинском переулке, дом 12, квартира 12. Это около Патриаршего пруда. Квартира у них прекрасная была. Три комнаты.

* * *

«Не угодно ли, например. Ведь Зина чудно устроилась. Каким-то образом в гуще Москвы не квартирка, а бонбоньерка в три комнаты. Ванна, телефончик, муж. Манюшка готовит котлеты на газовой плите, а у Манюшки еще отдельная комнатка. <...> Ах, Зина, Зина! Не будь ты уже замужем, я бы женился на тебе. Женился бы, как Бог свят, и женился бы за телефончик и за винты газовой плиты, и никакими силами меня не выдрали бы из квартиры. Зина, ты орел, а не женщина!» (М. Булгаков. «Москва 20-х годов») ¹⁵³.

* * *

Т. К. Михаил, между прочим, таскал книги. У Коморского спер несколько. Я говорю: — Зачем зажалил?

— Я договорился.

— Я спрошу.

— Только попробуй!

И в букинистических покупал ходил. С Коморским мы часто встречались, дружили. Они к нам (к Т. Н. и Д. А. Кисельгофу. — *Л. П.*) в Туапсе много лет ездили. Потом Зина заболела раком, за ней ухаживала ее сестра Шура. Когда Зина умерла, Володя Коморский женился на этой Шуре, и они продолжали к нам ездить. В 1979 году и Шура умерла, а с Коморским мы и сейчас переписываемся ¹⁵⁴. Когда из-за границы Алексей Толстой вернулся, то Булгаков с ним познакомился и устроил ужин. У нас было мало места, и Михаил договорился с Коморским, чтоб в их квартире это устроить. Женщин не приглашали. Ни к Кисельгофу, ни теперь. Но Зина заболела и лежала в постели, и они решили меня позвать, потому что нужна была какая-то хозяйка, угощать этих писателей. Народу пришло много, но я не помню кто. Катаев, кажется, был. Слезкин... он, между прочим, напротив Коморского жил, в Козихинском. Может быть, еще

Пильняк был, Зозуля... Не помню. Алексею Толстому все прямо в рот смотрели...

Л. П. А что он рассказывал?

Т. К. Это я не помню. Мне надо было гостей угощать. С каждым надо выпить, и я так наклюкалась, что не могла по лестнице подняться. Михаил меня взвалил на плечи и отнес на пятый этаж, домой.

* * *

В «Театральном романе» этот вечер описан. Я зачитал этот отрывок Татьяне Николаевне, и она отметила, что очень похоже, только масштабы на самом деле были меньше. По списку прототипов «Театрального романа»¹⁵⁵ там были Алексей Толстой, Пильняк, Слезкин, Лежнев, Булгаков и др.

* * *

Л. П. Это в каком году было?

Т. К. Это, по-моему, в 1923-м. Да, потому что мы 1923-й год у Коморских встречали. Михаил, правда, хотел без меня туда пойти, а Зина ему говорит: «У тебя жена есть?» Он говорит: «И даже очень есть», так он сказал, ха-ха-ха! «Вот и приходи с женой, а один больше не приходи». Вот там я с Кисельгофом и познакомилась, с Давидом Александровичем. Чаще всего у нас бывал Катаев, Олеша, Стонов. Со Слезкиным Михаил потом поссорился. Он его в глаза хвалил, а за спиной черт-те-что рассказывал.

Л. П. У меня с собой книга Катаева «Алмазный мой венец»¹⁵⁶. Там и про вас; и про Булгакова... Почитаем?

Т. К. Да, я знаю. Давайте.

* * *

Эту книгу и ее автора принято ругать. Сейчас это признак хорошего тона. Не знаю, всю не читал. У меня было время только на синеглазого-Булгакова. На 64—65 страницах дана его характеристика:

«... У него действительно, если мне не изменяет память, были синие глаза на худощавом, хорошо вылепленном, но не всегда хорошо выбритом лице уже не слишком молодого блондина с независимо-ироническим, а временами даже и надменным выражением, в котором тем не менее присутствовало нечто актерское, а временами даже и лисье. Он был несколько старше всех нас, персонажей этого моего сочинения, тогдашних гудковцев, и выгодно отличался от нас тем, что был человеком положительным, семейным, с принципами... <...> В нем было что-то неуловимо провинциальное. Мы бы, например, не удивились, если бы однажды увидели его в цветном жилете и в ботинках на пуговицах, с прюнелевым верхом. Он любил поучать — в нем было заложено нечто менторское. Создавалось такое впечатление, что лишь одному ему открыты высшие истины не только искусства, но и вообще человеческой жизни. Он принадлежал к тому довольно распространенному типу людей, никогда и ни в чем не сомневающихся, которые живут по незыблемым, раз навсегда

установленным правилам. Его моральный кодекс как бы безоговорочно включал в себя все заповеди Ветхого и Нового заветов. Впоследствии оказалось, что все это было лишь защитной маской втайне очень честолюбивого, влюбчивого и легкоранимого художника, в душе которого бушевали незримые страсти. Несмотря на всю свою интеллигентность и громадный талант (на 63-й странице Катаев оценивает Булгакова как общепризнанного гения.— *Л. П.*), который мы угадывали в нем, он был, как я уже говорил, в чем-то немного провинциален. Может быть, и Чехов, приехавший в Москву из Таганрога, мог показаться провинциалом. Впоследствии, когда синеглазый прославился и на некоторое время разбогател, наши предположения насчет его провинциализма подтвердились: он надел галстук бабочкой, цветной жилет, ботинки на пуговицах, с прюнелевым верхом, и даже, что показалось совершенно невероятным, в один прекрасный день вставил в глаз монокль, развелся со старой женой, изменил круг знакомых и женился на некоей Белосельской-Белозерской, прозванной ядовитыми авторами „Двенадцати стульев“ „княгиней Белорусско-Балтийской“».

Прошу прощения за длинную цитату, но более острой, глубокой, правдивой и талантливой характеристики Булгакова я не встречал. Приходится сожалеть лишь о ее неполноте.

* * *

Л. П. А как Булгаков относился к славе? Рвался к ней или просто писал себе и писал...

Т. К. Очень даже рвался.

Л. П. Очень рвался?

Т. К. Очень рвался, очень рвался. Он все рассчитывал, и со мной из-за этого разошелся. У меня же ничего не было больше. Я была пуста совершенно. А Белозерская приехала из-за границы, хорошо была одета, и вообще у нее что-то было, и знакомства его интересовали, и ее рассказы о Париже... Толстой так похлопывал его по плечу и говорил: «Жен менять надо, батенька. Жен менять надо». Чтобы быть писателем, надо три раза жениться, говорил.

Л. П. А вот Катаев про вас пишет, Татьяна Николаевна... «Жена синеглазого Татьяна Николаевна была добрая женщина и нами воспринималась если не как мама, то, во всяком случае, как тетя. Она деликатно и незаметно подкармливала в трудные минуты нас, друзей ее мужа, безалаберных холостяков. <...> Не могу не вспомнить с благодарностью и нежностью милую Татьяну Николаевну, ее наваристый борщ, крепкий чай внакладку из семейного самовара, который...»¹⁵⁷

Т. К. Не было у нас самовара. Тут неверно.

Л. П. М-гм. «...В отличие от нас чай подавался синеглазому как главе семьи и крупному писателю в мельхиоровом подстаканнике, а всем прочим просто так, в стаканах»¹⁵⁸.

Т. К. Да, у меня и был-то один всего подстаканник.

Л. П. А вот, Катаев описывает, как они с Булгаковым в рулетку ходили играть, пойдут, выиграют и продукты приносят...

Т. К. Нет, такого не было. Однажды, правда... Около нашего дома казино было с рулеткой. И вот, я уже легла спать, около часу Михаил приходит: «У тебя деньги есть?» Я говорю: «Вот, пять рублей осталось...» — «Пойдем, — говорит, — у меня предчувствие, мы сейчас кучу денег выиграем. Вставай!» Ну, я пошла с ним. Он, конечно, все проиграл, а мне на следующий день ломать голову — на что хлеб купить.

Л. П. А насчет монокля?

Т. К. Да, мы уже тогда разошлись, вдруг однажды мне говорят: «Хэ! Видели Булгакова с моноклем».

Л. П. Смотрите-ка, Воланд! «Мастер и Маргарита». Это про трамвай. «Тогда еще там проходила трамвайная линия, и вагон, ведомый комсомолкой в красном платке на голове — вагоновожатой, отрезал голову атеисту Берлиозу...»¹⁵⁹

Т. К. Вы знаете, трамвай там не ходил. По Садовой ходил, а у Патриаршего нет. Мы там несколько лет жили. К Крешковым ходили, у них дверь прямо на пруд выходила, к Коморским, тоже мимо Патриаршего. Трамвая там не было. Это я вам ей-богу говорю, что трамвая не было.

Л. П. Одни говорят, был, другие — не было. Я запросил Транспортное управление...

Т. К. И что они ответили?

Л. П. Еще не ответили пока. Приеду, узнаю¹⁶⁰.

Т. К. Он еще тогда все время Мефистофеля рисовал. Так, на бумажке какой-нибудь, на листочках... Лицо одно. Борода такая. Цветными карандашами раскрашивал. Вот письменный стол, и обязательно рожица Мефистофеля висит.

Л. П. Это только в Москве началось? Раньше вы не замечали?

Т. К. Нет, раньше не было. И письменного стола раньше, на Кавказе, не было. Только в Москве, на Большой Садовой. Огромный домина был. Посередине — студии художников: Кончаловского, Якулова, и еще старик какой-то был.

Л. П. Вы были с ними знакомы?

Т. К. Только с Якуловым, и то случайно. Я была у Коморского, пришел его приятель, адвокат, приглашать к себе на дачу, и меня тоже пригласил. А Володька говорит: «Смотри, водку не пей. Он тургеневских женщин любит». — «Нет, — говорю, — для этого я не подхожу». Едем в электричке — лицо знакомое. А это был Якулов, тоже к нему на дачу ехал. Там нас и познакомили. А потом едем обратно — «А! Так вы там же живете!». Вот с его жены (Наталья Юльевна Шифф. — *Л. П.*) Пельц в «Зойкиной квартире» написана.

Л. П. Как она выглядела?

Т. К. Она некрасивая была, но сложена великолепно. Рыжая и вся в веснушках. Когда она шла или там на машине подъезжала, за ней всегда толпа мужчин. Она ходила голая... одевала платье прямо на голое тело или пальто, и шляпа громадная. И всегда от нее струя очень хороших духов. Просыпается: «Жорж, идите за водкой!» Выпивала стакан, и начинался день. Ну, у них всегда какие-то оргии, люди подозрительные, и вот, за ними наблюдали. На другой стороне

улицы поставили это... увеличительное... аппарат и смотрели. А потом она куда-то пропала, а Якулова арестовали.

Л. П. А что Булгаков писал тогда?

Т. К. Вот, он «Белую гвардию» написал, «Дьяволиаду» — этот сборник он еще Коморским подарил. Потом «Роковые яйца». Это сначала называлось «Яйца профессора Персикова», а потом переделали. Ну, вот в «Гудке» он еще работал. На первое чтение «Белой гвардии» мы ездили вместе. Куда-то далеко ехали, на извозчике. Там писатели собирались, но я знала только Слезкина. И даже у кого мы были, не знаю. А на втором чтении я уже не была, мы уже разошлись, и он поехал с Белозерской. Ну, а пока он писал, я тоже пробовала как-то заработать денег. Шляпки училась шить. Зина меня уговорила к армянке одной ходить учиться. Но это пришлось бросить: одна же комната. Он то лежит, то пишет. Никто не может прийти.

Л. П. Татьяна Николаевна, у меня тут есть одна занятная штучка... Это издано в Соединенных Штатах Америки, называется «Неизданный Булгаков»¹⁶¹...

Т. К. А-а! Интервью. Меня уже замучили. Все пишут: «Ваше интервью... ваше интервью...» Это все сделал Рудницкий *, и я знаю, кто ему это наговорил. Ему все рассказала К., потому что там в конце этого интервью есть то, что я только ей рассказала, и это как раз попало туда.

Л. П. Так это не с вами интервью было?

Т. К. Не-е-ет! Там такое понаписано!

Л. П. «Записано со слов Татьяны Николаевны Лаппа, ныне Татьяны Николаевны Кисельгоф, в Туапсе летом 1974 года женщиной, давно знакомой с ней и просившей свое имя не называть».

Т. К. Я никаких интервью никому не давала. Эта К. была в Переделкино у своего приятеля Г., и он свел ее с Рудницким, и ему К. все вылила. Там сплошная брехня.

Л. П. А давайте, я вам все прочту.

Т. К. Ладно. Давайте.

Л. П. Так. «Беседа с Татьяной Николаевной Лаппа». (Привожу лишь фрагменты, вызывавшие замечания Т. Кисельгоф.— *Л. П.*) «Татьяна Николаевна — дочь тайного советника из Саратова...»

Т. К. Не тайного, статского.

Л. П. «...Девочка Тася в 1909 году 14 лет приехала на лето в Киев к тете и подружилась с Мишей Булгаковым, которому тогда было 18. Между юношей и девушкой завязалась переписка. Он приезжал в Саратов, а она каждое лето ездила в Киев...»

Т. К. Неправильно. Я только один раз приехала в 1908 году, мне тогда 15 лет было, а ему 17. Потом я уже в 1911 году приехала, когда гимназию кончила. И он в Саратов не ездил. Только в 1912 году на Рождество приехал.

Л. П. Это наступал 1912-й или...

* Рудницкий Константин Лазаревич. Скончался 24 сентября 1988 г.

Т. К. Наступал. А летом 1912-го мы уже в Киев уехали, он за мной приезжал.

Л. П. «Когда Булгаков стал врачом и поехал в Сычевку, Тася, естественно, поехала за ним...»

Т. К. Не в Сычевку, а в Никольское, и не сразу, а еще в Каменец-Подольске и в Черновицах он служил, и не за ним, а вместе мы поехали. Все наврано.

Л. П. «...Отец Таси после октября оказался в Петрограде. Работал в органах Наркомфина».

Т. К. Да что вы! В Петрограде он никогда не был. В Москву его перевели в 1918 году.

Л. П. «...Из Владикавказа он поехал в Батум, намереваясь затем направиться за границу. Два его брата были уже в эмиграции. Поехал в Батум, вызвал туда Тасю...»

Т. К. Во-первых, в Батум мы приехали вместе, во-вторых, не из Владикавказа, а из Тифлиса.

Л. П. «...Но там он заболел сыпным тифом. Болел долго и тяжело, и из-за болезни идея эмиграции сорвалась...»

Т. К. Где?

Л. П. В Батуме.

Т. К. Ничего подобного. Во Владикавказе он заболел еще при белых. И как это только они...

Л. П. Ничего, разберемся.

Т. К. Да, разберитесь. Со мной вы можете все выяснить.

Л. П. «...Среди его друзей был адвокат Коморский Владимир Евгеньевич, который жил неподалеку в Малом Козихинском переулке. Он и сейчас там живет. Его жена, бойкая и ловкая, по мнению Таси, в какой-то мере послужила прообразом Зои Пельц...»

Т. К. Что? Где? Это «Зойкина квартира»?

Л. П. Да.

Т. К. Не-ет! Это тоже брехня. Булгаков с жены Якулова писал. Мы жили в одном доме, и она каждый день мимо нас ходила. Я никак не могла это про жену Коморского сказать.

Л. П. «...У Коморских часто бывали вечеринки, гулянки...»

Т. К. Ничего подобного. Это у Якулова... Вы знаете, они перепутали Коморских и Якуловых. У Коморского только один раз, когда Толстого... и все.

Л. П. Тут и про Толстого: «...В этот вечер Тася была в основном на кухне, помогала хозяйке, пролила соус, испортила свое платье и к гостям почти не выходила, а царицей бала оказалась веселая, яркая Любовь Евгеньевна Белозерская...»

Т. К. Белозерской там вообще не было. Опять все наврано. (В разговоре со мной Л. Е. Белозерская подтвердила, что на этом вечере ее не было. Имеется магнитопись. — *Л. П.*) И Зина в постели лежала больная. Правда, платье я испортила, только не соусом, а я села на помидоры.

Л. П. «...Дружил с Юрием Олешей, которого Тася недолюбливала. Однажды Олеша пришел и съел сразу все пельмени, которые Тася заготовила на два дня...» Сознавайтесь!

Т. К. Нет. Этого не было. Конечно, бывало, что... вот, помните, я рассказывала, как судок с маслом из академии несла? Вот, я тогда пирожков напекла, а пришел Олеша с Катаевым — все полопали. Я ж не буду прятать. А Олешу я не любила, потому что однажды он неплохо говорил о ком-то, цинично очень.

Л. П. Вот, что любил в рулетку играть...

Т. К. Нет. Раз или два, может быть.

Л. П. «...Расстались в 1925 году...»

Т. К. В 1924-м.

Л. П. «...За три дня до смерти Булгаков говорил своей сестре Надежде Афанасьевне...»

Т. К. Не Надежде, а Леле. С Надеей он в ссоре был, даже не разговаривал, а около него Леля была.

Л. П. С чего это?

Т. К. Не знаю. Мне это Чудакова говорила, что он ее видеть не мог.

Л. П. Да, так говорил: «что хотел завещать Тасе гонорар за свои произведения, написанные при ней до 25-го года...»

Т. К. Ничего подобного. Леля мне этого не говорила. Это предположение К.

Л. П. Тут есть еще беседа с Коморским. Коротенькая. Прочитать?

Т. К. Пожалуйста.

Л. П. «Беседа с Коморским, записана в августе 1974 года». «...Была у них прислуга Манюшка, но только эта Манюшка с китайцами не водила знакомств...» А при чем тут китайцы?

Т. К. В «Зойкиной квартире», там тоже есть Манюшка...

Л. П. А-а! Теперь понятно, почему они стали путать Якулова и Коморского.

* * *

Беседа с Коморским информации почти не содержит. Писателей, якобы бывавших у Коморского, Татьяна Николаевна там никогда не видела, за исключением Катаева (один раз, и то под вопросом) и Слезкина. Установить авторство обоих «интервью» несложно:

1. Они опубликованы в одно время и одном месте.

2. Сходны по объему и стилю.

3. Записаны в одно время — летом 1974 года.

4. Оба материала без подписи.

5. Оба содержат одну и ту же ошибку: Якуловы перепутаны с Коморскими.

6. Незадолго до смерти Коморского я разговаривал с ним. Он, как и Кисельгоф, утверждает, что никаких интервью никому не давал и об этой публикации впервые слышит.

7. Кисельгоф утверждает, что публикация интервью — дело рук Рудницкого. Коморский сказал, что в тот год его спрашивал о Булгакове человек по фамилии Рудницкий. (Имеется магнитозапись. — *Л. П.*)

8. Известно о контактах Рудницкого с западными специалистами. (Ничего плохого в этом не вижу, сам с ними контактирую, но

нельзя же пользоваться свободой печати так недобросовестно.— Л. П.)

* * *

Л. П. Когда умерла Варвара Михайловна, вы ездили на похороны?

Т. К. Нет, мы не ездили, и он не ездил.

Л. П. Почему?

Т. К. У нас ни копейки не было.

Л. П. Разве это достаточно серьезная причина? Можно было занять...

Т. К. Я не знаю, но мы не поехали. Он даже и... Понимаете, даже разговора не было об этом.

Л. П. М-гм... А ведь странно, правда?

Т. К. Я немножко как-то удивилась, но он как раз в этот день должен был идти куда-то играть. Он устроился... какая-то бродячая труппа была, и мы получили телеграмму. Как раз это вечером было. Ну, как вы думаете, откуда мы могли взять деньги? Пойти к дяде Коле просить?

Л. П. Не так уж много надо было, наверно, на поездку?

Т. К. Очень трудно было доставать билеты. Это ж 22-й год был. Он нигде не работал, я нигде не работала, одними вещами жили, и те уж на исходе были. Бывало так, что у нас ничего не было — ни картошки, ни хлеба, ничего. Михаил бегал голодный. На следующий год он в Киев поехал, Варя вернула ему браслетку и отчитала, а он потом написал «Белую гвардию» и Карума там как следует... Это уже 1924-й год был.

Л. П. А где вы этот Новый год встречали?

Т. К. К нам в 23-м году часто ходили Саянские. И 1924 год мы у них встречали. У них большая семья была, Поповы. А Саянский — их сын был.

Л. П. Павел Сергеевич Попов?

Т. К. Нет, другие. С Павлом Сергеевичем я была незнакома. Леля мне говорила, что он хочет со мной познакомиться, — это уже после смерти Михаила, — но я не стала, сказала, что мне это тяжело будет. А Саянский прекрасно карикатуры рисовал. У меня был его рисунок — мы с Булгаковым и Саянский с женой. Замечательно было сделано! Михаил в пижаме, как он всегда дома... неаккуратный такой, брюки приспущены, клок волос висит... И вот мы на Новый год гадали, воск топили и в мисочку такую выливали. Мне ничего не вышло — пустышка, а ему все кольца выходили. Я даже расстроилась, пришла домой, плакала, говорю: «Вот увидишь, мы разойдемся». А он: «Ну что ты в эту ерунду веришь!» А он тогда уже за этой Белозерской бегал. Она была замужем за Василевским и разошлась. И вот Михаил: «У нас большая комната, нельзя ли ей у нас переночевать?» — «Нет, — говорю, — нельзя». Он все жалел ее: «У нее сейчас такое положение, хоть травись». Вот и пожалел. В апреле, в 24-м году, говорит: «Давай разведемся, мне так удобнее будет, потому что по делам приходится с женщинами встречаться...» И всегда он это скрывал. Я ему раз высказала. Он говорит: «Чтобы ты не ревновала».

Я не отрицаю — я ревнивая, но на это есть основания. Он говорит, что он писатель и ему нужно вдохновение, а я должна на все смотреть сквозь пальцы. Так что и скандалы получались, и по физиономии я ему раз свистнула. И мы развелись. А летом приходит Манасевич, они в этом же доме в 34-й квартире жили.

Л. П. А что это за семья?

Т. К. Они богатые были, приехали из Берлина или еще откуда-то. Артур Борисович Манасевич с женой и сыном Володькой. И брат Артура — он банкиром был, старый уже. Их окна на наши выходили, во двор, только напротив. Тоже на пятом этаже. И вот, этот банкир все в бинокль смотрел... У меня большое зеркало у окна стояло, и я обычно стою, спокойно переодеваюсь, а он рассматривал в бинокль, мне потом кто-то сказал, и я стала задерживать занавеску. А потом банкир этот умер, а Володька женился и ушел из дома, поэтому у Манасевичей две комнаты освободились. А в это время проводилось уплотнение, и Манасевич страшно боялся, что к нему рабочих подселят. Ужасно боялся рабочих. Стал жильцов подыскивать. В этом доме был такой управляющий-армянин... забыла его фамилию (К. Сакизчи. — *Л. П.*). Так он всех жильцов знал, в каждой комнате. У него с Манасевичем Артуром дела какие-то были. Как не хватало денег на отопление, так он занимал у Манасевича, у которого много денег было. Но это я точно не знаю, так говорили.

* * *

«Но было чудо: Эльпитрабкоммуну топили. Дело в том, что в полуподвальной квартире, в двух комнатах остался... Христи. Те три человека, которым досталась львиная доля эльпитовских ковров и которые вывесили на двери де Баррейна в бельэтаже лоскуток: „Правление“, поняли, что без Христи дом Рабкоммуна не простоит и месяца. Рассыплется. И матово-черного дельца в фуражке с лакированным козырьком оставили за зелеными занавесками в полуподвале» (М. Булгаков. «Дом № 13 — Эльпитрабкоммуна») ¹⁶².

«Дело в том, что в жилтовариществе был, увы, преизрядный дефицит. К осени надо было закупать нефть для парового отопления, а на какие шиши — неизвестно. А с интуристовыми деньгами, пожалуй, можно было и вывернуться. Но деловой и осторожный Никанор Иванович заявил, что ему прежде всего придется увязать этот вопрос с интуристским бюро» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита») ¹⁶³.

Т. К. И вот этот управляющий всегда шел Манасевичу навстречу. Он, вероятно, посоветовал Манасевичу подселить Булгакова, наверное, сказал, что вот, в 50-й квартире живут интеллигентные люди и т. п. Приходит Артур Борисович к нам и говорит, что в его квартире есть комната хорошая, что у них тихо-спокойно, телефон есть... В общем, стал уговаривать. Ну, конечно, в 50-й квартире невозможно было жить, ему же писать надо, и мы согласились переехать в 34-ю. У них там пять комнат было. В столовой Артур Борисович жил; в гостиной — его жена; еще в одной комнате женщина одна жила с сыном Вовкой, Кибель Александра Николаевна; прислуга жила при

кухне, вместо ванны ей кровать поставили. А мы стали жить в последней комнате налево. (См. схему 8.— Л. П.)

Окно прямо в стенку выходило, никогда солнца не было. Я Артуру говорила, а он: «А зачем тебе солнце?» В комнате три двери было: одна в коридор, одна в кухню, и еще одна в столовую — я ее столом загораживала (мебель мы всю из 50-й квартиры сюда перевезли). Письменный стол у окна стоял. А Володька Манасевич в журнале «Театр» потом сочинил, будто вместе с Булгаковым жил. Владимир Левшин — это он ¹⁶⁴.

Л. П. Я знаю. Я разыскивал Владимира Манасевича, но не знал, что это Левшин. Позвонил ему, а он говорит: «Не знаю, где Манасевич, и вообще, Манасевич ничего о Булгакове не знает». Не сознался. А на следующий день его жена стала мне объяснять, что он не сознался, потому что ему смешно стало (имеется магнитозапись.— Л. П.). А он со мной довольно раздраженно разговаривал.

Т. К. Конечно! Он же там все наврал. Они с Булгаковым даже знакомы не были, потому что мы въехали в их квартиру из-за того, что он выехал и комната освободилась. И не зимой 1922 года, как он пишет, а летом 1924-го, уже после того, как мы развелись. А через три месяца Булгаков вообще уехал из этого дома, а Левшин только года через полтора вернулся в эту квартиру.

Л. П. «У нас Булгаков акклиматизировался быстро, и очень скоро комнаты наши становятся как бы общими...» ¹⁶⁵

Т. К. Тьфу ты, черт возьми! Ничего подобного!

Л. П. «Свежевымытый, подтянутый, никогда не вижу его ни в халате, ни в пижаме, он нередкое завтракает с нами...» ¹⁶⁶

Т. К. Он завтракает?! Боже мой!!! Ха-ха-ха! «Подтянутый...» Да он дома... я вам рассказывала.

Л. П. «Случается ему засиживаться в нашей столовой и вечерами, прихлебывая чай, который подает домработница Аннушка...» ¹⁶⁷

Т. К. О, Боже мой! Домработница у них была, но звали ее не Аннушка... не помню имя.

Л. П. Он пишет, у нее один глаз был с бельмом, как у Азazelо ¹⁶⁸.

Т. К. Врет все. Ничего подобного.

Л. П. «Булгаков живет у нас уже больше года. Я очень привязался к нему, околачиваюсь у него всякую свободную минуту <...>. Иногда, ближе к вечеру, он зовет меня прогуляться, чаще всего на Патриаршие пруды...» ¹⁶⁹

Т. К. Ой, Боже мой! Ну до чего брехун! Он тогда там не жил. Я его по телевизору видела. До чего же он на своего дядьку похож, банкира!

Л. П. «...Пишущим его никогда не застаю. У него и письменного стола-то нет...»

Т. К. Фу ты, черт возьми! Как войдешь, сразу стоит письменный стол. Мы уже вдвоем всю мебель перетаскивали в 34-ю квартиру. Все, что он пишет относительно Булгакова, — это сплошная брехня. Сплошная. Я даже не знаю, как выразиться.

* * *

В. Катаев: «У синеглазого был настоящий большой письменный стол, как полагается у всякого порядочного русского писателя, заваленный рукописями, газетами, газетными вырезками и книгами, из которых торчали бумажные закладки»¹⁷⁰.

«Если поверить Левшину, то у бедного писателя Булгакова и письменного стола не было. Был!» — пишет Л. Белозерская в редакцию журнала «Театр», протестуя против левшинской липы. Однако для этого письма в «Театре» не находится места, и оно опубликовано в США¹⁷¹. (Л. Белозерская любезно познакомила меня с текстом письма и разрешила его использование. Имеется магнитозапись. — Л. П.)

Дальнейшее рассмотрение очерка В. Левшина «Садовая, 302-бис», думаю, нецелесообразно.

* * *

Т. К. После развода и переезда Михаил стал подыскивать где-нибудь помещение для жилья, потому что часто приходила Белозерская, ей даже пытались звонить по нашему телефону, и я запротестовала. Какое-то время он жил с ней у Нади на Большой Никитской (ул. Герцена, 46. — Л. П.). Она там по объявлению взяла заведывание школой, и там они с месяц жили. Потом там, наверно, нельзя было уже (кончились летние каникулы. — Л. П.), и он вернулся в квартиру 34. А в ноябре уже совсем уехал. Приехал на подводе, взял только книги и теткинны то же... ну, какие-то там мелочи еще. Я ему помогала все уложить, вниз отнести, а потом он попросил у меня золотую браслетку. Но я не дала ему. Жена Артура Манасевича все удивлялась, что я ему помогаю и никакого скандала нет. Вот так мы и разъехались. Куда он поехал, где жил — ни звука мне не сказал, и я у него не спрашивала.

11. «ВОТ И ВСЕ»

В ноябре 1924 года М. А. Булгаков с Л. Е. Белозерской переехали в Чистый переулок, д. 9, строение 2. Строение — ветхое двухэтажное деревянное сооружение, расположенное в глухом дворике арбатских переулков, ближе к Пречистенке, теперешней Кропоткинской улице. Уже опубликованы «Записки на манжетах», десятки рассказов, очерков и фельетонов, «Дьяволиада», окончены «Белая гвардия», «Роковые яйца», готовится сборник «Дьяволиада». В ближайшие месяцы и это будет опубликовано. Булгаков войдет в советскую литературу. Изменился круг его знакомых. Он все реже бывает у Коморских, Крешковых, Земских, реже встречается с сестрами. В районе Пречистенки издавна селились представители русской интеллигенции, хранители лучших культурных традиций. Не надо делать натяжку и говорить, что Булгаков стремился или вошел в этот круг. К 1925 году Пречистенка в этом

смысле являла собой пепелище. Одни из пречистенцев эмигрировали, другие были выброшены на берег социальным штормом, часть еще держалась на поверхности в небольшой шлюпке — Государственной академии художественных наук, — но и та вскоре была потоплена.

В кругу новых знакомых Булгаков читает свои произведения, знакомится с Заяицким, Долгоруким, Ляминам, Ушаковой, Венкстерн, Топленниковым, Шервинским, Шапошниковым, Дмитриевым, Вильямсом, Петровским. Николай Николаевич Лямин стал наиболее близким другом Булгакова. Филолог, окончивший Московский университет, он прекрасно знал историю, философию, литературу и искусство, свободно владел несколькими языками, имел замечательную библиотеку. Он во многом восполнял гуманитарные пробелы в образовании Булгакова. Много времени проводили они в беседах, за шахматной доской, в прогулках на лыжах. Очень тепло относился Булгаков и к его жене Наталии Абрамовне Ушаковой, которая до сих пор обладает общительным, веселым характером и доброжелательностью *. В годы репрессий Николай Николаевич, как и многие другие представители мыслящей интеллигенции, был арестован в первый раз, с началом войны — второй и погиб в заключении. Сейчас он посмертно реабилитирован. Как заметила Н. А. Ушакова, в комментариях к ранней редакции романа «Мастер и Маргарита»¹⁷² Б. Мягков ошибочно сообщает его профессию — художник; ошибочно указывает на его знакомство с Б. Земским; ошибочно приводит фамилию Н. А. Ушаковой: Лямина-Ушакова.

А с Татьяной Николаевной Булгаков связь не потерял.

* * *

Т. К. Я сначала устроилась на курсы машинисток, но у меня начались такие мигрени, что пришлось бросить. Потом мы с Верой Крешковой шить стали, я на курсы кройки и шитья пошла, еще с одной женщиной шила. Булгаков присылал мне деньги или сам приносил. Он довольно часто заходил. Однажды принес «Белую гвардию», когда напечатали. И вдруг я вижу — там посвящение Белозерской. Так я ему бросила эту книгу обратно. Столько ночей я с ним сидела, кормила, ухаживала... он сестрам говорил, что мне посвятит... Он же когда писал, то даже знаком с ней не был. Часто с женщиной какой-нибудь заходил, так уже, по-дружески. Однажды пришел с Ларисой, женой генерала Гаврилова из Владикавказа, на «Дни Турбиных» ее водил. Но мне билет ни разу не предложил. Ну, хоть бы раз! Ведь знал, что билеты не достанешь... Знакомые уже другие появились, потому что Коморские сказали, чтоб он без Белозерской приходил, и Крешковы тоже. Как-то ее не любили многие. Потом мне пришлось переехать из 34-й квартиры в 26-ю. Вернулся домой Левшин, с женой разошелся, и комната понадобилась. Ну, они меня... ключ от дверей не давали, боялись,

* Наталия Абрамовна Ушакова скончалась 23 февраля 1990 г.

что их обворуют... дверь мне не открывали, если поздно прихожу. Иногда мне часами приходилось на лестнице стоять, а защиты у меня никакой не было. В общем, переселили меня в полуподвал, в 26-ю квартиру. Да и Коморский мне советовал: «Лучше переходи, чем у этих буржуев жить». Это году в 27-м было. К сестрам Булгакова я не заходила, и они у меня не бывали. Чтобы получить профсоюзный билет, пошла работать на стройку. Сначала кирпичи носила, потом инструмент выдавала...

* * *

Булгаков же стал знаменитостью. В МХАТе с блеском шли «Дни Турбиных», посыпались предложения, договоры, его имя появилось на страницах газет.

* * *

Т. К. Однажды Михаил приходит: «Я купил две комнаты». Но я не спросила ничего — где, как... Какие-то деньги он мне все-таки давал иногда. Но потом у него самого дела пошли не очень. Говорил: «Никто не хочет меня... не идут мои пьесы, не берут мои вещи». В общем, ненужный человек. И вот, как-то приходит: «Знаешь, я со Сталиным разговаривал». — «Как? Как же это ты?» — «Да вот, звонил мне по телефону. Теперь мои дела пойдут лучше». Я уже профсоюзный билет получила и стала в амбулатории работать, в регистратуре.

Л. П. А ваши как жили? Где?

Т. К. Мама с сестрой моей Соней и Вертышевым ездила по гастроллям. Я их навещала в Великих Луках, Костроме, в Пензу ездила, в Нижний Тагил, Гомель. В Великих Луках у Сони дочь родилась, чуть ли не после спектакля, как у жены Слезкина. Тамара. Сейчас она в Харькове живет, у нее два сына, Владимир и Виктор. А дочка тети Кати, Ира, выросла, вышла замуж, и они все вместе с тетей Соней уехали в Сибирь. У Иры тоже двое детей: Юра и Наташа.

Л. П. А вы?

Т. К. Я в 1936 году тоже уехала в Сибирь. Познакомилась в Москве с братом Крешкова, Александром Павловичем, он приехал на врача доучиваться. Стал педиатром, и его послали в Черемхово, километров сто от Иркутска. Он стал писать мне письма, что без меня не может, и звал туда. А тут Булгаков еще раз женился, уже на Елене Сергеевне. Понятно, что ждать мне больше нечего, и я уехала в Черемхово к Крешкову. Это в 1936 году. Но каждые шесть месяцев приезжала на один-два месяца в Москву, чтобы комнату не потерять. Была, в основном, у Земских и у Крешковых. Потом у Земских перестала бывать — там какая-то трагедия произошла, Борис умер. Андрей от Нади ушел. С Кисельгофом Давидом встречалась, ходили в кино, театры. Уже после того, как я оставила Крешкова и вышла за него замуж, он прочитал «Мастер и Маргарита» — как раз у нас в Туапсе тогда Коморские были — и говорил, что Берлиоз написан с Михаила Кольцова. Кисельгоф был знаком с Борисом Ефимовым. И вот Ефимов ему рассказал, что после

Испании Кольцова вызвал Сталин и расспрашивал обо всем. И после Кольцов сказал брату, что, когда он уходил, Сталин так на него посмотрел, что ему аж жутко стало. Вскоре его арестовали и расстреляли. (Я попросил Б. Е. Ефимова прокомментировать этот рассказ. Он ответил, что слышит об этом впервые, а Кисельгофа не помнит.— Л. П.) Ну, вот. Однажды, когда я ездила к сестре, Крешков открыл стол и все, что было связано с Булгаковым, уничтожил. Документы, фотографии... все. А в 1940 году я должна была поехать в Москву в марте, но установилась ужасная погода, решила ехать в апреле. И вдруг мне Крешков газету показывает — Булгаков скончался. Приехала, пришла к Леле. Она мне все рассказала, и что он меня звал перед смертью... Конечно, я пришла бы. Страшно переживала тогда. На могилу ходила. Потом мы собрались у Лели. Надя, Вера была, Варя приехала. Елены Сергеевны не было. У нее с Надей какие-то трения происходили. Посидели, помянули. В стороне там маска его посмертная лежала, совершенно на него не похожа... Вот и все.

* * *

Вот и все.

Я уезжал из Туапсе. Мы оживленно договаривались о следующем дне рождения Татьяны Николаевны, но глаза ее были влажными. Мы знали, что каждый из нас думает об одном и том же — о том, что больше мы никогда не увидимся.

1981—1984, Москва

ЧЕРТОВЩИНА В АМЕРИКАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В МОСКВЕ

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материалов очерка: господину *Джорджу Ф. Кеннану*, США, *Л. Е. Белозерской*, журналисту *Наталии Баратовой*, *А. Л. Баратову*, господину *С. Шеману*, шефу бюро газеты «Нью-Йорк Таймс» в Москве, господину *А. К. Райту*, профессору Кингстонского Королевского университета, Канада, *А. Г. Левенталю*, студенту Московской государственной консерватории, корреспонденту греческой газеты «Элефтеротипия» господину *Николопулосу*, Греция, господину *Мишелю Васильеву*, Франция, а также советским коллегам, прошившим не называть их имена.

Летом 1917 года владелец дома № 10 на Спасопесковской площадке, купец и фабрикант Николай Александрович Второв был застрелен в своем доме из револьвера¹. Через 18 лет в этом же доме, ставшем резиденцией американских послов в СССР, произошло второе убийство — убийство во время «великого бала у Сатаны» на страницах романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»:

«Барон стал бледнее, чем Абадонна, который был исключительно бледен по своей природе, а затем произошло что-то странное. Абадонна оказался перед бароном и на секунду снял свои очки. В тот же момент что-то сверкнуло в руках Азazelло, что-то негромко хлопнуло как в ладоши, барон стал падать навзничь, алая кровь брызнула у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет. Коровьев подставил чашу под бьющую струю и передал наполнившуюся чашу Воланду. Безжизненное тело барона в это время уже было на полу»² (с. 222).

Неужели вся эта чертовщина происходила именно в Американском посольстве? Неужели есть связь между булгаковским «весенним балом полнолуния» и каким-нибудь банкетом или приемом в резиденции американских послов? Ряд документов и воспоминания очевидцев свидетельствуют, что есть.

В апреле 1935 года в посольстве Соединенных Штатов был устроен большой и необычный прием. Именно его необычность и возбудила первые серьезные подозрения, приведшие в дальней-

шем к совершенно неожиданному раскрытию событий мрачных и трагических.

«Я никогда в жизни не видела такого бала. Посол стоял наверху на лестнице, встречал гостей. Все во фраках, было только несколько пиджаков и смокингов. Литв(инов) — во фраке, Бубнов в защитной форме, несколько военных наших.

Боллен * и другой американец, который оказался военным атташе, первый во фраке, второй — в парадной красной форме с золотыми аксельбантами. Спустились к нам навстречу, очень приветливо приняли.

В зале с колоннами танцуют, с хор(ов) светят прожектора, за сеткой, отделяющей оркестр, живые птицы и фазаны. Ужинали за отдельными столиками в громадной столовой, живые медведята в углу, козлята, петухи в клетках. За ужином играли гармонисты».

«Ужинали в зале, где стол с блюдами был затянут прозрачной зеленой материей и освещен изнутри. Масса тюльпанов, роз. Конечно, необыкновенное изобилие еды, шампанского. В верхнем этаже (особняк громадный, роскошный) устроена шашлычная. Там танцевали кавказские танцы. Нас принимали очень приветливо. Я танцевала со многими знакомыми...»

Две эти цитаты из дневника Елены Сергеевны Булгаковой за 23 апреля 1935 года³. Сравним это с текстом «Мастера и Маргариты»:

«Невысокая стена белых тюльпанов выросла перед Маргаритой, а за нею она увидела бесчисленные огни в колпачках и перед ними белые груди и черные плечи фрачников» (с. 212).

«В следующем зале не было колонн, вместо них стояли стены красных, розовых, молочно-белых роз с одной стороны, а с другой — стена японских махровых камелий. Между этими стенами уже били, шипя, фонтаны, и шампанское вскипало пузырями в трех бассейнах (...), на эстраде кипятился человек в красном с ласточкиным хвостом фраке» (с. 213).

«Красногрудые зеленохвостые попугаи цеплялись за лианы, перескакивали по ним и оглушительно кричали: „Я восхищен!“» (с. 212).

«Маргарита была в высоте, и из-под ног ее вниз уходила грандиозная лестница, крытая ковром (с. 213). (...) Лестница стала заполняться. Теперь уже на каждой ступеньке оказались, издали казавшиеся совершенно одинаковыми, фрачники и нагие женщины с ними, отличавшиеся друг от друга только цветом перьев на головах и туфель» (с. 215).

«Потом она видела белых медведей, игравших на гармониках», и «девушки подавали шипящее на раскаленных углях мясо», и «хрустальное дно бассейна горело нижним светом», «и было понятно, что там танцуют неслыханные полчища гостей...» (с. 218—220).

* Секретарь посольства.

Известный американский журналист Питер Бриджес в статье «Спасо Хаус» — так называли американцы свое посольство — отмечает, что на одном из проходивших там приемов были «звери, взятые из Московского зоопарка <...>, и несколько сотен певчих птиц, также неодомашенных, которые еще несколько дней после приема оживленно летали под высокими потолками залов»⁴.

И даже эта деталь отразилась в «Мастере и Маргарите»: «— Ай! — вскричал Бегемот. — Попугаи разлетелись, что я и предсказывал!

Действительно, где-то вдали послышался шум многочисленных крыльев» (с. 208).

Второй факт — удивительное сходство помещений, где происходили действительные и вымышленные события. В статье «Спасо Хаус» Бриджес отмечает:

«Пропорции здания почти гигантские, главный вестибюль имеет длину в 82 фута и увенчан чрезвычайно высоким потолком-куполом».

Теперь читаем Булгакова:

«Но самое поразительное — размеры этого помещения. <...> Как ни мало давала свету коровьевская лампадка, Маргарита поняла, что она находится в совершенно необъятном зале, да еще с колоннадой, темной и по первому впечатлению бесконечной» (с. 202).

Один из фотоснимков, сопровождающих статью Питера С. Бриджеса, убеждает нас и в грандиозности главного вестибюля, и в существовании колоннады.

Запомнился этот прием и американцам. В Отделе рукописей Ленинской библиотеки в записной книжке Булгакова начала 30-х годов (Ф. 562. К. 17. Ед. хр. 14) я нашел запись: «Кеннан 90-88-06». Ныне известный политический деятель, г-н Джордж Ф. Кеннан, посол США в СССР в 1952—1953 годах, состоял в те дни в штате посла Буллитта, поэтому я обратился к нему с интересующими нас вопросами. Вот что он ответил:

«...Я думаю, что знаю, о каком бале идет речь. Сам я не присутствовал на нем (был в это время болен), но присутствовали некоторые хорошие мои друзья. Весьма вероятно, по-моему, что Булгаков был среди гостей. Он был хорошо знаком с некоторыми из нас — молодыми американскими дипломатами, особенно с теми, кто знал русский язык. <...> Мне рассказывали, что для этого самого бала был собран — ради потехи — целый зоопарк разных птиц и зверей, включая медведя, и очень вероятно, что среди них были и попугаи. Нужно добавить, что это был единственный этого рода бал в Москве в эти годы. Ничего подобного никогда не повторялось»⁵.

К сказанному можно добавить, что г-жа Айрина Уайли в своей книге «Вокруг земного шара в 20 лет» сообщает название этого приема: «Весенний фестиваль»⁶. Сравните с булгаковским «весенний бал полнолуния» (интересно, что вскоре после приема г-жа Уайли была в гостях у Булгакова на ул. Фурманова, а 1 мая Булга-

ковы в гостях у советника Уайли). Кстати, г-жа Уайли пишет, что это был «единственный великолепный прием в Москве в СССР». То же самое отмечает и г-н Кеннан.

Думаю, приведенные факты позволяют утверждать, что при описании «великого бала у Сатаны» Булгаков во многом опирался на известный прием в посольстве Соединенных Штатов в Москве. Думаю также, что это не дает оснований считать сотрудников посольства чертями.

Вернемся теперь к несчастному барону Майгелю, погибшему в разгар бального веселья от пули Азazelло.

Вот он впервые возникает на страницах романа (с. 166):

«Да,— говорила горничная в телефон,— как? Барон Майгель? Слушаю. Да! Господин артист сегодня дома. Да, будет рад вас видеть. Да, гости... Фрак или черный пиджак». (Кстати, еще одна ниточка, связывающая бал с приемом: «Принесли конверт из американского посольства с приглаш[ением] Миши и меня на 23 ап[реля]»; в приглашении было указано — «фрак или черный пиджак». Дневник Булгаковой, 29 марта 1935 г.)

Ровно в полночь барон появляется в бальных залах.

«...Я счастлив рекомендовать вам,— обратился Воланд к гостям,— почтенного барона Майгеля, служащего зрелищной комиссии в должности ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы.

Тут Маргарита замерла, потому что узнала вдруг этого Майгеля. Он несколько раз попадался ей в театрах Москвы и в ресторанах» (с. 221).

Тут же обнаруживается и объясняется резко отрицательное отношение автора к этому герою:

«Да, кстати, барон,— вдруг интимно понизив голос, проговорил Воланд,— разнеслись слухи о чрезмерной вашей любознательности. Говорят, что она, в соединении с вашей не менее развитой разговорчивостью, стала привлекать общее внимание. Более того, злые языки уже уронили слово — наушник и шпион. И еще более того, есть предположение, что это приведет вас к печальному концу не далее чем через месяц» (с. 222).

И ниже, на с. 224:

«А скажите,— обратилась Марго, оживившаяся после водки, к Азazelло,— вы его застрелили, этого бывшего барона?

— Естественно,— ответил Азazelло,— как же его не застрелить? Его обязательно надо застрелить».

Таинственная фигура барона Майгеля расшифрована в книге канадского ученого А. С. Wright. Mikhail Bulgakov. Life and Interpretations:

«Образ барона Майгеля основан на реальном тайном агенте бароне Штейгере, в чьи обязанности входило подслушивание светских разговоров иностранных дипломатов» (с. 266).

Там же в примечании 43 автор пишет:

«Подробности о бароне Майгеле были подтверждены Еленой Сергеевной (Булгаковой.— Л. П.) в разговоре с М. Michel Vassilief.

Я благодарен Dr. N. E. Andreyev за точное указание имени — Штейгер, а не Штейнгель»⁸.

Тут возникло внешне логичное, но по сути фантастическое предположение: если «сатанинский бал» Булгакова «происходил» в Американском посольстве, а Штейгер вращался в дипломатических кругах, не помнит ли его кто-нибудь из старых американских дипломатов? Представьте себе мое удивление, когда в письме господина Кеннана я прочел следующие строки:

«Борис Штайгер, советский гражданин швейцарского происхождения, хорошо образованный и воспитанный человек, прекрасно говорящий по-французски, много вращался в дипломатическом обществе. Мы все его знали. Говорили, что он имеет влиятельные связи в высших правительственных кругах; и, очевидно, это было верно».

«Я еще могу добавить,— сказал господин Кеннан,— что Штейгер, насколько я помню, был доверенным лицом выдающегося политического деятеля Енукидзе, погибшего во время чисток в 1937 году» (Москва — Принстон, по телефону)⁹.

Итак, «расследование убийства» барона Майгеля выстроилось в цепочку Булгаков — Штейгер — Енукидзе.

«Енукидзе Авель Сафронович (1877—1937), советский государственный, партийный деятель. Член КПСС с 1898 года. Участник создания организации РСДРП в Баку (1900 г.). Один из руководителей типографии „Нина“. В 1917 году член Петроградского ВРК. С 1918 года секретарь Президиума ВЦИК, в 1922—35 годах секретарь Президиума ЦИК. Член ЦКК партии с 1924 г. (член Президиума с 1927 г.). Член ЦК партии с 1934 года»¹⁰.

Мог ли такой человек иметь какое-то отношение к Булгакову? Казалось, собрав подробную информацию о Штейгере, можно получить ответ и на этот вопрос. Однако все вышло наоборот. Сразу же выяснилось, что А. С. Енукидзе был председателем Правительственной комиссии по руководству Большим и Художественным театрами, в которых долго работал Булгаков^{8,11}. От одного его слова зависела судьба не только спектакля, но иногда и театра, не говоря уже об отдельных его работниках.

«Во время сдачи спектакля „Дни Турбиных“ государственной комиссии во главе с Енукидзе моя мать, Вера Сергеевна Соколова, играла роль Елены, а отец, Леонид Васильевич Баратов, режиссер МХАТа, находился в зрительном зале. Они рассказывали, что, когда после спектакля зажегся свет, у многих зрителей, в том числе и у Енукидзе, на глазах были слезы. Тут же поняв, что он льет слезы над белогвардейцами, Енукидзе запретил спектакль»¹².

В известной мере от Енукидзе зависела и нелегкая судьба пьесы Булгакова «Бег». Булгаков был вынужден неоднократно обращаться к Енукидзе по самым жизненно важным вопросам. Так, например, он писал ему в письме от 3 сентября 1929 г., что не в состоянии платить налоги, и просил выпустить его с женой за границу^{8,13,14}.

Итак, А. С. Енукидзе был председателем Правительственной

комиссии по руководству Большим и Художественным театрами. И в романе «Мастер и Маргарита» нашлось место для председателя комиссии, занимающейся театрами:

«Приятный, звучный и очень настойчивый баритон послышался из ложи № 2 <...>. Баритон принадлежал не кому иному, как почетному гостю сегодняшнего вечера Аркадию Аполлоновичу Семплеярову, председателю акустической комиссии московских театров». Председатель комиссии настойчиво требовал разоблачения фокусов Коровьева и Бегемота, но тут же при зрителях, жене и любовнице был разоблачен сам:

«— Уй, мадам,— подтвердил Фагот,— натурально, вы не понимаете. Насчет же заседания вы в полном заблуждении. Выхав на упомянутое заседание, каковое, к слову говоря, и назначено-то вчера не было, Аркадий Аполлонович отпустил своего шофера у здания акустической комиссии на Чистых прудах (весь театр затих), а сам в автобусе поехал на Елоховскую улицу в гости к актрисе разъездного районного театра Милице Андреевне Покобатько и провел у нее в гостях около четырех часов» (с. 107).

Отвлечемся от пикантной стороны ситуации, хотя и она, как мы увидим ниже, имеет значение, и сравним узел: Семплеяров — комиссия — Чистые пруды с действительно имевшим место узлом: Енукидзе — комиссия — Чистые пруды. А. С. Енукидзе был членом Государственной комиссии по просвещению и членом коллегии Наркомпроса, Театральный отдел которого руководил работой театров республики. Все это располагалось на Чистых прудах в доме № 6¹⁵.

Да, Семплеяров был публично посрамлен. Произошел дикий скандал. «Вот, почтенные граждане, один из случаев разоблачения, которого так назойливо добивался Аркадий Аполлонович!»² (с. 107).

«Добился разоблачения» и Авель Сафронович Енукидзе:

«Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Ежова, принятая 7 июня 1935 г. <...> 2. За политическое и бытовое разложение бывшего секретаря ЦИК СССР т. А. Енукидзе вывести его из состава ЦК ВКП(б) и исключить из рядов ВКП(б)»¹⁶.

А бдительный тов. Ежов тем временем отправил в гости к Сатане еще двух человек:

«По лестнице поднимались двое последних гостей.

— Да это кто-то новенький,— говорил Коровьев, щурясь сквозь стеклышко,— ах, да, да. Как-то раз Азazelло навестил его и за коньяком нашептал ему совет, как избавиться от одного человека, разоблачений которого он чрезвычайно опасался. И вот он велел своему знакомому, находящемуся от него в зависимости, обрызгать стены кабинета ядом.

— Как его зовут? — спросила Маргарита.

— А, право, я сам еще не знаю,— ответил Коровьев,— надо спросить у Азazelло.

— А кто это с ним?

— А вот этот самый исполнительный его подчиненный. Я восхищен! — прокричал Коровьев последним двум» (с. 219).

Ну, у Азazelло мы спрашивать не будем, потому что и сами уже немного научились раскрывать булгаковские тайны. Откроем, например, «Правду» за 30 марта 1938 года на 5-й странице:

«Ответы медицинской экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем.

По отравлению товарища Н. И. Ежова

Вопрос: Можно ли на основании представленных экспертизе материалов об организации отравления тов. Н. И. Ежова прийти к заключению, что обвиняемые Ягода Г. Г. и Буланов П. П. применили для достижения своей цели... (и т. д.— Л. П.).

Ответ: На основании предъявленных материалов химических анализов ковра, гардин, обивки мебели и воздуха рабочего кабинета тов. Н. И. Ежова, а равно анализов его мочи и характера возникших у него болезненных проявлений, следует считать абсолютно доказанным, что было организовано и выполнено отравление тов. Н. И. Ежова ртутью через дыхательные пути, что явилось наиболее действенным и опасным методом хронического ртутного отравления».

Это подтверждает и протокол допроса подсудимого Ягоды, где он говорит: «Мы решили убить Ежова. Отравление производил Буланов» (там же, с. 3).

Вот вам и двое последних гостей. Впрочем, если б последних...

Итак, тропа поисков, еще раз причудливо вильнув, снова привела нас в бальные залы булгаковского романа к остывающему трупу поверженного барона Майгеля. Раскроем ли мы, наконец, его тайну, или почти растаявшие за пятьдесят лет следы вновь запутают нас в мрачной паутине сложных человеческих судеб и исторических событий?

Насколько Енукидзе помнят все, настолько Штейгера не знает никто. Десятки людей расспрашивал я, пытаюсь зацепиться за кончик невидимой нити, но барона не помнили ни наши старые дипломаты, ни в театральном мире, ни среди бывших работников ВОКСа — общества культурных связей с заграницей, ни ветераны «Интуриста». Скорее с отчаянием, чем с надеждой перелистывал я старые справочники, как вдруг...

«Штейгер Б. С., Средний Кисловский пер., д. 1, кв. 1», — серыми выцветшими буквами на желтой хрупкой бумаге. Это был справочник «Вся Москва» за 1936 год¹⁷. Его инициалы — Б. С. — частично совпадали с именем Борис, указанным господином Кеннаном. Хотя с тех пор прошло уже полвека, я все же поехал по этому адресу, всю дорогу с беспокойством думая о том, что на месте старого переулка найду теперь огромное железобетонное здание какого-нибудь министерства. Подъехав поближе, я сразу увидел его светящуюся громаду, но, к счастью, ошибся. Коробка стояла в стороне, а вниз уходил горбом настоящий отвратительный и прекрасный московский переулок. Дом и квартиру нашел сразу. Позво-

нил. Очень долго дверь не открывали, хотя я прекрасно чувствовал, что за ней кто-то стоит. Стоит и ждет второго звонка. Меня же от этого повторного звонка удерживала какая-то непонятная сила. Так мы и стояли, пока дверь, наконец, не открылась. На пороге возникла маленькая, сморщенная, озадаченно разглядывавшая меня старушка.

— Здравствуйте. Можно видеть Штейгера? — бухнул я не задумываясь.

— А его давно уже нету, — ответила она без особого удивления. — Его расстреляли в 1935 году вместе с Ягодой.

— Вот это да! — сказал я тоже без особого удивления. — За что же?

— А он был шпион.

Из дальнейшего разговора с Прасковьей Григорьевной Куликовой — так звали старушку — выяснилось, что поселилась она в этой квартире в 1935 году как раз в комнате Бориса Сергеевича Штейгера, после того как тот «выбыл». О бывшем хозяине она почти ничего не знала, рассказала только, что жил он один, обслуживала его жившая в этой же квартире служанка Таня, которая умерла в 1937 году. Все в квартире называли Бориса Штейгера «бароном». Он работал в НКВД у Ягоды, очень хорошо одевался. Часто получал дорогие посылки из-за границы. Любил в шикарном халате расхаживать по длинному коридору квартиры, часто поговаривал: «Своей смертью я не умру».

Другая соседка, Валентина Дмитриевна Сорокина, рассказала, что, по словам жившей в их квартире актрисы Дарьи Ивановны Кайдаш, Штейгер работал начальником «какого-то управления по искусству», доставал билеты на закрытые просмотры. Незадолго до ареста его поселили в номере «Националя», а сообщение о расстреле напечатали в газете.

Было ясно, что эта информация, если так можно назвать кухонные разговоры, требует особенно тщательной проверки и что проверять ее чрезвычайно трудно. Прежде всего — где работал Штейгер? Если его не помнят люди, может быть, это имя сохранили документы? Самый верный шанс — домовые книги. Работники ЖЭКа как-то потупились и показали на угол: «Попробуйте...» Домовыми книгами оказалась серо-фиолетовая лапша, ногами набитая в три канцелярских шкафа. Тем не менее, каждая лапшинка была осмотрена с двух сторон. Увы. Не оправдали надежд и справочники «Вся Москва», где обычно рядом с фамилией указывалось в скобках и место работы. Имя Штейгера встречалось, но место его работы ни разу. Это было тем более странно, что в справочниках даже для государственных деятелей указывался домашний адрес и место работы. Исключение составляли, вероятно, пенсионеры, люди свободных профессий и т. п. Наступила очередь архивов. Я просмотрел дела наиболее «подозрительных» учреждений, но барон был неуловим. Последняя надежда — газеты. Если удастся найти сообщение о расстреле, то не исключено, что там же упомянут место службы. В крайнем случае, по кругу лиц, осужденных

со Штейгером, можно будет уточнить хотя бы направление поиска. Но что это за газета? Этого соседи не помнили. Пришлось искать наугад. После просмотра «Правды» за 1935 год осталась еще слабая надежда на «Известия», но никаких следов Штейгера так и не нашлось. Конечно, соседи могли и напутать. А если это 1936 год? Пришлось снова зачистить в библиотеку. Нет. И в этих газетах ничего. 1937-й? Так могло продолжаться до бесконечности, но тайна крепко держала меня в плену. Снова начался просмотр, но вот и эта гора газет растаяла. Осталось лишь несколько страничек 1937 года, когда я увидел:

«16 декабря 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР в закрытом судебном заседании в порядке закона от 1 декабря 1934 г. было рассмотрено дело по обвинению Енукидзе А. С., Карахана Л. М., Орахелашвили И. Д., Шеболдаева Б. П., Ларина И. Ф., Метелева А. Д., Цукермана В. М., Штейгера Б. С. в измене Родине, террористической деятельности и систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств.

Все обвиняемые полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила Енукидзе А. С., Карахана Л. М., Орахелашвили И. Д., Шеболдаева Б. П., Ларина И. Ф., Метелева А. Д., Цукермана В. М., Штейгера Б. С. к высшей мере наказания — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение»¹⁸.

По опубликованным источникам удалось установить, что А. С. Енукидзе, Л. М. Карахан, И. Д. Орахелашвили и В. П. Шеболдаев были посмертно реабилитированы. Судьба остальных осужденных оставалась неизвестной, поэтому с запросом о Штейгере пришлось обратиться в Главную военную прокуратуру. 18 апреля 1983 г. военный прокурор отдела ГВП полковник В. А. Смирнов сообщил мне, что в отношении Штейгера приговор был оставлен в силе.

Вот оно что. Значит, Штейгер все-таки работал «в пользу одного из иностранных государств». А там считают, что он работал на НКВД. Скорее всего, барон, как и многие агенты, работал на тех и на других, а убрали его те, кому он скорее попал под горячую руку. В статье заместителя Наркома внутренних дел М. Фриновского, помещенной перед Приговором, черным по белому было написано: «Б. Штейгер — бывший барон...»¹⁹ Значит, все-таки барон. Но откуда он взялся? Какое имел отношение к Булгакову? Где работал?

На земле осталось всего пять-шесть человек, кто мог бы об этом рассказать. Я знал только двух: доктор Н. Е. Андреев из Кембриджа и М. Л. Васильев из Сорбонны...

— Международная телефонная станция слушает.

— Дайте, пожалуйста, Англию, Кембриджский университет, доктора Андреева... Из квартиры... В кредит...

Через сорок минут:

— Кембридж заказывали?

— Да.

— Видите ли... там сказали, что доктор Андреев умер...

Та-а-ак. Интересно, сколько лет Васильеву?

— Международная? Мне, пожалуйста, Париж, Сорбонну.

— С кем будете говорить?

— Мишель Васильев.

— Позвоним вам.

Через два часа выяснилось, что Васильев уже шесть лет в Сорбонне не работает и никаких координат не оставил. В Москве никто из булгаковедов о Васильеве ничего не слышал. К счастью, у одного из близких Булгакову людей оказался нужный мне адрес, и я снова заработал телефонным диском.

— Вам Париж? Опять Васильева? Через час позвоним.

Вскоре звонок международной известил меня о том, что никаких Васильевых по указанному адресу не проживает. Оставалось последнее: запросить автора монографии г-на Райта, и в Канаду пошла телеграмма. Вечером я уже нетерпеливо разворачивал бланк с ответом. Есть! Все-таки Париж, но адрес уже другой.

— Международная? Париж, пожалуйста...

— А-а-а, опять Васильева?

— Да. У меня новый адрес.

— А вы не могли бы дать нам сразу все адреса? Мы бы искали...

— У меня больше нету.

— Ну, вы меня радуете. Какой адрес?

— Вам какими буквами, русскими или латинскими?

— Вы же звоните в Париж, а не в Рязань. Латинскими.

— А когда я звонил в тот раз...

— А теперь латинскими.

Кончались первые сутки поисков Васильева, когда международная в очередной раз сообщила: «По указанному адресу не проживает». След барона обрывался, а резервных ходов больше не оставалось. Разве что французская Академия наук? Дойдет ли? Ответят ли? Да и сколько их ждать? Нет. Попробую вот что: дам по последнему адресу телеграмму с просьбой сообщить номер телефона. Дальше — либо почта перешлет куда надо, либо родственники или соседи помогут. Ответ не последовал ни в этот день, ни на следующий, ни на третий. Когда мне стало ясно, что он так и не последует, в дверь позвонил почтальон: «Вам телеграмма с Антильских островов». Это был Васильев!

Промчавшись мимо почтальона, протягивавшего мне какую-то ручку, я схватился за телефон.

— Международная?! Антильские острова, пожалуйста, Гваделупа, номер 590-250-16-80.

— Сейчас соединю. Только... вы знаете, мы тут прикинули... у вас рублей на двести получается...

В мозгу всплыл равнодушный продавец, бросающий мой магнитофон на полку комиссионного магазина, но я повторил твердым настойчивым голосом:

— Антильские острова, пожалуйста.

Через месяц я развернул эlegantный залепленный марками и ярлыками конверт и прочел слова Елены Сергеевны Булгаковой, записанные М. Васильевым в Париже 29 мая 1969 года:

«Он родом из Киева, в Москве говорили, что он известный донщик. Барон Штайгель прообраз барона Майгеля».

Фамилию Штейгера она, видимо, за тридцать лет подзабыла, а вот то, что он родом из Киева,— чрезвычайно интересно: ведь Булгаков тоже родом из Киева. Уж не оттуда ли идет их знакомство? Надо искать корни Штейгера. И корни эти нашлись. По данным 1910—1915 годов, коллежский советник барон фон Штейгер Сергей Эдуардович был предводителем дворян Каневского уезда Киевской губернии, владел поместьем и деревней Стебелевская Николаевка в 562 десятины, жил в Киеве недалеко от Булгаковых на Николаевской улице, дом 5, в гостинице «Континенталь». Остается проверить, не учились ли Булгаков и Штейгер в одной гимназии или университете^{20,21}.

Через час я выехал в аэропорт, еще через час вылетел в Киев, еще через час начал перетряхивать гимназический и университетский архивы. Нет. Вместе они не учились.

Еще возможность встречи Булгакова и Штейгера в Киеве была в 1918 году. Тогда в подвале шикарного «Континенталя» на Николаевской, дом 5, где жили Штейгеры, образовалось кафе ХЛАМ (художники, литераторы, артисты, музыканты). Туда стекалась вся городская богема. В книге «Встречи с прошлым», выпуск № 4, Королева пишет, что в ХЛАМЕ бывали Мандельштам, Эренбург, Смолич, Зозуля, Юткевич, Паустовский, Никулин, Кольцов, Ефимов, Аверченко и другие. В том, что Штейгер туда заглядывал, можно не сомневаться, а вот бывал ли там Булгаков? Может быть, с Паустовским (с ним они вместе учились в гимназии)? А может быть, и сам по себе — ведь к этому времени Булгаковым уже написаны «Недуг», «Наброски земского врача», «Зеленый змий», «Первый цвет». Несомненно, что Булгаков знал о ХЛАМЕ: вспомните ПРАХ из «Белой гвардии» (ПРАХ — поэты, режиссеры, артисты, художники). Также на Николаевской и тоже в «Континентале». Описал он и некоторых завсегдатаев ПРАХа, а один из них, Шполянский, даже жил, как и Штейгер, в «Континентале». Да, очень похоже, что Булгаков бывал там. Но даже если и бывал, то был ли знаком с молодым бароном? Не исключено. Но и не доказано. Например, любезно согласившийся ответить на мои вопросы Борис Ефимович Ефимов тоже бывал в подвале «Континенталя», но ни с Булгаковым, ни со Штейгером знаком не был.

Впрочем, связанный с бароном Майгелем текст «Мастера и Маргариты» определенно указывает на свежие московские события и впечатления Булгакова. Значит, пути их обязательно должны были пересечься в Москве. Хотя бы, например, в МХАТе, где Булгаков работал с 1930 года. Вот что вспоминает бывший мхатовец Сергей Львович Бертенсон, эмигрировавший в США еще в 20-е годы:

«Театр наш пользовался большой любовью иностранных дипломатов, и если посетителем являлся какой-нибудь посол, то в мои обязанности входило угощать его чаем с пирожными в моем кабинете, прилежавшем к директорской ложе, которая предоставлялась „именитому гостю” с семьей. Разговаривая с иностранными дипломатами, я был всегда настороже по следующей причине: их обыкновенно сопровождал специально состоявший при управлении Государственных театров молодой человек по фамилии Штейнгель (бывший барон) *, прекрасно говоривший по-французски и по-немецки и обладавший хорошими светскими манерами, а неофициально бывший агентом ГПУ. Миссия этого бывшего барона заключалась в том, чтобы следить за всеми разговорами послов с теми из представителей театров, с которыми они встречались, и, если нужно, доносить по начальству о характере разговоров. Предупрежденный о том, кем является Штейнгель, я всегда осторожно взвешивал каждое сказанное мною дипломатам слово и развлекался тем, что называл Штейнгеля „барон”, против чего он не только не протестовал, но даже улыбался какой-то подленькой улыбкой»²².

Сопоставим это с сообщением М. Чудаковой о том, что «19 декабря (1933 г.— Л. П.) сын Елены Сергеевны (Булгаковой.— Л. П.) Женя ** передает ей для Булгакова вырезку из „Вечерней Москвы” — информация о том, что американский посол Буллитт был на „Днях Турбиных” и записал в книге отзывов: „Прекрасная пьеса, прекрасное исполнение”».

Добавим к этому, что, согласно дневнику Е. С. Булгаковой, в середине 30-х годов они систематически бывают у иностранных дипломатов и принимают их у себя, бывают в посольстве и кроме посла США знакомы также с послами Франции и Турции. Учитывая, что Штейгер долгие годы не вылезал из дипломатических и театральных кругов, осталось бы только поразиться, если б они с Булгаковым не встречались. Именно это я и сделал — поразился,— прочитав в дневнике Елены Сергеевны, что, когда Булгаковы уже утром уезжали с приема в одной из посольских машин, «с нами в машину сел незнакомый нам, но известный всей Москве и всегда бывающий среди иностранцев, кажется, Штейгер»²³.

Занятое сочетание: «известный всей Москве» и «незнакомый нам»? Это с ее-то бесчисленными светскими связями?! Это баронто с его изысканными манерами вперся в машину к незнакомым людям?! Да и ехать им совсем не по пути: Булгаковым от Арбата направо, а Штейгеру от Арбата налево. И как все это увязать с тем, что сцена казни барона была написана Булгаковым еще в конце 1933 года?²⁴

Интуиция подсказывает, а опыт показывает, что, когда какой-то вопрос не находит ответа, можно ожидать, что за ним кроется что-

* Бертенсон перепутал фамилию Штейгер с известным родом баронов Штейнгелей (см. с. 118).

** Сын от брака с Шиловским.

то серьезное. В нашем же случае возник целый узел из четырех плотно связанных вопросов, так что, подозреваю, мы на пороге нового исследования и нового открытия. А барон...

С бароном Штейгером картина несколько прояснилась после того, как друзья привезли мне из Греции листочек бумаги, на котором был записан рассказ барона Штейгера бывшему лично помощнику наркома иностранных дел СССР Боголепову в камере внутренней тюрьмы НКВД, где они вместе сидели:

«...Я узнал, что он (посол США в СССР Дэвис.— Л. П.) получает партию новых сейфов с неизвестными нам системами кодов, чтобы НКВД не могло проникнуть в них. В то время в конце рабочего дня персонал посольства уходил домой, запирая за собой двери. Не было 24-часовой охраны. Мне поручили заказать через посольство один из новых сейфов для использования в Министерстве иностранных дел. На одном из приемов я пожаловался миссис Дэвис на отсталость русских в технике и спросил, не поможет ли она мне достать один из этих новых сейфов, добавив, что готов заплатить за него. Она ответила, что будет рада мне помочь, и попросила посла прислать из США еще один сейф. Через некоторое время мне позвонили, что он прибыл. Техники из НКВД разобрали замок, мы научились открывать их, и в дальнейшем все документы посольства регулярно фотографировались. Я лично отвечал за эту миссию и обычно сам приносил фотокопии в НКВД. Когда от меня получили все, что я мог дать, меня обвинили в сокрытии информации»²⁵.

Этот рассказ неопровержимо доказывает, что сотрудники Американского посольства, и особенно посол Дэвис, страдали врожденным слабоумием,— ведь о сотрудничестве Штейгера с НКВД говорили даже в театральных буфетах. Впрочем, возможно, здесь все сложнее и ситуация копирует известную в истории разведки операцию «Цицерон», когда английский посол, ложась спать, клал в шкатулку на своем ночном столике «совершенно секретные документы», подсовывая своему камердинеру-шпиону дезинформацию. Тогда в слабоумии придется обвинить НКВД: неужели они поверили, что Джозеф Дэвис преподнесет советской разведке дубликат своих сейфов? Нет. Похоже, здесь все еще сложнее: получая фотокопии, НКВД знало, что это дезинформация, и могло определить, в чем хотят убедить русских американцы, каковы их цели. Но ведь и американцы знали, что русские не дураки и сообразят, что получают дезинформацию. Значит, американская дезинформация должна была быть рассчитана именно на то, что ее раскроют... И так до бесконечности.

А возможно и наоборот — здесь все проще: Штейгер наврал. Или наврал Боголепов. Или наврали оба. И так тоже до бесконечности. У нас же остались невыясненными место работы Штейгера и его контакты с Енукидзе (а ведь они проходили по одному уголовному делу). Поскольку и в списках работников управления Гос. театрами он не значился, пришлось по энциклопедиям, словарям и справочникам устанавливать род занятий лиц, осужденных вместе

со Штейгером. Выяснилось, что большинство из них работало в Наркомате иностранных дел, однако барона и там не оказалось. Не значился он и в аппаратах ЦИК СССР, ВЦИК, ВСНХ. Тысячелистные справочники молчали. Нельзя же смотреть вообще все подряд...

Можно! Колонка за колонкой, страница за страницей, том за томом. Это непрофессиональное метание — дело в принципе безнадежное, но я все-таки наткнулся: «Уполномоченный Коллегии Наркомпроса РСФСР по внешним сношениям Штейгер Бор. Серг.»²⁶. Господи, как все, оказывается, просто! Енукидзе — член Коллегии Наркомпроса, Штейгер — его подчиненный.

Теперь все цепочки и узлы связались: Булгаков, «Мастер и Маргарита», великий бал у Сатаны, барон Майгель, попугаи, Посольство США, Штейгер, Енукидзе, Наркомпрос, Чистые пруды, Комиссия по руководству театрами, Большой и Художественный театры, Аркадий Аполлонович Семплеяров... и выстрелы. Жуткая мысль сверкнула вдруг у меня — роковая пуля была «выпущена» Булгаковым за четыре года до гибели барона!!!

Вот так, спустя много-много лет, спаиваются вместе как будто не имевшие никакого отношения друг к другу звери, птицы, дома, люди и пули.

Недавно я еще раз приехал в дом на Средний Кисловский. Прасковья Григорьевна разрешила мне осмотреть квартиру и бывшую комнату Штейгера. Эта крохотная, не более 10 м² комнатка никак не вязалась с обликом и громким титулом ее бывшего хозяина. Ничто в ней не напоминало теперь о тех далеких днях. И еще был я гостем в резиденции посла Соединенных Штатов. И путь мой туда начинался от Патриаршего пруда, и вел меня высокий незнакомый иностранец в сером костюме, и открывала двери прекрасная женщина из свиты хозяина, и видел я там лестницу, колоннаду и огромный камин, и встретил кота и попугая, и лилась настоящая человеческая кровь, но... об этом в следующий раз.

Когда книга была уже набрана, я получил копию следующего документа, обнаруженного А. К. Райтом в 1990 году:

Посольство Соединенных Штатов Америки
№ 249 Москва, 28 апреля 1937 г.
Содержание: об аресте Бориса С. Штейгера.

Совершенно секретно

Его Превосходительству Государственному Секретарю
Вашингтон, округ Колумбия

Сэр, имею честь доложить, что Борис С. Штейгер, который в течение многих лет был одним из главных связующих звеньев между членами дипломатического корпуса и Кремлем, по-видимому, был арестован вечером 17 апреля 1937 года. (...)

Исчезновение г-на Штейгера, к сожалению, означает для посольства потерю одного из самых важных советских агентов.

С уважением *Лой У. Хендерсон*, Поверенный в делах.

ГОРОД МАСТЕРА

В конце сентября 1921 года после тяжелых жизненных потрясений и полных невзгод скитаний Михаил Афанасьевич Булгаков «приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда» (из автобиографии 1924 года). Он приехал с твердым намерением писать, и здесь прошла почти вся его творческая жизнь. В Москве созданы бесчисленные фельетоны, очерки и рассказы Булгакова, и широко известные, и незаметные, и до сих пор не найденные еще в лабиринтах книгохранилищ и архивов. В Москве написаны и всеми любимые произведения «Записки на манжетах», «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Собачье сердце», «Бег», «Мольер», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита». Многие булгаковские строки дышат прелестью, тайной, болью и весельем московских улиц и переулков, дворов и домов. О местах Москвы, связанных с жизнью и творчеством Михаила Афанасьевича Булгакова, этот рассказ.

Его Москва — город необыкновенный, а главная дверь в необыкновенную Москву — Арбатская площадь. Сверните здесь в любой переулок, войдите в любой двор, поднимитесь по любой лестнице, постучите в любую дверь, расспросите любого, кто вам откроет, и сделайте со мной что хотите, если с первой же попытки вы не обнаружите хвостик настоящей большой тайны, раскрыть которую уже дело техники. Мы с вами подойдем к этой главной двери, но не сразу. К ней подход нужен.

* * *

Однажды, проезжая затейливыми московскими переулками, мне неожиданно пришлось остановиться. Посередине крохотного перекрестка сиротливо топталась стайка ребят лет шестнадцати. Не обращая внимания на машины, они во все стороны озадаченно крутили головами.

— Что ищете, ребята?

Ноль внимания. Только один, мельком глянув сквозь меня, буркнул:

— Ермолаевский переулок...

В любую погоду бредут московскими дворами и переулками люди зачарованные «трижды романтическим Мастером» — Михаилом Афанасьевичем Булгаковым. Никто из них толком не скажет вам — зачем. Какая в конце концов разница, где это было и ходил ли там трамвай, но уже много лет люди идут и идут, часто сами не зная куда.

«Не может он совладать с этим весенним полнолунием. Лишь только оно начинает приближаться, лишь только начинает разрастаться и наливаться золотом светило, которое когда-то висело выше двух пятисвечий, становится Иван Николаевич беспокоен, нервничает, теряет аппетит и сон, дожидается, пока созреет луна. И когда наступает полнолуние, ничто не удержит Ивана Николаевича дома. Под вечер он выходит и идет на Патриаршие пруды».

ПАТРИАРШИЕ ПРУДЫ

«Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина». Так начинается роман «Мастер и Маргарита», так начиналась Москва для Михаила Булгакова. Не случайно это место, ох, не случайно. Возьмите схему Москвы, проведите циркулем окружность из Патриаршего пруда радиусом в один километр. Вы зачерпнете столько тайн, сколько вам не раскрыть до конца жизни. Здесь и скандальное «Варьете», и «Грибоедов», детский сад «Золотая рыбка»; в Малом Козихинском переулке у адвоката Комерского созвал Булгаков ужин в честь прибывшего из-за границы Алексея Толстого, в Южинском переулке проводила свои скорбные дни сестра писателя Вера, на Малой Бронной в доме 32, кв. 24 у Ляминых происходили события, описанные Булгаковым в рассказе «Спиритический сеанс»; там же жили друзья Булгаковых Крешковы; на площади Маяковского у машинистки Ирины Сергеевны Раабен печатал писатель свои первые московские строки; заглядывал Булгаков и в расположенное рядом казино; на улице Герцена, 46 — некоторое время жил. Всего здесь не только не рассказать, но и не перечислить. Отметим особо, что на Большой Садовой, 10, кв. 50 было первое московское жилье Булгакова. Писатель со своей первой женой Татьяной Николаевной Лаппа жил в этом доме с конца сентября 1921 до осени 1924-го года (в статье Б. Мягкова и А. Шармаро «Реалии фантастического действия», опубликованной в журнале «В мире книг», 1982, № 9, ошибочно указываются 1922—1923 годы). Быт московской коммунальной квартиры оставил у Булгакова тяжелое впечатление, о чем можно судить по его произведениям «Самогонное озеро», «№ 13 — дом Эльпитрабкоммуна» и др. Описана квартира и в романе «Мастер и Маргарита».

Как пишет в комментариях к письмам Булгакова его сестра Н. А. Земская, «эта же квартира дала материал для типа Аннушки „чумы“ в романе „М[астер] и М[аргарита]”». Это действительно

так. Т. Н. Кисельгоф в своих воспоминаниях рассказывает о соседке Булгаковых по кв. 50 Анне Горячевой, скандальной и грубой женщине, черты которой мы узнаем и в Аннушке Пыляевой из «№ 13— дом Эльпитрабкоммуна», и в старухе Павловне из «Самогонного озера».

«...Вскоре Маргарита, открыв глаза, увидела под собою не лесную тьму, а дрожащее озеро московских огней. Черная птица-шофер на лету отвинтил правое переднее колесо, а затем посадил машину на каком-то совершенно безлюдном кладбище в районе Дорогомилова». (Этого кладбища теперь нет. Там протянулся просторный Кутузовский проспект — Л. П.) Очень скоро Маргарита поднималась уже по невидимой бесконечной лестнице квартиры № 50 дома 302-бис, той самой квартиры, которую Степа Лиходеев «занимал пополам с покойным Берлиозом в большом шестиэтажном доме, покоем расположенном на Садовой улице. Надо сказать, что квартира эта — № 50— давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией».

Сейчас широко распространено мнение, что «нехорошая квартира № 50» — это и есть квартира 50 в доме 10 на Большой Садовой. Стены этого подъезда сплошь исписаны цитатами из романа и соответствующими теме мыслями. В пользу сторонников этой версии говорят и номер подъезда, и каморка под лестницей, и некоторые другие детали. Сторонники другой версии, высказанной В. Левшиным в очерке «Садовая, 302-бис» (журнал «Театр», 1971, № 11), считают, что дело было в квартире № 34 того же дома, где, по словам автора, в 1922—1923 годах жил Булгаков. Надо отметить, что и в этой публикации даты указаны ошибочно. В квартире 34 Булгаков жил не в 1922—1923 годах, а всего 2-3 месяца — осенью 1924 года, что подтверждается рядом писем и документов. Казалось бы, сторонники квартиры 50 «перевешивают», но в пользу квартиры 34 — размеры, планировка и обстановка «нехорошей квартиры». Кроме того, ее бывшая владелица весьма богатая ювелирша де Фужере ассоциируется с не менее богатым владельцем квартиры 34 Артуром Манасевичем, отцом В. Левшина.

Не ищите примитивных совпадений. Не забывайте, что Булгаков писал не акт обследования жилфонда, а роман, на страницах которого талантливо передал своеобразную в своих комедийности и драматизме атмосферу московского быта 20-х годов. В то же время несомненно, что писатель опирался, порой даже «зарисовывал» вполне реальные и конкретные образы причудливых уголков Москвы. Да, не поверить в фантастику Булгакова невозможно.

О, многострадальная квартира № 50! Уж досталось тебе и от жильцов, и от Булгакова, и от нечистой силы, и от грозного управдома Никанора Босого. Помните, в романе:

«Тут он взглянул на дверь в кабинет Берлиоза, бывшую рядом с передней, и тут, как говорится, остолбенел. На ручке двери он разглядел огромнейшую сургучную печать на веревке. „Здравствуйте! — рывкнул кто-то в голове у Степы.— Этого еще не доставало!“»

Спустя 60 лет, 3 апреля 1983 года, придя к дверям квартиры № 50, я, как говорится, остолбенел тоже. Двери ее снова запирала страшная казенная печать. Точнее — шесть печатей, располагавшихся на наклеенном на дверь белом листе бумаги со следующим текстом:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Москва

2.04.83 г.

ТОВАРИЩ-АРЕНДАТОР!

В результате проведенной инвентаризации установлено, что данное помещение занимаетесь Вами незаконно. В связи с этим комиссия сочла необходимым закрыть и опечатать помещение. За самовольное вскрытие помещения Вы будете нести ответственность в соответствии с действующим законодательством. Со всеми вопросами обращаться в ДЭЗ-16 по адресу: ул. Остужева, 17, стр. 2, т. 229-53-70.

Руководство ДЭЗ-16

М. П. Цыбусов.

Перед фамилией нынешнего управдома, который теперь называется «руководство ДЭЗ-16», — энергичная и головокружительная подпись, не оставляющая ни малейшего сомнения в серьезности происходящего.

Преодолев остолбенение, я немедленно совершил хищение означенного документа с дверей квартиры № 50 и теперь с трепетом храню его в своем сейфе.

Итак, вернемся к началу романа. «Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина». Это совсем рядом с «нехорошей квартирой». Речь идет о Пионерском пруде на Малой Бронной, а говорят «пруды» потому, что до конца XIX века их было три, и тянулись они к Трехпрудному переулку (он и сейчас так называется). Это здесь накрыл Берлиоза трамвай, «поворачивающий по новопроложенной линии с Ермолаевского на Бронную, (...) и под решетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос круглый темный предмет. Скатившись с этого откоса, он запрыгал по булыжникам Бронной. Это была отрезанная голова Берлиоза».

Я знаю это место. Часто привожу туда знакомых, показываю. Нередко вижу, как и другие, иногда с книжкой в руках, восстанавливают маршрут трамвайного пути. Место-то есть, а вот был ли трамвай? Валентин Катаев в книге «Алмазный мой венец» пишет о Патриаршем пруде: «Тогда еще там проходила трамвайная линия, и вагон, ведомый комсомолкой в красном платочке — вагоновожатой, — отрезал голову атеисту Берлиозу...» Правда, в другом месте своей книги Катаев связывает эти воспоминания о трамвае с другим прудом — Чистым, где трамваи действительно ходили и ходят теперь. «Трамвай был», — пишет и В. Левшин. «Трамвай был», — пишут Б. Мягков и А. Шамаро. Все это, к сожалению, без какой-либо аргументации. Ермолаевский переулок — старое название улицы Жолтовского. Много дней провел я в «Ленинке», изучая транспортные схемы и маршрутные справочники тех лет. Трамвая не

было. В фототеке Музея архитектуры Москвы удалось найти довоенные снимки Патриаршего пруда и Малой Бронной. Трамвая не было. Но в булгаковскую фантастику невозможно не поверить, и я пошел по старым соседним домам, расспрашивая о трамвае больных, лежащих, невидящих или неслышащих стариков и старушек. «Ну, как же! Был трамвай, был», — говорили одни. «Нет, трамвая точно не было», — отвечали другие. Рассказы старожилов, если они ничем не подтверждаются, вещь опасная. Откровенно говоря, при достаточном навыке за два-три дня можно собрать подробные и взаимоувязанные воспоминания о том, как однажды в Патриаршем пруду из-за навигационной ошибки всплыла подводная лодка. Последняя надежда (мне ведь и самому хочется, чтобы трамвай был) — архив транспортного ведомства. 13 мая 1981 года я получил ответ:

«Управление организации пассажирских перевозок рассмотрело Ваше письмо с просьбой сообщить о работе трамвая в двадцатые годы по ул. Жолтовского, М. Бронной и ул. Адама Мицкевича.

Сообщаем, что согласно имеющимся архивным документам и схемам линий городских железных дорог движение трамваев по интересующим Вас улицам организовано не было.

Начальник управления

И. М. Комов.

Занимавшийся моим запросом К. М. Бартоломе проявил максимум добросовестности. Он проверил и грузовые, и вспомогательные линии, и даже нашел и расспросил старых работников Управления. Трамвая не было. Правда, трамвайная линия проходила совсем рядом, по Садовой, мимо дома Булгакова.

«Утихли истерические женские крики, отсверлили свистки милиции», и мы покидаем Патриаршие пруды вслед за Иваном Бездомным.

ПОГОНЯ

Сообразив, что это ненавистный профессор «пристроил» Берлиоза под трамвай, Иван бросился за преступной тройкой в погоню. «Тройка двинулась в Патриарший, причем кот тронулся на задних лапах». Патриарших переулков было два — Большой и Малый. Большой называется теперь улицей Адама Мицкевича, а Малый — Малым Пионерским. Четыре выхода с пруда ведут: два на Малую Бронную, один в Ермолаевский, и еще один в пересечение Большого и Малого Патриарших. Значит, именно туда двинулась погоня. «Тройка мигом проскочила по переулку и оказалась на Спиридоновке». Сейчас это улица Алексея Толстого. «Не успел поэт опомниться, как после тихой Спиридоновки очутился у Никитских ворот...» Тут, как мы знаем, преступники стали уходить врассыпную, и дальше Иван погнался за одним лишь профессором. «И двадцати секунд не прошло, как после Никитских ворот Иван

Николаевич был уже ослеплен огнями Арбатской площади». Чувствуете, куда мы вторгаемся? Арбатская площадь — главная дверь московских тайн! Но именно теперь, как ни парадоксально, нам следует не искать эти тайны, а увертываться от них, иначе — конец, нам отсюда не выбраться, а погоня уходит. «Еще несколько секунд, и вот какой-то темный переулок с покосившимися тротуарами, где Иван Николаевич грохнулся и разбил колено». Здесь ближайший на пути погони переулок — Малый Афанасьевский, затем переулок Аксакова. И все же нам придется сделать короткую остановку из-за чрезвычайно интересного факта: путь, только что проделанный нами, — кратчайший от Патриаршего пруда к дому, где жил Булгаков, создавая этот роман: улица Фурманова, дом 3/5, кв. 44. Итак, Воланд и Бездомный пронеслись под окнами своего создателя. «Опять освещенная магистраль — улица Кропоткина, потом переулок, потом Остоженка и еще переулок, унылый, гадкий и скупо освещенный. И вот здесь-то Иван Николаевич окончательно потерял того, кто был ему так нужен. Профессор исчез. Иван Николаевич смутился, но ненадолго, потому что вдруг сообразил, что профессор непременно должен оказаться в доме № 13 и обязательно в квартире 47» (с. 45). Увы, Иван ошибся. Профессора там не оказалось.

Пристрастие Булгакова к детальному описанию обстановки постоянно наталкивает нас на мысль, что так оно и было. Нас неотступно преследует ощущение, что писателю все это хорошо знакомо. На девяносто девять и девять десятых я был убежден, что такая квартира существует, и пошел ее искать. Переулок, где исчез профессор, более-менее ясен. Это либо 2-й Обыденский, либо Савельевский, либо улица Крыленко. Однако ни в одном из них не оказалось дома 13 с квартирой 47, которая, кстати, должна находиться на втором этаже. («Ворвавшись в подъезд, Иван Николаевич взлетел на второй этаж, немедленно нашел эту квартиру и позвонил нетерпеливо». С. 45.) Я уже заметил, что Булгаков лишь слегка зашифровал адреса, причем номера домов чаще, чем номера квартир. Выход был один — сплошное прочесывание района исчезновения профессора. Квартир с номером 47 оказалось всего шесть, из них только одна на втором этаже. Это было в доме 7 по Остоженке. В ранних редакциях романа переулок назывался открытым текстом — Савельевский, поэтому особенно важно, что одно крыло этого дома погибает на Савельевский переулок. В квартире «Иван Николаевич ничуть не растерялся в незнакомой обстановке и прямо устремился в коридор, рассуждая так: „Он, конечно, прячется в ванной”. В коридоре было темно. Потыкавшись в стены, Иван увидел слабенькую полоску света внизу под дверью, нашарил ручку и несильно рванул ее. Крючок отскочил, и Иван оказался именно в ванной и подумал о том, что ему повезло» (с. 46).

Что ж, надо идти, смотреть квартиру. Звоню. «Здравствуйте. „Мастера и Маргариту” читали?.. Почему „сумасшедший”?.. Нет, сегодня не пил. Тут, понимаете, такая история...» Но дверь уже

захлопнулась. Расстроенный, я медленно вышел из подъезда, обдумывая непредвиденное и неприятное осложнение. Вдруг около дома показался парный милицейский патруль. Четыре ленивых, но внимательных глаза смотрели прямо на меня. Не успев ничего сообразить, я оказался около патруля. «Ребята, помогите. Меня не хотят пускать в квартиру. Мне бы только коридор посмотреть... Я пишу о Булгакове... Вот, у меня паспорт есть, вот еще документы... Скажите им хотя бы, что у меня документы в порядке...» Через минуту мы снова были у дверей 47-й квартиры. Нам долго не открывали, потом спросили: «Кто?» — «Откройте, пожалуйста. Милиция». После значительной паузы появилась щелочка, затем дверь медленно открылась. «Этот гражданин просит разрешения осмотреть коридор вашей квартиры для художественных целей. Если вы боитесь пускать постороннего человека, мы можем постоять рядом». Хозяева смягчились. Один милиционер остался в подъезде, другой занял место у дверей, и я вошел в квартиру.

Из небольшой передней в глубину уходил длинный темный коридор, с одной стороны которого виднелись двери комнат. Взгляд сразу приковался к самой дальней двери, куда все это упиралось. С внезапно появившимся волнением я медленно подходил к ней. «А что у вас... здесь?» На меня глянули немного удивленно. «Здесь? Ванная». Я открыл дверь. На косяке болтался старый слабенький крючок. Имела квартира и черный ход, через который можно было выйти в Савельевский переулок. Недоставало самого главного звена — знал ли эту квартиру Булгаков? А если знал, то откуда? Кто из его друзей или врагов жил там? Мы как можно вежливее извинились и покинули квартиру 47.

Кто? Казалось, вопрос только в этом. Снова начались поиски. Через некоторое время удалось установить, что в районе исчезновения профессора жили только одни друзья Булгакова — семья Николая Николаевича Лямина. Тоже на Остоженке, тоже в доме № 7, но в квартире 6б. При уточнении на месте оказалось, что, хотя квартира Лямина и имела адрес: Остоженка, 7, на самом деле дом располагался в Савельевском переулке под № 12, и квартира 6б как раз была на втором этаже. Там и сейчас живет его вдова Наталия Абрамовна Ушакова. Она рассказала, как в 1924 году познакомились они с Булгаковым у писателя Сергея Сергеевича Заяицкого на первом чтении «Белой гвардии». Второе чтение состоялось уже у Лямина, с которыми у Булгакова сразу установились теплые отношения. В комнате, где сидели мы с Наталией Абрамовной, Булгаков читал многие свои произведения. Отношения между ними вскоре стали дружескими. Михаил Афанасьевич считал Лямина своим лучшим, настоящим другом. У Наталии Абрамовны до сих пор хранится подарок Булгакова Николаю Николаевичу — сборник «Дьяволиада» с надписью автора: «Настоящему моему лучшему другу Николаю Николаевичу Лямину. Михаил Булгаков. 1925 г. 18 июля. Москва».

Хранятся у нее и другие автографы Булгакова. На журнале «Россия» с публикацией части «Белой гвардии» надпись:

«Милым Наталье Абрамовне и Николаю Николаевичу Ляминим кусок романа. Москва. 4.I.1925. Михаил Булгаков».

Фото М. А. Булгакова с надписью:

«Дорогому другу моему Коле Лямину. 22/X.26 г. Михаил Булгаков. Москва».

Еще одно его фото с надписью:

«Тате дорогой от дорогого М. Булгакова. 22/X.1926 г. Москва».

Н. Н. Лямин — потомственный почетный гражданин города Москвы, филолог, окончивший Московский университет, обладал широкими и интересными познаниями, свободно владел несколькими языками, собрал прекрасную библиотеку. Работая над своими произведениями, Булгаков часто обращался к нему за консультациями. В годы репрессий Николай Николаевич был арестован в первый раз, с началом войны — второй и в 1942 году погиб в заключении. Сейчас он посмертно реабилитирован.

Н. А. Ушакова в 1917 году окончила в Петербурге гимназию, затем переехала в Москву. Ныне она художник-график, член Союза художников (в уже упоминавшейся статье Б. Мягкова и А. Шамаро ее фамилия указана ошибочно: Лямина-Ушакова).

А теперь представьте себе картину: по улицам Москвы разгуливает некто *значительный и властвующий* — высокий незнакомец в сером, имеющий дьявольскую силу над человеческими душами; в его руках сверкнул золотой треугольник... Или еще: шабаш нечистой силы; за столом идет игра, причем фигурки оказываются живыми...

Конечно, каждый сразу скажет: «Мастер и Маргарита». Вот и неверно. Это из книги «Венедиктов, или Достопамятные события моей жизни», изданной в 1922 году. Интересно, что один из главных ее героев — Булгаков, однофамилец Михаила Афанасьевича. На обложке указано, что книга написана ботаником X и иллюстрирована фитопатологом Y. Под X и Y «скрываются» А. В. Чайнов и Н. А. Ушакова, которая в 1925 году подарила эту книгу Булгакову.

Михаил Афанасьевич часто заходил в их гостеприимный дом, они гуляли на лыжах по замерзшей Москве-реке, потом пили дома горячий чай, играли в шахматы. Во время игры Наталия Абрамовна принималась за вязание, что раздражало Булгакова. Он, смеясь, требовал прекратить вязать, она — прекратить игру в шахматы.

Показывая Ушаковой свои материалы, я поинтересовался одной фотокарточкой, где Булгаков снят с тремя неизвестными мне мужчинами. Увидев снимок, она рассмеялась: «Да это я сама снимала!» Оказалось, снимок сделан в 1926 или 1927 году в Малом Левшинском переулке у дома № 4, где одно время жили Михаил Афанасьевич и Любовь Евгеньевна Белозерская, его вторая жена. С Булгаковым сняты писатель Владимир Николаевич Долгорукий (Владимиров), художник Сергей Сергеевич Топленинов и инженер Петр Александрович Васильев, сосед по даче и соучастник веселых проделок Булгакова.

В квартире 66 «громадная, до крайности запущенная перед-

няя», в которой по сей день стоит «громадный ларь, обитый железом», черный ход ведет из кухни во двор, откуда через арку можно выйти в «унылый, гадкий и скупое освещенный» Савельевский переулоч.

Однако погоня продолжается. «Через самое короткое время можно было увидеть Ивана Николаевича на гранитных ступенях амфитеатра Москва-реки». Река здесь действительно рядом, а вот ступенек-то не оказалось. Единственный в этом районе спуск к воде расположен у плавательного бассейна «Москва», но до него от Савельевского переулоча далеко. Пришлось выяснять, как выглядела набережная в те годы, и я снова оказался в фототеке Музея архитектуры. Среди тысяч фотоснимков буквально чудом удалось найти фото 1937 года, где был запечатлен несохранившийся каменный спуск к воде на Кропоткинской набережной. При выезде на место выяснилось, что спуск располагался точно на линии Савельевского переулоча. Остатки спуска, еще теперь виднеющиеся под водой, ошибочно приняты Б. Мягковым и А. Шамаро за детали бывшей Бабьегородской плотины, так как она находилась поблизости от зафиксированного фотодокументом гидросооружения. Пофантазировали авторы и с купанием Булгакова: «Булгаков любил спускаться к реке, а в жаркое время и купаться, отмываясь потом от нефтяной пленки в знаменитой ляминской ванне». Наталия Абрамовна очень удивилась, узнав из журнала «В мире книг», что это «ее собственные слова». Оказалось, что свидетельницей подобного случая Наталия Абрамовна была только один раз; во-вторых, это было не в районе Савельевского переулоча; в-третьих, Булгаков никогда не мылся в «знаменитой» (?) ляминской ванне.

Как бы там ни было, а после злополучного купания обокраденный Иван пробирается арбатскими переулочами к «Грибоедову», где без сомнения прячется иностранный консультант.

«ГРИБОЕДОВ»

«Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на бульварном кольце в глубине чахлого сада, отделенного от тротуара кольца резною чугуною решеткой» (с. 48). Здесь Булгаков уютно разместил МАССОЛИТ, возглавлявшийся погибшим под трамваем Берлиозом. Называли дом просто «Грибоедовым» на том основании, что там якобы жила тетка знаменитого писателя, за что сам Булгаков, впрочем, не ручается.

Имел ли в виду автор какое-то определенное здание? Скрывается ли что-то за словом «МАССОЛИТ»? Полистаем книгу. В сторону центра по Тверской в «Грибоедов» едет поэт Рюхин. У памятник.: Пушкину грузовик делает поворот, и Рюхин «не более чем через две минуты» выходит на веранду «Грибоедова». Поворот мог быть сделан направо, на Тверской бульвар, и налево, на Страстной. Машина прошла в непосредственной близости от памятника. Значит,

налево, на Страстной? Ничего подобного. В то время памятник Пушкину стоял на другой стороне площади, напротив, если так можно выразиться, самого себя. Следовательно, поворот был сделан на Тверской бульвар. Теперь очень кстати оказывается реплика Бездомного: «Дважды хотели задержать, в Скатертном и здесь, на Бронной». Область поиска свелась к минимуму. Это правая (от Тверской) сторона Тверского бульвара. Дом, соответствующий внешним признакам «Грибоедова», там только один — дом № 25. Это по форме. А по «содержанию»? Сейчас там Литературный институт. Уже «тепло». А в те годы в этом здании располагалось несколько литературных организаций, в том числе и МАПП — Московская ассоциация пролетарских писателей. А ведь МАС-СОЛИТ тоже «крупнейшая московская литературная ассоциация». Кажется, попали в точку. Если еще добавить, что это Дом Герцена, то наречение его «домом Грибоедова» представляется лишь прозрачной конспирацией. И окончательно сомнения снимают «Последние похождения Коровьева и Бегемота», которые, спалив «Грибоедова», кинулись к «Тимирязеву», памятник которому действительно стоит в начале Тверского бульвара.

Итак, Иван Николаевич добрался, наконец, до «Грибоедова», но ему снова не повезло. Таинственного консультанта и здесь не оказалось. Однако не повезло Ивану гораздо больше, чем сначала показалось. Совершенно неожиданно погоня эта закончилась для него далеко отсюда.

КЛИНИКА ПРОФЕССОРА СТРАВИНСКОГО

Именно сюда привезли связанного полотенцами Ивана, сделавшегося буйным. Расположена была клиника в прекрасном старом парке около реки, на противоположном берегу которой «красовался веселый сосновый бор». Может быть, и у нее есть реальный аналог? Посмотрим, чем мы располагаем. Во-первых, это за чертой старой Москвы; во-вторых, оттуда можно было уехать на троллейбусе; в-третьих, река; в-четвертых, сосновый бор; в-пятых, старый парк; в-шестых, балкон; в-седьмых, лечебное учреждение должно быть знаменитым; в-восьмых, место расположения — в районе Ленинградского шоссе; в-девятых... кажется, все. Похоже, что для поисков признаков достаточно. Возьмем теперь довоенные справочники лечебных учреждений, справочник улиц Москвы, транспортные справочники и схемы города. Составим список больниц и клиник, находившихся тогда за чертой города в районе Ленинградского шоссе. Знаете, сколько получилось? Сорок две. Теперь отбросим те, что далеко от воды. Осталось тридцать три. Больше, не отрываясь от стола, отбрасывать было нечего, и я побежал занимать деньги на бензин.

Чего я ожидал от поездки, уже не помню, но твердо могу сказать, что только не полученного результата. Из тридцати трех лечебных заведений *только одно* оказалось на берегу реки напро-

тив соснового бора. Это была Химкинская городская больница № 1 на Правобережной улице, дом ба. Теперь сверим другие приметы, и в первую очередь — троллейбус. Тогда в Москве было только пятнадцать троллейбусных маршрутов. Единственный подходящий маршрут — № 6: «Охотный ряд — Никольская больница». Его конечная остановка — следующая после Северного порта, а отсюда до предполагаемой клиники Стравинского километра два, то есть минут пятнадцать пешком. Что ж, вполне приемлемо. Расположена больница во внушительных размеров особняке с прекрасным, но запущенным старым парком. Раньше здесь помещался первоклассный санаторий с хорошим оборудованием и лучшими специалистами. Достаточно сказать, что согласно мемориальной доске на фасаде здесь дважды был В. И. Ленин. Знал ли это место Булгаков? Связано ли с ним что-нибудь?

Существует, правда, версия, что клиника Стравинского — нынешняя больница МПС на Волоколамском шоссе. В связи с этим следует указать на архивные редакции «Мастера и Маргариты», где клиника Стравинского описана еще в конце 20-х годов, т. е. за несколько лет до начала строительства больницы МПС.

ЛИТО

Возвращаясь из Химок в центр Москвы, с левой стороны Ленинградского шоссе мы видим весьма замысловатой архитектуры комплекс старого Петровского дворца. Готика здесь «ложная», древнерусский стиль — «псевдо», и все это «замешено» на пропорциях классицизма. Слева от овеванных двумя веками ворот строгая современная вывеска: «Военно-воздушная инженерная академия им. Жуковского», справа — аккуратная табличка: «40». В 1922 году и дворец, и вывеска, и табличка были иными. Сооружение называлось Дворцом Красной Авиации, на вывеске значилось: «Академия воздушного флота им. Жуковского», а на табличке стоял номер дома — 54. Если бы в том году зашли мы в Научно-технический комитет академии, то увидели б там Михаила Афанасьевича, заправлявшего издательскими делами, и удивились бы: «Как он сюда попал?» Но, пройдя по коридорам и наткнувшись на табличку: «Помощник начальника академии по учебной части Земский Борис Михайлович», мы бы все поняли. Это за его братом была замужем сестра Булгакова, Надежда. Борис Михайлович с женой Марией Даниловной, по семейному прозвищу «Пупочка», с сыном Вовкой и сестрой Катей жили в здании детского сада «Золотая рыбка» в Воротниковском переулке, д. 1, кв. 2. Теперь мне все время придется писать — «тот самый», «та самая», «то самое». Так вот, Мария Даниловна — та самая, которая командовала общежитием Высших женских курсов в том самом доме на Садовой, где располагалась «нехорошая квартира» из «Мастера и Маргариты», то есть квартира № 50 (после ликвидации курсов). Это первый московский адрес Булгакова. А «Золотая рыбка» — та самая, куда в первый по приез-

де в Москву в 1921 году день пришел Булгаков, разыскивая жену. Кстати, до «Золотой рыбки» Земские жили в квартире 47 дома 10 на Большой Садовой. И еще «кстати» — квартира № 47! Не упоминаете погоню Ивана за профессором?

На пути из Химок к ЛИТО мы немного отвлеклись, но теперь он уже близко. Справа от Тверской улицы, если идти к центру, в Малом Гнездниковском переулке, дом 9 (сейчас — 9а), образовался в 1919 году ЛИТО — Литературный отдел Наркомпроса РСФСР. Задумано было широко. ЛИТО руководит литературной жизнью республики, во главе его — коллегия, во главе коллегии — Луначарский, в составе — Брюсов, Серафимович, Блок, Горький. По письму Луначарского райсовет предоставляет в распоряжение ЛИТО роскошный особняк, построенный в 1895 году и принадлежавший статскому советнику И. П. Спиридонову. Правда, выделяет не полностью, а с условием сохранения детского приюта на первом этаже. Так и живут там детишки до сих пор, а вот ЛИТО не ужился. В 1920 году Литературный отдел вошел в состав Главполитпросвета Наркомпроса и переехал на Сретенский бульвар, 6 (тогда — 4), в грандиозное здание бывшего страхового общества «Россия». «То был довольно внушительный зал, обширное, но пустынное помещение, в глубине которого за единственным конторским столом, застеленным газетной бумагой, сидел пожилой человек в серой папаче и в теплом, наброшенном на плечи пальто», — пишет А. Эрлих, один из первых сотрудников ЛИТО. Вот тогда-то, 1 октября 1921 года, оторвав дверную ручку, и появился на пороге Литературного отдела Михаил Афанасьевич Булгаков. Это было его первое после переезда в Москву место работы.

«ЛИТО? В Москве? Да, Максим Горький. На дне. Мать. Больше кому же? Ду-ду-ду... Разговаривают... А вдруг это Брюсов с Бельм?..» — пишет Булгаков в «Записках на манжетах». «Да я не туда попал! ЛИТО? Плетеный дачный стул. Пустой деревянный стол. Раскрытый шкаф. Маленький столик кверху ножками в углу. И два человека. Один высокий, очень молодой, в пенсне. Бросились в глаза его обмотки. Они были белые, в руках он держал потрескавшийся портфель и мешок. Другой, седоватый старик с живыми, чуть смеющимися глазами, был в папаче, солдатской шинели. На ней не было места без дыры, и карманы висели ключьями. Обмотки серые и лакированные, бальные туфли с бантами.

«Историку литературы не забыть:

В конце 21-го года литературой в Республике занималось 3 человека: старик (драмы; он, конечно, оказался не Эмиль Золя, а незнакомый мне), молодой (помощник старика, тоже незнакомый — стихи) и я (ничего не писал).

Историку же: в ЛИТО не было ни стульев, ни столов, ни чернил, ни лампочек, ни книг, ни писателей, ни читателей. Коротко: ничего не было» (М. Булгаков. «Записки на манжетах»).

Ну, что? Не вяжется с роскошным особняком и именитой лит-коллегией? Не вяжется. Но Булгаков писал истинную правду. Вот отрывок из найденного мной в Гос. архиве РСФСР отчета о работе

ЛИТО за 1921 год: «Реорганизационные изменения, дальность расстояния от НКП (Наркомпроса.— Л. П.), отсутствие хороших канцелярских работников (вследствие отсутствия пайков), невозможность найти хороших администраторов-организаторов (по тем же причинам отсутствия пайков и мизерности содержания), финансовые затруднения в форме финансовой канцелярской волокиты, позорно-нищенские гонорары за литературные произведения и, наконец, отсутствие хотя бы минимальных соответствующих потребности писателя жилищных условий — вот те обстоятельства, какие тормозили, тормозят и будут тормозить работу АК-ЛИТО».

А вот отрывок из другого отчета за тот же период (орфографические ошибки сохранены): «Никто не хочет писать книги за смешное грошевое вознаграждение, необеспечивающего затраченной энергии, не дающего для жизни и работы необходимого крова, не оправдывающего хлеба, без которого тоже нельзя работать, ни жить. Никто не хочет писать книг, обреченных лежать в шкафах ЛИТО и Госиздата.

Мы звали, мы обещали, как было обещанно и нам. Но позванные и выписанные нами сотрудники, увидя, как мы жизненно немощны, как не устроены, как подвержены самым неожиданным и убийственным экспериментам со стороны неведомых сил, увидя, как мы безправны и беззащитны — бегут от нас».

1 декабря 1921 года ЛИТО не стало. Да и был ли он? Да, что-то было в бывшем доме страхового общества «Россия» на Среденском бульваре, в доме № 4, подъезде б, 3 этаже, квартире 50, комнате 7.

В двух шагах отсюда, на Чистопрудном бульваре в доме № 6, находилась и «вышестоящая инстанция» — Наркомпрос РСФСР. В этом старом красивом здании и сейчас размещается Министерство просвещения РСФСР. На фасаде установлена мемориальная доска в память Н. К. Крупской, работавшей здесь. В то время Наркомпрос руководил не только просвещением, но и культурой, литературой, искусством республики. Михаилу Афанасьевичу приходилось бывать здесь. В Наркомпросе перекрещивались его пути с членом Коллегии и председателем Правительственной комиссии по руководству Большим и Художественным театрами А. С. Енукидзе («...Аркадий Аполлонович отпустил своего шофера у здания акустической комиссии на Чистых прудах...»), там встречал он и бывшего барона Б. С. Штейгера, уполномоченного Коллегии по внешним сношениям («...Я счастлив рекомендовать вам, — обратился Воланд к гостям, — почтеннейшего барона Майгеля, служащего зрелищной комиссии в должности ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы»).

Вернемся теперь на Арбат, но по пути заглянем под арку Третьяковского проезда рядом с «Метрополем». Здесь, в доме 11, помещалась редакция газеты «Торгово-промышленный вестник», где после ЛИТО в декабре 1921 — январе 1922 года работал Булгаков. К сожалению, газета оказалась еще более призрачной, чем ЛИТО, и лопнула, выпустив лишь несколько номеров.

ГЛАВНАЯ ДВЕРЬ

Вот мы и на Арбате. Кстати, тут надо быть поосторожнее. Залезть в эту каменную паутину легко, а вот выбраться... Нет, вы, конечно, выберетесь, только когда и куда — решительно никому не известно. Это место, где параллельные переулки пересекаются под прямым углом, а перпендикулярные так и не находят друг друга. Когда мы здесь мчались за Иваном и профессором, я предупредил, что от тайн лучше увертываться. Теперь убедитесь сами. Встаньте в середину Чистого (ранее Обухова) переулка и укажите любое направление. В любом случае я вам отвечу: «Это булгаковское место». Например, начало Чистого, дом 1. Здесь в квартире 12 жил дядя Михаила Афанасьевича, Николай Михайлович Покровский. Даже два дяди, еще Михаил Михайлович Покровский, тот, правда, не постоянно. Оба врачи, первый — гинеколог, второй — терапевт. Булгаков с женой Татьяной Николаевной бывали тут тысячу раз как до переезда в Москву, так и после. Прекрасная квартира в бывшем владении классного художника архитектуры Калугина. Я бы даже сказал, шикарная квартира. Шесть комнат, вся белая смотровая, изысканная мебель... Позвольте, позвольте, это нам что-то напоминает. Да и сам хозяин с пышными усами и бородкой, напевающий мелодию из «Аиды». Ну, конечно, Филипп Филиппович Преображенский из повести «Собачье сердце».

« — Зинушка, что это такое значит?»

— Опять общее собрание сделали, Филипп Филиппович, — сказала Зина.

— Опять, — горестно воскликнул Филипп Филиппович, — ну, теперь, стало быть, пропал Калабуховский дом. Придется уезжать, но куда, спрашивается? Все будет как по маслу. В начале каждый вечер пение, потом в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее».

А ведь он был прав! Познакомьтесь с документом, относящимся к этому дому:

«В. И. С. У. 16 сент. 1922 г. № 2761.

Отдел Благоустройства МКХУ.

Во владении № 26 по улице Кропоткина (быв. Пречистенка) от расхищенного дома остались одни части каменных стен, кладка 2-го этажа под образовавшимся пролетом грозит падением и может нанести увечье или смерть случайно зашедшим лицам в это владение и потому должна быть разобрана или приняты меры для поддержания ее, тем более что часть уже обрушилась.

Губ. архитектор *Маматов*
Зав. канцелярией *Кедрова*.

Да, дом мы знаем. Только подъезд в нем уж больно не подходящий, захудалый какой-то. А в повести описан другой, с мраморной лестницей и зеркалами. Где Булгаков его высмотрел? Не могу

объяснить почему, но мне казалось, это где-то рядом. Осмотрел весь переулок. Подъезд с мраморной лестницей нашелся, и снова только один. В доме № 6 на другой стороне переулочка. Но где гарантия, что это именно его описал Булгаков? Поднимаюсь, как указывает текст «Собачьего сердца», в бельэтаж, поворачиваю... Дверь. На ней номер 22 и табличка: «Яков Ефимович Шапиро». За ней — тайна. Звоню.

— Здравствуйте, «Собачье сердце» читали?

— А как же! Заходите!

— Тут, понимаете, такая история...

— Все правильно, Булгаков здесь бывал...

Опять везение? Или что-то еще?

Яков Ефимович был известным врачом-дантистом, рассказывает хозяйка квартиры, врач-хирург Рина Марковна Брейтман. Он выполнял весьма ответственную работу (имеется в виду Кремль). Дома у него лечились многие знаменитости: Горький, Бабель, Марецкая... Лечился здесь и Михаил Афанасьевич. Рина Марковна приносит книгу Булгакова, подарок его вдовы, Елены Сергеевны, открывает, достает сложенный белый листок.

«Москва 18.XI.55

Многоуважаемый Яков Ефимович!

Если бы Михаил Афанасьевич был жив, он бы, конечно, надписал Вам эту книгу, так как испытывал к Вам чувство большого уважения, как к Человеку и к громадному мастеру своего дела — он это безумно уважал!

Я не считаю себя вправе ставить свое имя на этой книге. Я только прошу поверить в искренность моего отношения к Вам и к Эмилии Михайловне.

С сердечным уважением *Елена Булгакова*».

Это второй булгаковский адрес в Чистом переулке. Третий — тоже совсем близко, стоит только перейти через дорогу и войти во двор дома № 9. Вы увидите прекрасный кирпичный гараж, который к Булгакову никакого отношения не имеет. Раньше на его месте... Впрочем, воспользуемся лучше гостеприимством второй жены писателя Любви Евгеньевны Белозерской, внимательной, веселой и остроумной хозяйки *. Ей хорошо запомнилась «голубятня» — двухэтажная ветхая деревянная постройка, тесно населенная самым разнообразным людом. Жили Булгаковы на втором этаже между двух огней — постоянно враждующих соседей. Живой рассказ Любви Евгеньевны буквально окунает в затейливый быт «голубятни». Как будто своими глазами вижу я древнюю графиню Татищеву в широкополой черной шляпе с распластавшимся на ней горностаем, которая, появившись под окнами, певучим нетвердым голосом произносит: «Императрица кланяется вам». Вижу Булгакова, озабоченно поглядывающего в окно и говорящего жене: «Уйми старушку. Для ее же пользы говорю». Полтора года провели в этом первом собственном жилье Любовь Евгеньевна и Михаил Афанасьевич. До этого они, проведя несколько дней у подруги в Арбатском

* 27 января 1987 г. Любовь Евгеньевна Белозерская скончалась.

переулке, около месяца жили у сестры Булгакова Надежды на улице Герцена, 46, в здании школы, которой Надежда Афанасьевна заведовала. Полтора года, выходя из подворотни дома № 9 в Обуховом переулке, видел Булгаков готические формы красивого серого здания напротив с выступающим фонарем трехстворчатым окном. Запомните это здание в Обуховом, 10, запомните это окно.

Есть, однако, в Чистом переулке и четвертый интересный адрес.

ПОДВАЛ МАСТЕРА

Однажды Александр Шамаро рассказал, что как-то в дом № 4 пришли две женщины и с интересом стали все осматривать. Они объяснили, что здесь находился подвал Мастера.

«Выиграв сто тысяч, загадочный гость Ивана поступил так: купил книг, бросил свою комнату на Мясницкой... <...> Нанял у застройщика две комнаты в подвале маленького домика в садике. <...>

— Ах, это был золотой век,— блестя глазами, шептал рассказчик,— совершенно отдельная квартирка, и еще передняя, и в ней раковина с водой,— почему-то особенно горделиво подчеркнул он,— маленькие оконца над самым тротуарчиком, ведущим от калитки. Напротив, в четырех шагах, под забором, сирень, липа и клен» (с. 113).

По таким приметам можно прийти почти в любой арбатский дворик, но эти женщины пришли именно сюда, во двор дома № 4. Не сомневаюсь, что это не случайно. Место это Булгаков знал хотя бы потому, что у дома № 4 и дома № 6, где жил Шапиро, общий двор. Вероятно, у посетительниц были и другие доводы, но найти этих женщин пока не удалось, и мы не знаем, чем они руководствовались. Зато, к сожалению, знаем, что в романе примет для поиска явно недостаточно. Существуют и другие версии подвала. Л. Е. Белозерская считает, что он находился в Плотниковом переулке, дом 10/28, где одно время жил друг Булгакова, Павел Сергеевич Попов. Прошу прощения у Любви Евгеньевны, но мне это кажется ошибочным, так как по роману (не только по тексту, но и по духу, по образу) подвал был в маленьком уединенном домике, а дом 10/28 — многоэтажный добротный каменный дом. Третья версия — версия художника Басырова. Выбирая натуру для иллюстраций к роману, Басыров остановился на доме № 45/26 по Сивцеву Вражку, полагаясь на творческую интуицию. Проверка этой версии не дала положительного результата. Известны и другие, еще более слабые версии.

Было ясно, что с подвалом предстоят большие трудности, но однажды, копаясь в фототеке Музея архитектуры, я как-то разговорился с одним архитектором. Он с интересом посмотрел мои материалы и вдруг спросил: «А разве вы не знаете, что подвал Мастера был в Мансуровском переулке?» Вопрос этот не особенно удивил

меня. Множество людей сообщало мне множество адресов, где «абсолютно точно» находился подвал. «Почему вы так думаете?» — спросил я без особого энтузиазма. «Да это все знают!» Хорошенькое дельце — все знают, кроме меня. «А более серьезные доводы у вас есть?» — «А как же! Там жил друг Булгакова, художник Топленинов. В подвале. Булгаков часто бывал там. Это точно тот самый подвал. Да вы только войдите туда, сразу поймете!» Я вспомнил фотоснимок с Топлениновым, сделанный Н. А. Ушаковой, и каким-то шестым чувством вдруг уловил, что это серьезно. «Адрес?» — «Мансуровский, 9». Через минуту, бросив незаконченную работу, я, превышая скорость и нарушая правила движения, мчался в Мансуровский. Вот он! Долго стучал в ворота и окна. Безуспешно. Дома никого не оказалось. Побегав вокруг дома, я махнул через забор...

Это было как во сне. Я попал в другой мир, в другое измерение. Только что была Москва. Громадная, стремительная, шумная, а тут... До неправдоподобия неподвижный, совершенно заросший дворик с замершим заброшенным домом. Особенно поражало, что ни один звук с улицы не доносился сюда. Тишина, неподвижность и тени. Множество теней тарашилось на меня отовсюду. Мигом припомнились все таинственные дома, о которых мне довелось когда-либо читать. Я будто попал в колодец, доверху затопленный тайной. Самая большая и густая тень сидела за дверью, ведущей в подвал. «А ведь он был прав, ох как прав...» — бормотал я, продвигаясь к подвалу. Вошел, зажег спичку. Вниз уходило несколько ступенек, где-то рядом журчала вода. Прошло только несколько секунд, а я уже не знал, находясь ли я в незнакомом доме или читаю у себя «Мастера и Маргариту».

Нет. Так нельзя. Я вышел наружу. Все надо проверять. Мансуровский переулок... Тут где-то жил друг Булгакова Ермолинский. Надо будет ему позвонить, может быть, он что-нибудь слышал об этом доме. «Мансуровский переулок, 9? — спросил Сергей Александрович. — Да это мой адрес! Я десять лет прожил в этом доме!» Через несколько дней я уже сидел в пронзительно скрипящем плетеном кресле в коттедже Сергея Александровича в Переделкино и слушал о Булгакове, Елене Сергеевне, о доме в Мансуровском переулке, жившем некогда искрящейся, веселой и беспокойной жизнью. О том, как по вечерам под листвой окаменевшего теперь сада зажигался огонек импровизированного кафе «Нато Вачнадзе», и стекались на свет его друзья, друзья, друзья... О художнике Топленинове, стучавшем щеткой в потолок подвала, приглашая сидящих наверху Булгакова и Ермолинского на рюмочку чего-нибудь.

На фото, сопровождающем статью Б. Мягкова и А. Шамаро, ошибочно сняты окна левой части подвала. Л. Е. Белозерская и Н. А. Ушакова объяснили, что в те годы пользовались только правой калиткой, так что ноги, мелькавшие на дорожке, «ведущей от калитки», могли быть видны только из подвальных окон правой части дома. Я часто заглядывал в «маленькие оконца над самым тротуарчиком, ведущим от калитки», и вспоминал строки романа:

Т. Н. Кисельгоф (Лаппа). 1981, Туапсе.

Михаил Булгаков. 1912 (?), Саратов (?)

Тася Лаппа. Саратов

А. И. Булгаков, отец Михаила

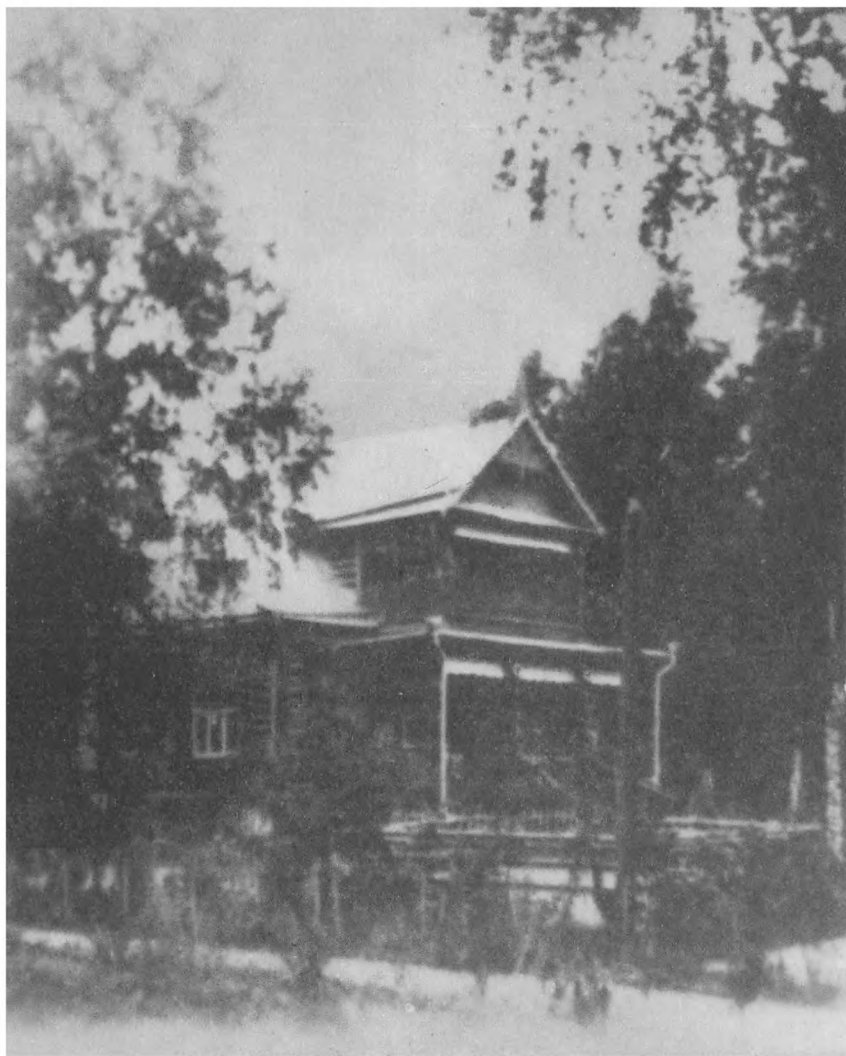
В. М. Булгакова (Покровская), мать Михаила

Н. А. Булгаков, брат Михаила. 30-е годы, Париж

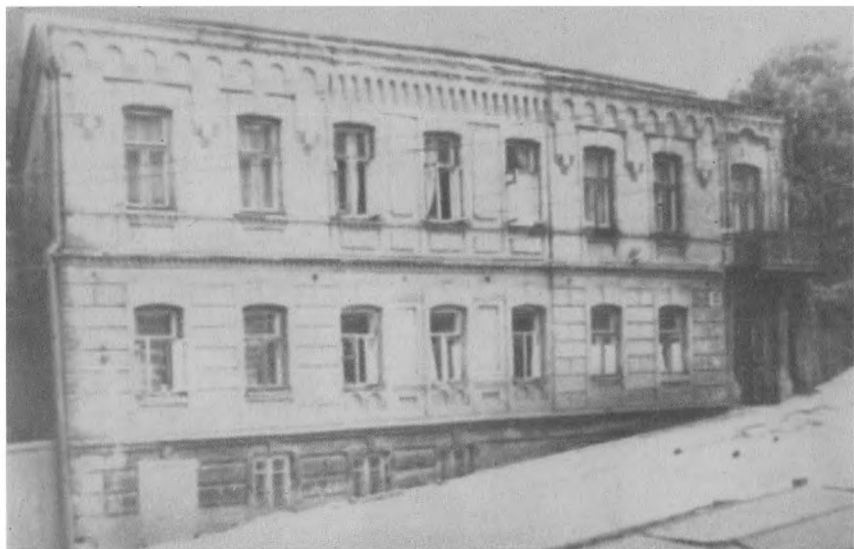
И. А. Булгаков, брат Михаила. 30-е годы, Париж

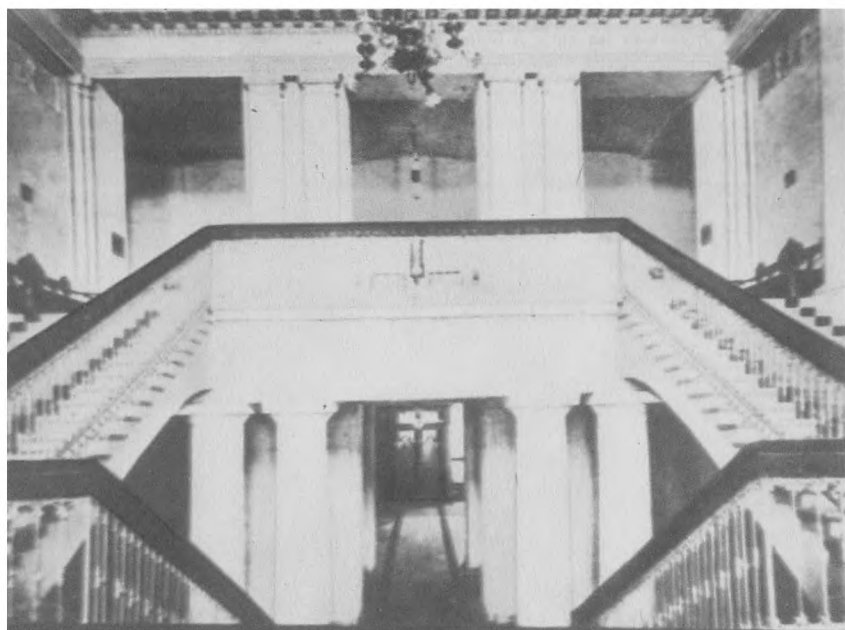
Дача Булгаковых под Киевом в Буче

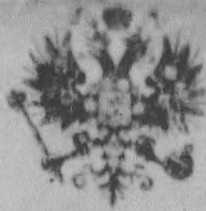
Булгаковы с друзьями на даче в Буче. 1913

Дом № 13 на Андреевском спуске в Киеве, где семья Булгаковых с 1906 года занимала второй этаж

Лестница 1-й Александровской гимназии в Киеве, где учились братья Булгаковы и их друзья. (Упоминается в «Белой гвардии».)

ДИПЛОМЪ.

Медицинская испытательная комиссия при ИМПЕРАТОРСКОМЪ университетѣ въ Владыкѣнскомъ свидѣтельствуеъ, что **Булгаковъ Михаилъ Афанасьевичъ**, сынъ чиновника, вѣроисповѣданія православнаго, родившійся 3 мая 1891 года, прослушалъ полный курсъ медицинскаго факультета и весьма удачно теоретически выдержалъ установленныя испытанія 6 апрѣля 1916 года, на основании ст. 481 Уст. Учеб. Зак.-т. XI, ч. 1. Св. Зак., изд. 1893 года, и ст. 305 Уст. Врачебн., т. XIII, изд. 1905 года, утвержденъ въ степени **доктора съ отличіемъ** со всеми прізами и преимуществами, законами Россійской Имперіи соеъ степени причисляемыми.

Въ удостовѣреніе сего выданъ **Булгакову Михаилу** настоящий дипломъ съ приложеніемъ печати. Г. Киевъ, октября // дня 1916 года.

№ 39665
5540

Исполнитель Киевскаго Учебнаго Округа,
Действительный Статскій Советникъ и Канцлеръ *Г. Б. Францъ*

Предсѣдатель медицинской испытательной комиссіи *А. Сауловъ*

Принимаетъ канцелярія *В. М. Васильевъ*

В. А. Карум (Булгакова) и Л. С. Карум, послужившие прототипами Елены и Тальберга («Белая гвардия»)

М. А. Булгаков. 1920 (?) Владикавказ (?)

Бутон и его «визитка» на дверях квартиры на Б. Пироговской.

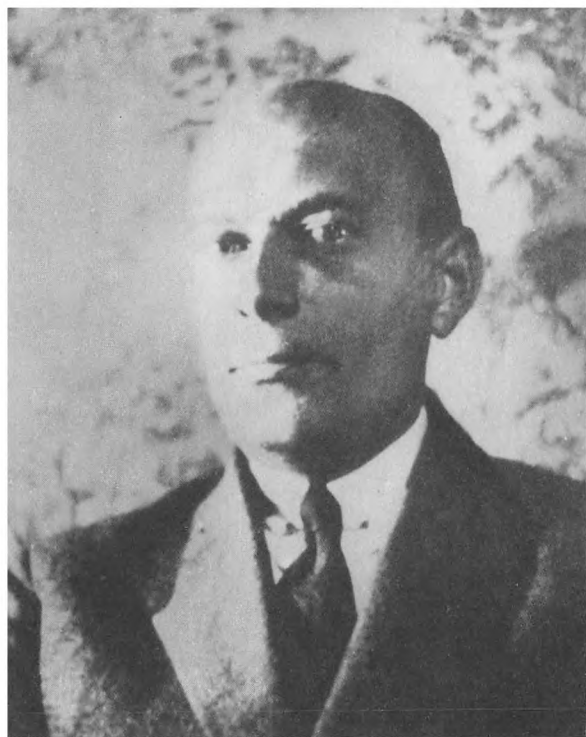
Ныне Б. Садовая, д. 10, где с сентября 1921 по ноябрь 1924 жил М. А. Булгаков.

М. А. Булгаков. 1926. Москва.

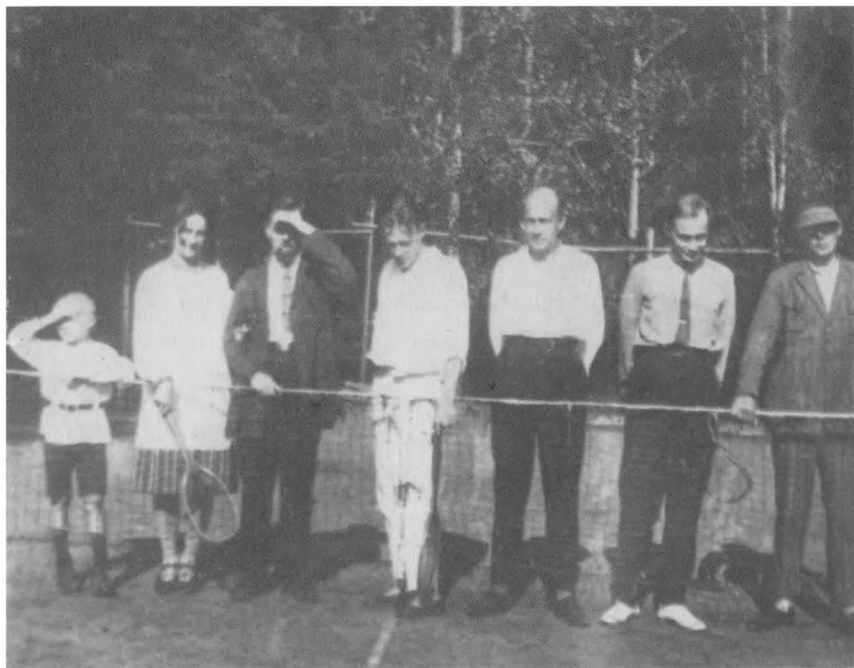
Н. А. Ушакова.

Н. Н. Лямин.

Комната Н. А. Ушаковой и Н. Н. Лямина в кв. 66 дома № 7 в Савельевском переулке, где так часто бывал М. А. Булгаков.

М. А. Булгаков на даче Понсовых в Крюково. 1926.

Идет снимок сдвинул мой
Когда Булгаков и меня
в Левшинском переулке
Сидит: Булгаков, В. Домо
Юркин, С. Степанов и
Татьяна Васильева
20-IX-81.. Н. Ушаков

Фотография из семейного альбома Н. А. Ушаковой. Первый слева — М. А. Булгаков.

Е. С. Булгакова, третья жена писателя

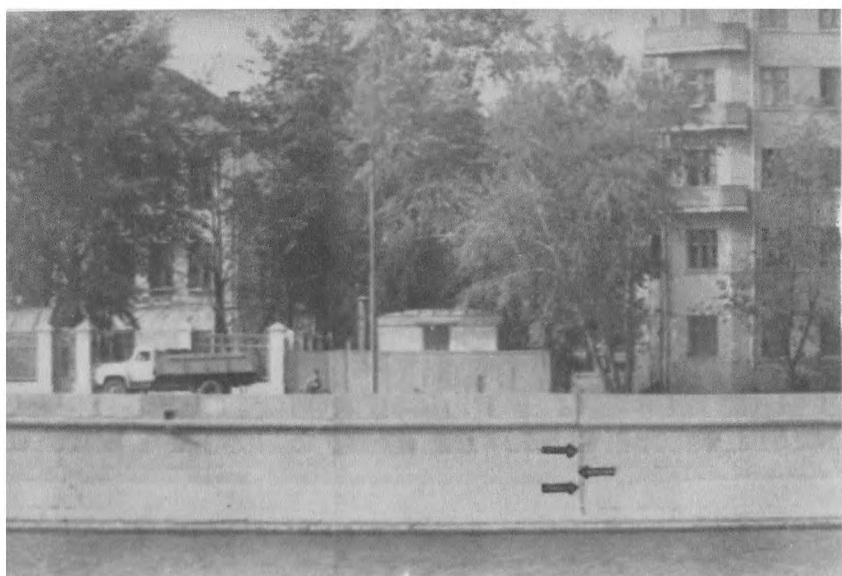
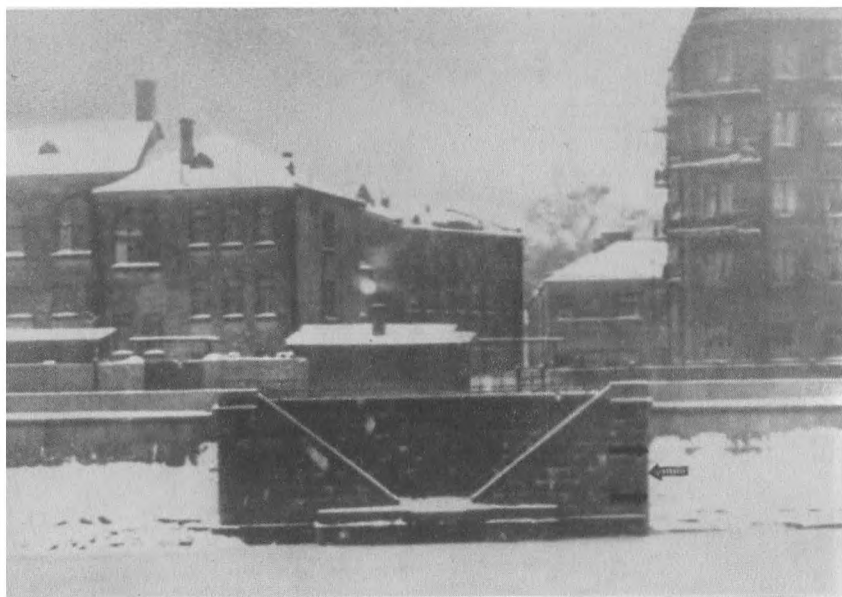
Последний адрес М. А. Булгакова: Нащокинский пер. (ул. Фурманова), д. 3/5

Кабинет М. А. Булгакова в Нащокинском

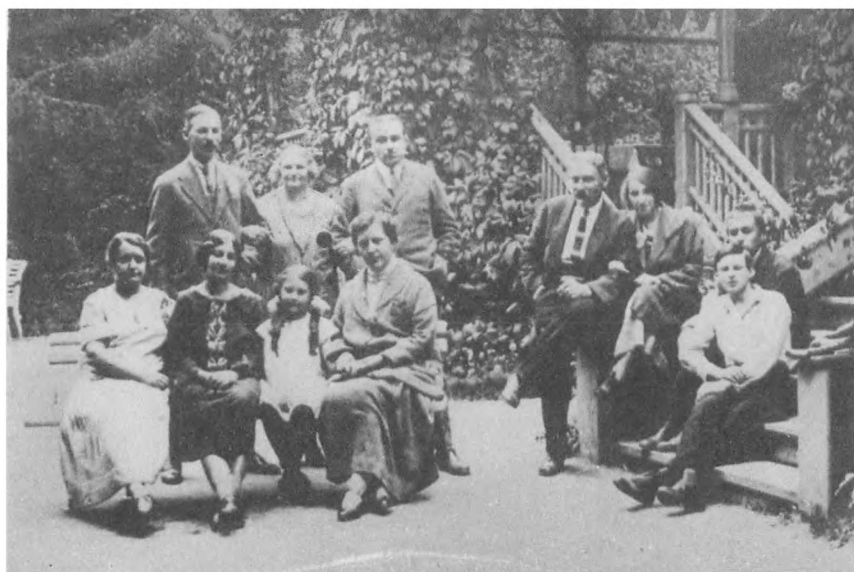
Дом № 9 в Мансуровском пер. («Подвал Мастера»).

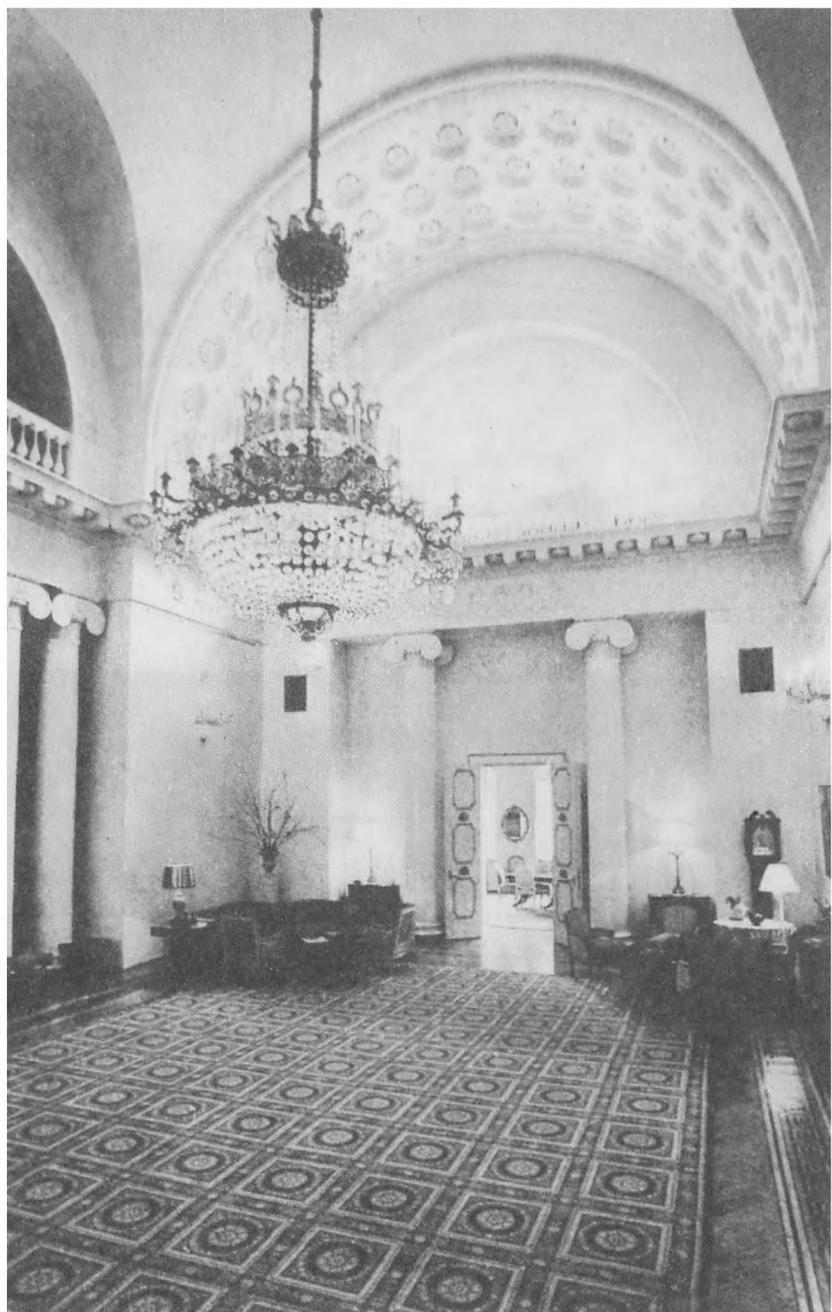
«Через самое короткое время можно было увидеть Ивана Николаевича на гранитных ступенях амфитеатра Москвы-реки...» «Мастер и Маргарита». Вверху — снимок 30-х годов. Внизу — то же место сегодня.

Спасо Хаус

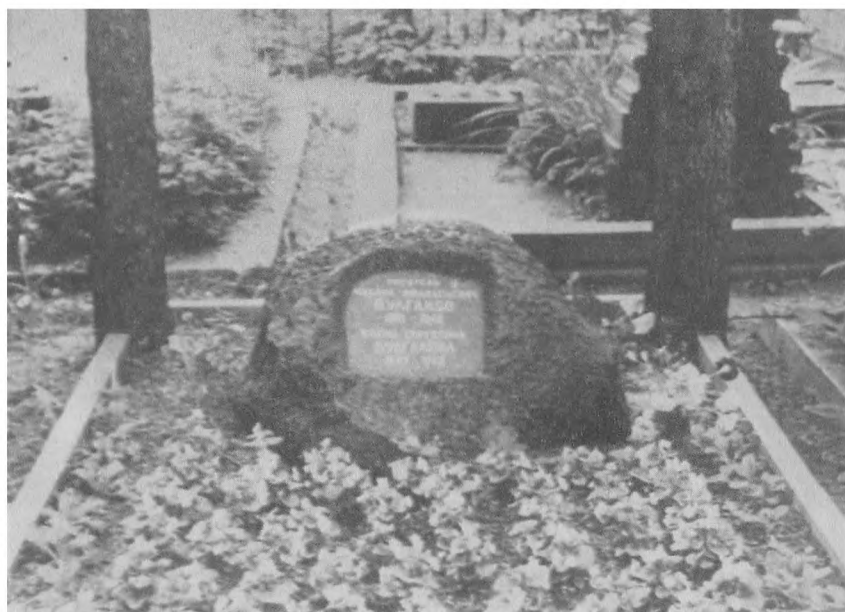
В верхнем ряду третий слева — Б. Штейгер, прототип барона Майгеля («Мастер и Маргарита»).

Спасо Хаус. Большой зал

Могила Н. В. Гоголя.

Могила М. А. Булгакова на Новодевичьем кладбище в Москве.

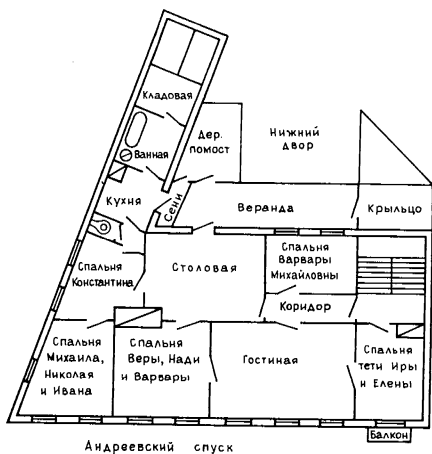

Схема 1. Квартира Булгаковых в Киеве. Размещение членов семьи в 1913

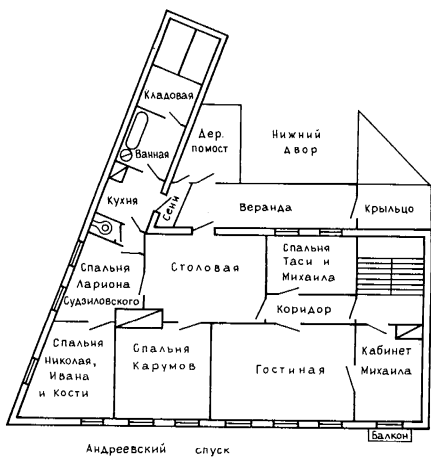

Схема 2. Размещение членов семьи Булгаковых в той же квартире в 1918

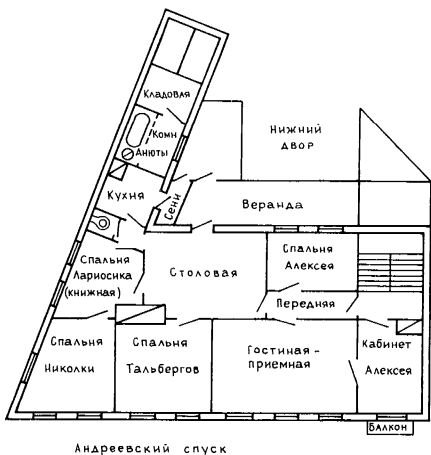
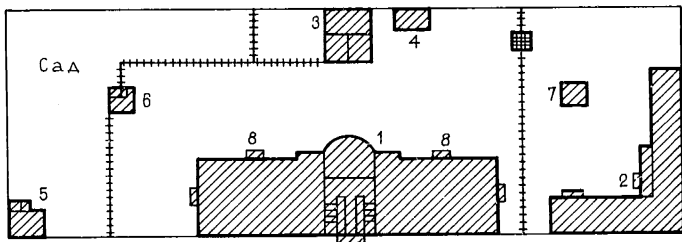

Схема 3. Квартира Турбиных («Белая гвардия»)

Фундуклеевская улица

Схема 4. Территория анатомического театра Университета Св. Владимира в Киеве

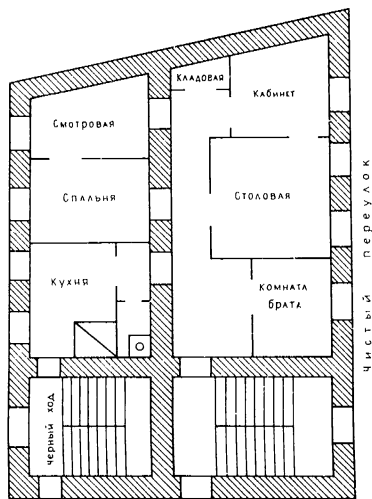

Схема 5. Квартира Н. М. Покровского

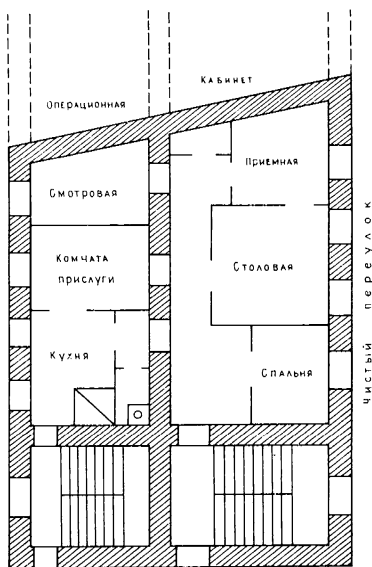

Схема 6. Квартира профессора Преображенского («Собачье сердце»)

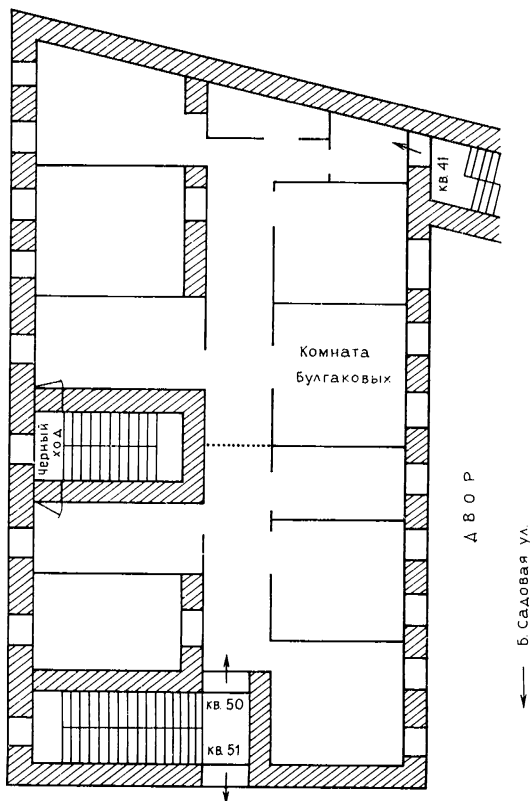

Схема 7. Квартира № 50
в доме по Б. Садовой. 1921

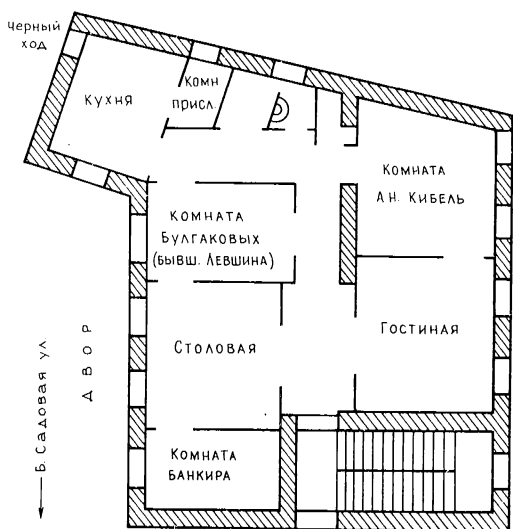
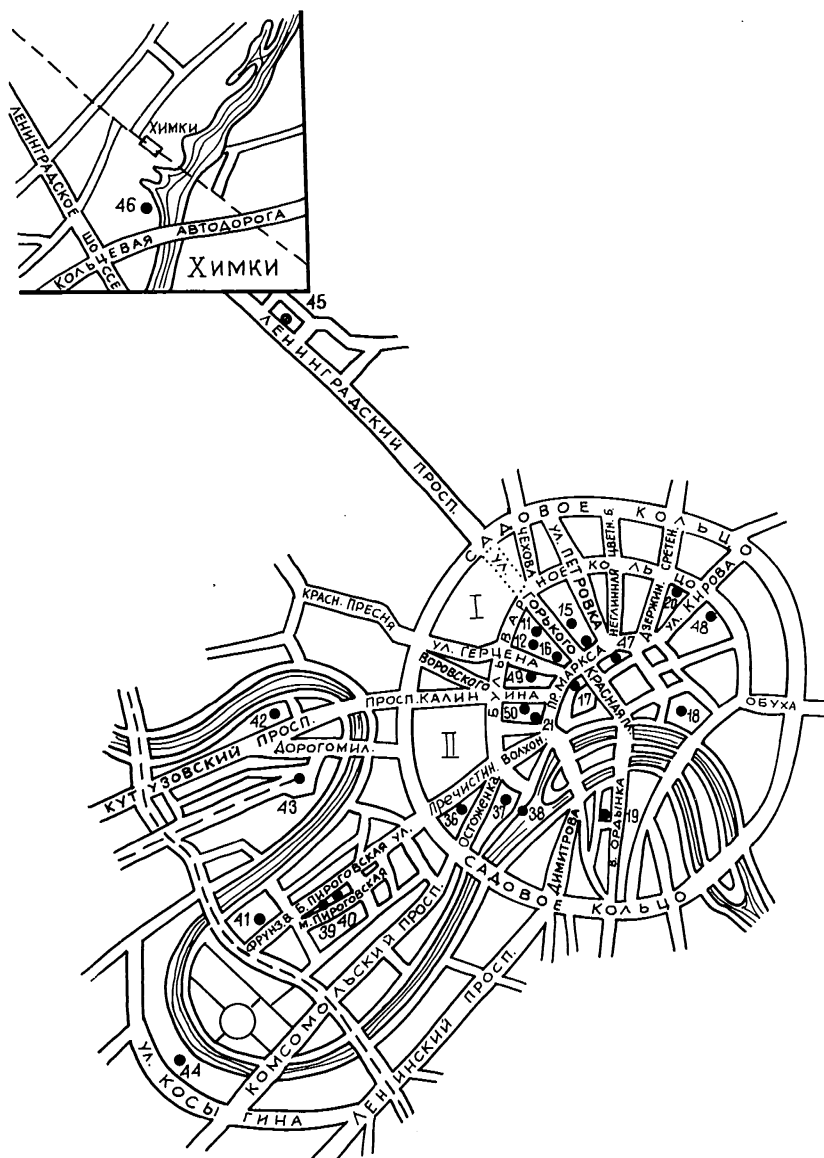

Схема 8. Квартира № 34,
где жила семья Манасевичей,
в том же доме. 1924.

Схема 9.
«МОСКВА МИХАИЛА БУЛГАКОВА».

«Я открыл оконца и сидел во второй, совсем малюсенькой комнате,— гость стал отмеривать руками,— так... вот диван, а напротив другой диван, а между ними столик, и на нем прекрасная ночная лампа, а к оконцу ближе книги, тут маленький письменный столик, а в первой комнате — громадная комната, четырнадцать метров — книги, книги и печка». Вспоминал и видел две комнаты в подвале: первую — большую, метров четырнадцать, с печкой, и вторую — совсем малюсенькую.

ОСОБНЯК МАРГАРИТЫ

Недалеко от подвала Мастера «Маргарита Николаевна со своим мужем вдвоем занимали весь верх прекрасного особняка в саду в одном из переулков близ Арбата. Очаровательное место!» В конце повествования туда приходит Иван Николаевич. «Он проходит мимо нефтелавки, поворачивает там, где висит покосившийся старый газовый фонарь, и подкрадывается к решетке, за которой он видит пышный, но еще не одетый сад, а в нем — окрашенный луною с того боку, где выступает фонарь с трехстворчатым окном, и темный с другого — готический особняк». Здесь Маргарита простилась со своей прежней жизнью и кинулась в захватывающий и чем-то тревожащий нас полет. «Пролетев по своему переулку, Маргарита попала в другой, пересекавший первый под прямым углом. Этот заплатанный, заштопанный, кривой и длинный переулок с покосившейся дверью нефтелавки, где кружками продают керосин и жидкость от паразитов во флаконах, она перерезала в одно мгновение (...). Третий переулок вел прямо к Арбату». Как видим, информации об особняке не больше, чем о подвале. Да и особняков этих в арбатских переулках не меньше, чем подвалов, но все же попытаемся его найти. Попробуем здесь метод исключения.

С какой стороны Арбата находился особняк, с правой или с левой? «Она пересекла Арбат, поднялась выше, к четвертым этажам, и мимо ослепительно сияющих трубок на угловом здании театра проплыла в узкий переулок с высокими домами». Итак, чтобы попасть к театру, ей пришлось пересечь Арбат, значит, особняк находится с противоположной стороны. Театр на Арбате только один — театр Вахтангова, и стоит он на правой от центра стороне Арбата, значит, искать надо в переулках, расположенных слева от Арбата. Разделим эти переулки пополам и попробуем определить, в какой части надо искать: ближе к центру или ближе к Садовому кольцу? Чтобы попасть в переулок, на углу которого стоит театр, Маргарита проплыла мимо здания театра, следовательно, она летела от центра. Отпало уже три четверти переулков. Еще мы знаем, что искомый переулок третий от Арбата. Отбросим тогда все первые, вторые и четвертые от улицы Арбат переулки. Осталось всего три: Большой Власьевский, улица Танеевых и переулок Аксакова. Теперь можно было бы просто пройти по ним и поискать особняк, но за сорок лет он мог быть снесен или до неузнаваемости перестроен.

Вот и исчерпаны все наши возможности. Хотя... А где была нефтелавка? Вновь поднимаем довоенные справочники, но безрезультатно: такая мелочь, как нефтелавка, не удостоилась их внимания. Ничего. Попробуем старожилков.

— Здравствуйте, бабуся. Где тут у вас керосином торговали?

— Да нету уж его, милоч, керосину-то...

— Ну, а раньше где был?

К концу дня нефтелавка немного обозначилась, но полагаться на это было все же рискованно. Что еще остается? Архитектурные архивы? И еще раз прочесать Центральную справочную библиотеку. Кстати, вот эту тоненькую книжечку мы, кажется, еще не смотрели. «Дополнения и изменения к справочнику „Вся Москва“». Торговля, магазины и — о счастье! — нефтелавки.

Их в этой части Арбата оказалось три, а в зоне поиска лишь одна: нефтелавка № 34 в Сивцевом Вражке, дом 22. А вот и особняк! Улица Танеевых, дом 12. Действительно прекрасный, двухэтажный, каменный, с пышным садом, чугунной решеткой и воротами. Проверая еще раз, пройдем по маршруту полета Маргариты. Выходим (а жаль, что не вылетаем) через ворота в первый переулок, пересекаем мимо места нефтелавки второй — Сивцев Вражек и через третий, Калошин переулок, выходим прямо на Арбат. Батюшки! Да мы около театра! Одно только обстоятельство не укладывается в легенду: особняк не готический и фонаря с трехстворчатым окном не видно. Вот теперь и припомните дом 10 в Обуховом. Бывал ли Булгаков на улице Танеевых? Видал ли прекрасный особняк с чугунной оградой? Еще бы! Напротив, в маленьком невзрачном сером домике с деревянным забором (дом 9), жила сестра третьей жены писателя Ольга Сергеевна Бокшанская, которая была замужем за актером МХАТа Калужским и являлась личным секретарем Немировича-Данченко. Таким запомнился дом Калужских Наталии Абрамовне Ушаковой и Марине Владимировне Дмитриевой, жене известного художника Владимира Владимировича Дмитриева.

Дмитриевы были очень дружны с Михаилом Афанасьевичем и Еленой Сергеевной Булгаковыми. Вы прекрасно знаете их дочь, обаятельную Анну Владимировну Дмитриеву, спортивного комментатора Центрального телевидения. Ее муж — Дмитрий Николаевич Чуковский, один из авторов телевизионного документального фильма о Михаиле Булгакове. Марина Владимировна рассказала мне, что однажды, когда она шла по улице с Михаилом Афанасьевичем, тот неожиданно сказал: «Когда я умру, моя душа переселится в твоего ребенка». Прошло время. Михаил Афанасьевич стал болеть, здоровье его резко ухудшилось. 10 марта 1940 года он умер. Ровно через девять месяцев, день в день, 10 декабря 1940 года родилась Анна Владимировна Дмитриева.

Итак, мимо углового здания театра Маргарита проплыла в узкий переулок с высокими домами — улицу Вахтангова. Очень скоро вслед за ней туда пронеслись пожарные машины: Маргарита громила Дом Драмлита.

ДОМ ДРАМЛИТА. ДОМ НА СПАСО. ДОМ ПАШКОВА

В конце переулка «ее внимание привлекла роскошная громада восьмизэтажного, видимо, только что построенного дома. Маргарита пошла вниз и, приземлившись, увидела, что фасад дома выложен черным мрамором, что двери широкие, что за стеклом их виднеется фуражка с золотым галуном и пуговицы швейцара и что над дверьми золотом выведена надпись: „Дом Драмлита”».

...Дом № 6 на улице Вахтангова не восьмизэтажный, и фасад его не блещет черным мрамором, но все же именно это здание было построено в 30-х годах для деятелей искусства. Есть, правда, и другой дом — почти точная копия булгаковского. И фасад отделан черным полированным камнем, и квартира 84, с которой Маргарита начала погром, расположена в восьмизэтажном его крыле, и даже расположение других квартир совпадает, и главное — это писательский дом. Его адрес: Лаврушинский переулок, 17. С. А. Ермолинский рассказал, что именно на этот дом указывала Елена Сергеевна Булгакова. Мы не будем стучаться в двери 84-й квартиры. Из многочисленных работ известно, что прототипом ее хозяина, Латунского, был критик Литовский.

Вернувшись из фантастического полета, Маргарита впервые появляется в уже известной нам «нехорошей квартире» на Садовой улице, где за невзрачной квартирной дверью с номером 50 на табличке разверзаются залы шикарного особняка со Спасопесковской площадки, 10 — резиденции посла США в СССР — и дает «весенний бал полнолуния» Сатана.

Однако кончен бал, «нехорошая квартира» уже догорает, и остались лишь минуты до того, как с недалекого, мирного пока перекрестка повалит густой черный дым.

«...Через четверть часа после начала пожара на Садовой у зеркальных дверей Торгсина на Смоленском рынке появился длинный гражданин в клетчатом костюме и с ним черный крупный кот».

Это недалеко от «Дома на Спасо». Смоленский рынок занимал большую площадь на перекрестке Арбата и Садового кольца, а Торгсин («торговля с иностранцами») располагался в светлых залах нынешнего гастронома № 2 на углу Арбата, д. 54/2, что хорошо видно на довоенном снимке этого огромного для тех времен здания.

«На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, здания, построенного около полутора лет назад, находились двое: Воланд и Азazelло. Они не были видны снизу, с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до самых краев».

В телевизионном фильме о творчестве Михаила Булгакова Константин Симонов определяет это здание как дом Пашкова — старое здание Библиотеки им. Ленина. Привычных нам высотных зданий

до войны еще не было, а дом Пашкова расположен на достаточно высоком для обзора месте. Однако расположение дома, гипсовые вазы с цветами и возраст его еще не доказательство. Уверенность появляется после знакомства с первыми редакциями романа, где упоминаются и читальные залы. В связи с этим интересен довоенный фотоснимок, найденный мною в фонде уникальных снимков фототеки Музея архитектуры, запечатлевший вид старой Москвы с крыши Библиотеки им. Ленина. Перед нами разворачивается панорама, созерцаемая некогда прощающимся с Москвой Воландом.

Свой последний след в Москве герои романа оставляют на Ленинских горах, и след внушительный. Рядом с Маргаритой от свиста Фагота «с корнем вырвало дубовое дерево, и земля покрылась трещинами до самой реки. Огромный пласт берега, вместе с пристанью и рестораном, высадило в реку. Вода в ней вскипела, взметнулась, и на противоположный берег, зеленый и низменный, выплеснуло целый речной трамвай с совершенно невредимыми пассажирами». Мастер прощался с Москвой, «глядя на раскинувшийся за рекою город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни Девичьего монастыря».

Тяжело больной Михаил Афанасьевич уже знал, что его последним домом будет именно это кладбище.

«ГОЛГОФА»

Он был похоронен среди могил мхатовцев недалеко от общежития на Малой Пироговской, 18, где провел первую после переезда в Москву ночь в далеком 1921 году, недалеко от дома 35 на Большой Пироговской, где прошли самые трудные годы его жизни.

Владимир Яковлевич Лакшин пишет, что Михаил Афанасьевич, будучи страстным почитателем Гоголя, в своем письме от 30 января 1932 г. восклицает в трудную минуту: «Укрой меня своей чугунной шинелью!» Спустя много лет Елена Сергеевна положила на могилу Булгакова камень, пролежавший на могиле Гоголя ровно сто лет. Так рассказывают. Назвали этот камень «Голгофа» из-за необычной формы, черного цвета и странного вида поверхности. Выбран он был Константином Аксаковым в Крыму специально для могилы Гоголя, так как чем-то напоминал Лысую гору.

Да, так рассказывают. Но уверенности в том, что это тот самый камень, не было. Не было и подтверждения происхождения камня. В одном издании 1902 года я нашел фотоснимок могилы Гоголя. «Голгофа» видна там отчетливо, с мельчайшими деталями. Была сделана фотокопия и сличена со снимками камня на могиле Михаила Булгакова, сделанными в различных ракурсах и при различном освещении. Камни были похожи, как близнецы, но размеры... На фото могилы Гоголя камень был чуть ли не вдвое больше. Ясность внесла М. В. Дмитриева, сразу узнавшая камень на снимке могилы Гоголя. Она рассказала, что камень этот стоял раньше «во

весь рост», но после похорон Е. С. Булгаковой в 1970 г. был положен горизонтально и наполовину зарыт в землю. Это подтвердил и С. А. Ермолинский. Теперь можно сказать, что камни одинаковые. В архивах кладбища не оказалось никаких записей о надгробии Булгакова. Ничего определенного не смог сказать каталогизатор памятников Г. Г. Антипин. Ничего не вспомнила бывший комендант кладбища Т. Г. Галанова. Тогда я решил обратиться за консультацией к геологам. Сотрудники Института геологии рудных месторождений, петрографии и минералогии АН СССР доктор геол.-минер. наук, профессор Валерий Петрович Петров и кандидат геол.-минер. наук Михаил Алексеевич Лицарев, осмотрев надгробие и исследовав образцы породы под микроскопом, пришли к заключению, что это валун кристаллического сланца, в Крыму не встречающегося. Наиболее вероятно, что камень доставлен с Украины или Урала, где, кстати говоря, у Аксакова было имение.

Надо сказать, что булгаковский камень не уникален. Такие же надгробия встречаются и на других кладбищах Москвы, а только на Новодевичьем их три. Александр Петрович Нолле, сын Президента Академии художественных наук, на могиле которого установлен такой же камень, рассказал, что это надгробие было заказано самым обычным порядком в гранитной мастерской Новодевичьего кладбища. Таким образом, в основе легенды о гоголевской «Голгофе» остается лишь внешнее сходство камней и фраза, сказанная Елене Сергеевне Булгаковой одним из рабочих, что камень этот с могилы Н. В. Гоголя. Теперь имеется лишь одна возможность идентификации — в публикациях прошлого века есть упоминание о выгравированной на «Голгофе» надписи: «Ей гряди Господи Иисусе». Может быть, и обнаружат ее когда-нибудь на скрытой земле части надгробия и вновь вспомнят строки письма Булгакова: «Укрой меня своей чугунной шинелью!» *

На этом рассказ о Городе Мастера не заканчивается. Думаю, он только начинается, потому что Булгаков «остался в Москве навсегда».

См. схемы 9—11.

Москва, 1978—1983

* По слову и сблылось: в 1987 году в «Огоньке» В. Лакшин опубликовал свидетельство Е. С. Булгаковой о существовании на «Голгофе» выгравированной строки из Евангелия, которая позже была сбита.

«НЕ НАШ ЧЕЛОВЕК»

Много загадок оставил нам М. А. Булгаков. Некоторые из них имеют особый характер. Проникнуть в них не позволяют ни архивные исследования, ни изучение биографии писателя, ни литературоведческие разработки, ни расспросы хорошо знавших Булгакова людей, ни другие традиционные методы работы.

Первая загадка связана с его повестью «Роковые яйца»¹. (Забавно, что первоначально повесть называлась «Яйца профессора Персикова»², а в 1950 году, в Париже, вышла по ошибке под названием «Рокковы яйца»³.— Л. П.) Однако прежде, чем коснуться сути вопроса, скажу несколько слов о самой повести, поскольку о ее идейном содержании почти ничего не говорят.

Повесть вышла в свет в 1925 году⁴ и сразу вызвала большой интерес. А. М. Горький: «Булгаков очень понравился мне, очень...»⁵ И. А. Груздев: «Передайте М. Булгакову от редакции „Ковша“ искреннейший привет и горячее желание иметь его в числе своих сотрудников-прозаиков»⁶. С. Н. Сергеев-Ценский: «„Роковые яйца“ — единственное произведение в наших „Недрах“, которое не скучно читать»⁷. Тогда, в 1925 году, не многие заметили, что «Роковые яйца» — острейшая сатира на послереволюционную Россию, рожденную «красным лучом» революции («Верно ли известие, что вы изобрели луч *новой жизни*?» — спрашивает журналист Бронский⁸. «Картину на глазах нарождающейся *новой жизни*» наблюдают другие герои повести⁹). Сатира Булгакова горька и правдива, временами зла и тенденциозна. Это понятно. Ему революция принесла не «освобождение от эксплуатации», а утерю дома, распад семьи, голод и нищету. «Работать приходится не просто, а с остервенением. С утра до вечера, и так каждый день без перерыва. <...> Знакомств масса <...>. Это много значит в теперешней Москве, которая переходит к *новой* невиданной в ней давно уже жизни — яростной конкуренции, беготне, проявлению инициативы и т. д. Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь. В числе погибших быть не желаю», — пишет Булгаков в письме матери в конце 1921 года¹⁰.

Через два месяца в дневнике: «[Я] до сих пор еще без места. Питаемся [с] женой плохо. От этого и писать [не] хочется <...>».

Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем <...> Обегал всю Москву — нет места. Валенки рассыпались»¹¹.

«Жрать было нечего. Я по три дня ничего не ела. Михаил бегал голодный. Без профсоюзного билета меня никуда не брали, а идти за билетом было стыдно, потому что я была в буквальном смысле оборванная», — рассказывает первая жена писателя Т. Кисельгоф¹².

Да, жестокое было время, жестокие высвободило оно силы и чувства, охватывая все больше всю страну.

«...В том месте, где пролегал красный заостренный меч, происходили странные явления. В красной полосочке кипела жизнь. Серенькие амебы выпускали ложноножки, тянулись изо всех сил в красную полосу и в ней (словно волшебным образом) оживали. Какая-то сила вдохнула в них дух жизни. Они лезли стаей и боролись друг с другом за место в луче. В нем шло бешеное, другого слова не подобрать, размножение. Ломая и опрокидывая все законы, известные Персикову, как свои пять пальцев, они почковались на его глазах с молниеносной быстротой. Они разваливались на части в луче, и каждая из частей в течение двух секунд становилась новым и свежим организмом. Эти организмы в несколько мгновений достигали роста и зрелости лишь затем, чтобы в свою очередь тотчас дать новое поколение. В красной полосе, а потом и во всем диске стало тесно, и началась неизбежная борьба. Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали в клочья и глотали. Среди рожденных лежали трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны. Во-первых, они объемом приблизительно в два раза превышали обыкновенных амеб, а во-вторых, отличались какой-то особенной злобой и резвостью. <...>

— ...Да вы гляньте, — Иванов за ножку поднял со стеклянного стола невероятных размеров мертвую лягушку с распухшим брюхом. На морде ее даже после смерти было злобное выражение, — ведь это же чудовищно» («Роковые яйца»)¹³.

О «красном луче» пишут «красные журналы»: «Красный Огонек», «Красный перец», «Красный журнал», «Красный Проектор», газета «Красная вечерняя Москва» и даже «Красный ворон», издание ГПУ. Отсвет малинового пятна, созданного «красным лучом», окрасил все вокруг: он и в «резких красных рефлекторах», освещающих объявления на стендах, в «жгучих малиновых рефлекторах», освещающих плакаты, в «малиновых башлыках» на серых спинах, «в заломленных малиновых шапках», в малиновом ковре громадного зала Цекубу, в «малиновом трико» цирковой наездницы. Охвативший страну голод аллегорично отразился в повести как «куриный мор в республике».

«Дойдя на севере до Архангельска и Сюмкина Выселка, мор остановился сам собой по той причине, что идти ему дальше было некуда — в Белом море куры, как известно, не водятся. Остановился он и во Владивостоке, ибо далее был океан. На далеком юге пропал и затих где-то в выжженных пространствах Ордубата,

Джульфы и Карабулака, а на западе удивительным образом задержался как раз на польской и румынской границах. Климат, что ли, там был иной, или сыграли роль заградительно-кордонные меры, принятые соседними правительствами...»¹⁴

В борьбе с бедствием правительство принимает самые решительные меры:

«Неизвестно, точно ли хороши были лефортовские ветеринарные прививки (намек на знаменитую Лефортовскую тюрьму.— Л. П.), умели ли заградительные самарские отряды, удачны ли крутые меры, принятые по отношению к скупщикам яиц в Калуге и Воронеже, успешно ли работала чрезвычайная московская комиссия — но хорошо известно, что через две недели после последнего свидания Персикова с Альфредом в смысле кур в Союзе республик было совершенно чисто»¹⁵.

И вот, начались роковые события:

«В дверь постучали.

— Ну? — спросил Персиков.

Дверь мягко скрипнула, и вошел Панкрат. Он сложил руки по швам и, бледнея от страха перед божеством, сказал так:

— Там до вас, господин профессор. Рокк пришел.

Подобие улыбки показалось на щеках ученого. Он сузил глазки и молвил:

— Это интересно. Только я занят.

— Они говорят, что с казенной бумагой из Кремля.

— Рокк с бумагой? Редкое сочетание...»¹⁶

Не требует комментариев, какую общественную силу олицетворяет в повести Рокк:

«В 1919 году этот человек был совершенно уместен на улицах столицы, он был терпим в 1924 году, в начале его, но в 1928 году он был странен <...> ...На вошедшем была кожаная двубортная куртка, зеленые штаны, на ногах обмотки и штилеты, а на боку огромный старой конструкции пистолет маузер в желтой битой кобуре»¹⁷.

Несмотря на свою серость и невежество, Рокк наделен полномочиями выводить с помощью «красного луча» гигантских кур и создать в стране продовольственное изобилие. Серое и красное, невежество и власть. В этом роковом соединении — начало гигантской катастрофы.

«Люди Рокка увезли три больших камеры. <...> ...Серость овладела институтом, потекла по коридорам»¹⁸.

И уже не сереных амёб оживляет «красный луч» «новой жизни», не гигантских кур. Попав в руки человека в кожаной куртке с маузером на поясе, он породил огромных свирепых гадов, неся не всеобщее благоденствие, а разрушение и смерть.

Текст повести «Роковые яйца» содержит множество других подкреплений высказанной мной точки зрения, но я должен быть краток, так как это лишь вспомогательная тема данной работы.

Итак, первая загадка Булгакова содержится в повести «Роковые яйца»:

«Он бодро выбежал из дворца, пересек двор совхоза и по ивовой аллейке направился к пруду. Бодро шел Рокк, помахивая полотенцем и держа флейту под мышкой. Небо изливало зной сквозь ивы, и тело ныло и просилось в воду. На правой руке у Рокка началась заросль лопухов, в которую он, проходя, плюнул. И тотчас в глубине разлапистой путаницы послышалось шуршание, как будто кто-то поволок бревно. Почувствовав мимолетное неприятное сосание в сердце, Александр Семенович повернул голову к заросли и посмотрел с удивлением. Пруд уже два дня не отзывался никакими звуками. Шуршание смолкло, поверх лопухов мелькнула привлекательная гладь пруда и серая крыша купальника. Несколько стрекоз мотнулось перед Александром Семеновичем. Он уже хотел повернуть к деревянным мосткам, как вдруг шорох в зелени повторился и к нему присоединилось короткое сипение, как будто высочилось масло и пар из паровоза. Александр Семенович насторожился и стал всматриваться в глухую стену сорной заросли.

— Александр Семенович,— прозвучал в этот момент голос жены Рокка, и белая ее кофточка мелькнула, скрылась, но опять мелькнула в малиннике.— Подожди, я тоже пойду купаться.

Жена спешила к пруду, но Александр Семенович ничего ей не ответил, весь приковавшись к лопухам. Сероватое и оливковое бревно начало подниматься из чащи, вырастая на глазах. Какие-то мокрые желтоватые пятна, как показалось Александру Семеновичу, усеивали бревно. Оно начало вытягиваться, изгибаясь и шевелясь, и вытянулось так высоко, что перегнало низенькую корявую иву... Затем верх бревна надломился, немного склонился, и над Александром Семеновичем оказалось что-то напоминающее по высоте электрический московский столб. Но только это что-то было раза в три толще столба и гораздо красивее его, благодаря чешуйчатой татуировке. Ничего еще не понимая, но уже холодея, Александр Семенович глянул на верх ужасного столба, и сердце в нем на несколько секунд прекратило бой. Ему показалось, что мороз ударил внезапно в августовский день, а перед глазами стало так сумеречно, будто он глядел на солнце сквозь летние штаны.

На верхнем конце бревна оказалась голова. Она была сплющена, заострена и украшена желтым круглым пятном по оливковому фону. Лишенные век, открытые ледяные и узкие глаза сидели в крыше головы, и в глазах этих мерцала совершенно невиданная злоба. Голова сделала такое движение, словно клюнула воздух, весь столб вобрался в лопухи, и только одни глаза остались и, не мигая, смотрели на Александра Семеновича. Тот, покрытый липким потом, произнес четыре слова, совершенно невероятных и вызванных сводящим с ума страхом. Настолько уж хороши были эти глаза между листьями.

— Что это за шутки...

Затем ему вспомнилось, что факиры... да... да... Индия, плетеная корзинка и картинка... Заклинают.

Голова вновь взвилась, и стало выходить туловище. Александр

Семенович поднес флейту к губам, хрипло пискнул и заиграл, ежесекундно задыхаясь, вальс из «Евгения Онегина». Глаза в зелени тотчас же загорелись непримиримую ненавистью к этой опере.

— Что ты, одурел, что играешь на жаре? — послышался веселый голос Мани, и где-то краем глаза справа уловил Александр Семенович белое пятно.

Затем истощный визг пронизал весь совхоз, разросся и взлетел, а вальс запрыгал как с перебитой ногой. Голова из зелени рванулась вперед, глаза ее покинули Александра Семеновича, оставив его душу на покаяние. Змея приблизительно в пятнадцать аршин и толщиной в человека как пружина выскочила из лопухов. Туча пыли брызнула с дороги, и вальс кончился. Змея махнула мимо заведующего совхозом прямо туда, где была белая кофточка на дороге. Рокк видел совершенно отчетливо: Маня стала желто-белой, и ее длинные волосы как провололочные поднялись над головой. Змея на глазах Рокка, раскрыв на мгновение пасть, из которой вынырнуло что-то похожее на вилку, ухватила зубами Маню, оседавшую в пыль, за плечо так, что вздернула ее на аршин над землей. Тогда Маня повторила режущий предсмертный крик. Змея извернулась пятисаженным винтом, хвост ее взмел смерч, и стала Маню давить. Та больше не издала ни одного звука, и только Рокк слышал, как лопались ее кости. Высоко над землей взметнулась голова Мани, нежно прижавшись к змеиной щеке. Из рта Мани плеснуло кровью, выскочила сломанная рука, и из-под ногтей брызнули фонтанчики крови. Затем змея, вывихнув челюсти, раскрыла пасть и разом надела свою голову на голову Мани и стала налезать на нее, как перчатка на палец. От змеи во все стороны било такое жаркое дыхание, что оно коснулось лица Рокка, а хвост чуть не смел его с дороги в едкой пыли. Вот тут-то Рокк и поседел. Сначала левая и потом правая половина его черной как сапог головы покрылась серебром. В смертной тошноте он оторвался, наконец, от дороги и, ничего и никого не видя, оглашая окрестности диким ревом, бросился бежать...»¹⁹

Впечатляюще, не правда ли? Даже очень впечатляюще. Более того — слишком впечатляюще. Что значит «слишком»? А то, что и для воплощения идейного замысла, и для создания художественно-эмоционального образа, и для сюжета, и для композиции — для всего этого достаточно было и трети пролитой автором крови... Именно автором, а не змеей, так как она — лишь продукт творчества автора. Случайно? Увлекся? Нет. Текст и перечитывался Булгаковым, и правился, и все же оставлен таким, каким мы его видим, т. е. он удовлетворял автора именно в том смысле, что доставлял удовлетворение, несмотря на то, что фраза с «головой Мани, нежно прижавшейся к змеиной щеке», вообще неприкрытый садизм... Но Булгакову даже этого оказалось мало. Тут же, через страницу, читаем:

«Существо, на вывернутых лапах, коричнево-зеленого цвета, с громадной острой мордой, с гребенчатым хвостом, похожее на

страшных размеров ящерицу, выкатилось из-за угла сарая и, яростно перекусив ногу Полайтису, сбilo его на землю.

— Помоги,— крикнул Полайтис, и тотчас левая рука его попала в пасть и хрустнула...»²⁰

Те же цвета, те же размеры, та же голова, тот же хвост, тот же хруст костей, та же смерть. По существу — полный повтор. И опять Булгаков не удовлетворен. Буквально через несколько строк снова:

«Но огромная пружина, оливковая и гибкая, сзади выскочила из подвального окна, перескользнула двор, заняв его весь пяти-саженным телом, и во мгновение обвила ноги Шукина. Его швырнуло вниз на землю, и блестящий револьвер отпрыгнул в сторону. Шукин крикнул мощно, потом задохся, потом кольца скрыли его совершенно, кроме головы. Кольцо прошло раз по голове, сдирая с нее скальп, и голова треснула»²¹.

Такое впечатление, что Булгакова на этой сцене заклинило (ниже я назову это более грамотно — «фиксацией»).

Три раза повторяется сцена в «Роковых яйцах». Три раза возникла страшная змея и в биографии Булгакова.

«Я помню, что очень давно (в 1912—13 г.), когда Миша был еще студентом, а я первокурсницей курсисткой, он дал мне почитать свой рассказ „Огненный змей” — об алкоголике, допившемся до белой горячки и погибшем во время ее приступа: его задушил (или сжег) вползший в его комнату змей (галлюцинация)», — пишет сестра Булгакова, Н. Земская²².

Сравните:

«Роковые яйца»

«...У него была страшная галлюцинация»²³.

«...И стала Маню давить».

«От змеи во все стороны било такое жаркое дыхание, что оно коснулось лица Рокка».

«Огненный змей»

Змея — галлюцинация.

«...Его задушил...»

«... (или сжег) ...» (Хотя Булгаков прекрасно знал, что змеи — холоднокровные существа.—

Л. П.)

В те годы Булгаков еще не занимался литературной деятельностью, поэтому в связи с рассказом 1913 года «Огненный змей» первым возникает вопрос: что это он не писал, не писал, и вдруг взялся за рассказ, да еще на такую странную тему, а потом снова перестал писать? Как будто что-то взволновало его, он выговорился на бумаге и успокоился.

Да, примерно так оно и было. Вспомним письмо Н. Земской, где говорится, что змея — плод алкогольной интоксикации. Это интересно сопоставить с воспоминаниями Т. Н. Кисельгоф о том, что примерно тогда, в 1913 году, Булгаков пробовал употреблять кокаин²⁴. У новичков при этом возникает сильная наркотическая интоксикация. Булгаков, как она рассказывает, был очень впечатлительным, очень нервным, поэтому понятно, почему он взялся за перо: снять эмоциональное напряжение (защитная функция художественного творчества известна давно).

Второй раз змея возникает в 1917 году, когда Булгаков, ра-

ботая в глухом селе Никольское Смоленской губернии, заболевает морфинизмом.

«Он даже пробовал писать в этом состоянии <...> ...Женщина и змея какая-то там... <...> Я просила, чтоб он дал мне почитать, но он говорит: „Нет. Ты после этого спать не будешь. Это бред сумасшедшего“. Показывал мне только. Какие-то там кошмары и все...» — вспоминает Т. Н. Кисельгоф²⁵.

Вероятно, об этом рассказе идет речь в письме Булгакова Н. Земской: «...В Киеве у меня остались кой-какие рукописи „Первый цвет“, „Зеленый змий“...»²⁶ (Сравните: «Зеленый змий» и «оливковая змея» в «Роковых яйцах». — Л. П.)

Как видим, картина повторилась: снова наркотическая интоксикация, снова галлюцинация, снова змея, снова рассказ. Четыре года! Слишком стойкое психическое переживание. Слишком.

И вот, третье обращение к змеиным кошмарам — «Роковые яйца», 1924 год. Рассказа уже недостаточно — это повесть, в которой очевидна связь не только с «Огненным змием» 1913 года, но и с «Зеленым змием» 1917 года:

« — Откуда говорят?

— Из *Никольского, Смоленской губернии*, — ответила трубка»²⁷.

Сравните также «женщина и змея» в рассказе 1917 года и гибель Мани в «Роковых яйцах».

Необычайная яркость, сила и стойкость преследующих Булгакова образов и чувств приводят нас к выводу о перенесенной им психической травме, вызвавшей стойкое психическое переживание. Теперь мы понимаем, что в неоднократном повторе жуткой сцены в «Роковых яйцах» — мучительные попытки избавиться от «преследователя», избавиться от навязчивого видения. Таким образом, с первой загадкой все ясно?

Нет, далеко не все. Во-первых, неизвестно, впервые ли возникла эта галлюцинация в 1913 году, т. е. в каком возрасте произошла травма. Во-вторых, почему именно змея, почему огромная, почему убийца, почему столько крови и хруста костей?

Здесь я предвижу спор:

— Ну, это уж слишком! Да мало ли, что он мог увидеть. Дракона, гориллу... да все что угодно!

— Да, мог увидеть гориллу, мог увидеть все что угодно. Но не увидел. Увидел змею.

— Но это же могло быть совершенно случайно!

— Не спору. Но «случайно» — не значит «беспричинно». Любое свершившееся событие имеет причину.

— И причина могла быть любой. Например, накануне он видел в зоопарке змею, пожирающую лягушку, или прочитал что-нибудь такое, или рассказал кто-то.

— А почему это вызвало такое сильное потрясение? Многие ведь встречают такие ситуации, но что-то мы не наблюдаем по-настоящему психических травм.

— Да вы же сами говорили, что Булгаков был очень нервный и впечатлительный.

— Да. Тогда почему его не травмировала и горилла из зоопарка, и дракон из сказки?

— Да зачем вам все это?

Вот это другой разговор. Объясню.

Большинство галлюцинаций проходит без ощутимых последствий, а эта змея будто бы знала, что попадет на благодатную психическую почву и надолго завладеет душой Булгакова. Что же было в этой почве особенного? Каков был Михаил Булгаков тогда, давно? Ведь мы очень мало знаем о его юности, почти ничего — о детстве и совсем ничего — о раннем детстве. А ведь именно в раннем возрасте формируется личность. Но раз нет ни документов, ни писем, ни свидетельств, то, может быть, по определенной реакции на определенный раздражитель можно выявить что-то новое?

Можно. Такими возможностями располагает психоанализ. Этот психотерапевтический метод путем исследования свободных ассоциаций человека способен проникнуть в область его бессознательного мышления, выявить причины необъяснимых чувств и поступков. Лучшим материалом для анализа являются сновидения, содержащие гораздо больше бессознательного материала по сравнению с бодрствованием. Однако ни сновидений Булгакова, ни возможности получения его свободных ассоциаций мы не имеем. Зато имеем обширный творческий материал — его произведения. Художественное творчество чрезвычайно близко творчеству при сновидениях: и в том и в другом случае используется один и тот же материал нашей памяти, причем именно тревожащий нас материал; и в том и в другом случае используются одинаковые творческие средства — сдвиг, сгущение, символизация, вторичная обработка, придание образности и т. д.; и сновидения, и художественное творчество выполняют одинаковую защитную функцию психики, имеют одинаковый конечный продукт — осуществленное мучающее автора желание.

Вот почему интересуют нас не только произведения Булгакова, но и его личность.

Итак, вернемся к кошмарной змее с ее кроваво-садистским колоритом и исследуем психоаналитически отдельные элементы картины, например, такие как лопухи, где она возникает, мокрые желтоватые пятна по ее туловищу, круглое желтое на оливковом фоне пятно на ее голове, выползающее с сипением бревно, образ змеи в целом, ее страшную злобу и др. Полный анализ здесь изложить невозможно, так как исследование одной только фразы займет 10—20 страниц. Приведу лишь один пример: огромные размеры змей, крокодилов, зданий, листов объявлений и др. в повести указывают на влияние материала памяти детства Булгакова, «когда деревья были большими». К детскому периоду приводит нас анализ и других элементов. С уверенностью можно сказать точнее: к анально-садистическому — в психоаналитической системе понятий — этапу развития от 2 до 7 лет. А еще точнее? Думаю, можно. Рассказ 1917 года написан не просто так, а, как мы выясни-

ли, под воздействием сильного переживания. При таких же условиях написан рассказ 1913 года «Огненный змий». Так вот, первый свой рассказ Булгаков написал в 1898 году в возрасте 7 лет²⁸. Сопоставляя этот факт с данными психоанализа галлюцинаций, можно согласиться, что травмирующая ситуация и фиксация на ней произошла в анально-садистический период развития психики Булгакова. Возникающая при этом некоторая задержка психического развития или следующая при неблагоприятных условиях регрессия оказывает существенное влияние на формирование характера и наклонностей человека. В частности, у Булгакова оттуда проистекает весьма высокий уровень агрессивности. Не случайно единственное в его творчестве детское автобиографическое воспоминание связано не с именинным пирогом, не с купанием на Днепре, не с мыльными пузырями. Драка с товарищем, его рассеченная губа и железные руки Максима²⁹. (Кстати, психоанализ этого эпизода тоже приведет нас к уже полученным результатам.) На этом счастливые детские воспоминания Булгакова исчерпываются. Да, да — счастливые. Из бесконечного ряда возможностей он выбрал одну. Ту, что вызвала наибольшее его удовлетворение. Агрессивность Булгакова еще в гимназические годы отмечалась и окружающими: «Помню, помню вас, Булгаков! Вы были заводилой! Я старше вас, но до сих пор на слуху ваш беспощадный язык! Да-да! Латинист Субоч, помните? Он же, право, боялся вас! Вы гремели на всю гимназию!»³⁰ Это пересказ самого Булгакова. Забудьте, с каким удовольствием он говорит об этом.

Из 7-летнего возраста нам известен лишь один факт, который мог вызвать психическую травму: в 1898 году в семье родился второй мальчик. Было ли именно это причиной фиксации, мы, в рамках данной работы, проверить не можем, но в отдельной работе это несложно выяснить.

Таков, на мой взгляд, генезис повторяющихся змеиных садизмов в повести Булгакова «Роковые яйца». Таковы некоторые особенности развития его личности.

Исчезая в 1923 году почти бесследно, символ змеи вытесняется в творчестве Булгакова новой символикой, новой загадкой.

1. «У края брошенной заросшей дороги лежит чеченец. Руки разбросал крестом. Голова закинута. Лохмотья черной черкески. Ноги голые. Кинжала нет. Патронов в газырях нет. Казачки народ запасливый, вроде гоголевского Осипа.

— И веревочка пригодится.

Под левой скулой черная дыра, от нее на грудь, как орденская лента, тянется выгоревший под солнцем кровавый след. Изумрудные мухи суетятся, облепив дыру».

2. «Через час я увидел его. Так же рысью он возвращался. А эскадрона не было. Лишь два всадника с пиками скакали по бокам, а один из них — правый — то и дело склонялся к брату, как будто что-то шептал ему. Щурясь от солнца, я глядел на странный маскарад. Уехал в серенькой фуражке, вернулся в красной... Не было волос и не было лба. Вместо него был красный венчик с желтыми

зубьями-клочками... Два красных пятна с потеками были там, где час назад светились ясные глаза...»

3. «Первое убийство в своей жизни доктор Бакалейников увидел секунда в секунду на переломе ночи со второго на третье число. В полночь у входа на проклятый мост. Человека в разорванном черном пальто с лицом синим и черным в потеках крови...»

4. «Черное и твердое мелькнуло перед лицом, как птица, затем яростная, обжигающая боль раздробила ему челюсти, мозг и зубы, и показалось, что в огне треснула вся голова.

— А... А-га-а,— судорожно выговорил Абрам, хрустя костяной кашей во рту и давась соленой кровью».

5. «Стрельцов стоял с лицом, залепленным красной маской,— его били долго и тяжело за дерзость, размолотив всю голову».

6. «В ночь со второго на третье февраля у входа на Цепной мост через Днепр человека в разорванном и черном пальто с лицом синим и красным в потеках крови волокли по снегу два хлопца, а пан куренной бежал с ним рядом и бил его шомполом по голове. Голова моталась при каждом ударе, но окровавленный уже не вскрикивал, а только ухал. Тяжело и хлестко впивался шомпол в разодранное в клочья пальто, и каждому удару отвечало сипло:

— Ух... а...

— А, жидовская морда! — иступленно кричал пан куренной.— К штабелям его, на расстрел! Я тебе покажу, як по темным углам ховаться. Я т-тебе покажу! Что ты робив за штабелем? Шпион!..

Но окровавленный не отвечал яростному пану куренному. Тогда пан куренной забежал спереди, и хлопцы отскочили, чтобы самим увернуться от взлетевшей блестящей трости. Пан куренной не рассчитал удара и молниеносно опустил шомпол на голову. Что-то в ней крякнуло, черный не ответил уже «ух». <...> Повернув руку и мотнув головой, с колен рухнул на бок и, широко отмахнув другой рукой, откинул ее, словно хотел побольше захватить для себя истоптанной и унавоженной земли. Пальцы крючкостно согнулись и загребли грязный снег. Потом в темной луже несколько раз дернулся лежащий в судороге и стих. <...> И в ту минуту, когда лежащий испустил дух, звезда Марс над Слободкой под Городом вдруг взорвалась в замерзшей выси, брызнула огнем и оглушительно ударила».

7. «Я увидел, как полковник, дергая ртом, вынул из кобуры изящный и мрачный пистолет и рукоятью ударил в лицо этого рваного человека. Тот метнулся в сторону, стал давиться своей кровью, упал на колени».

8. «Мне приснился страшный сон. Будто бы был лютый мороз и крест на чугунном Владимире в неизмеримой высоте горел над замерзшим Днепром. И видел человека, еврея, он стоял на коленях, а изрытый оспой командир петлюровского полка бил его шомполом по голове, и черная кровь текла по лицу еврея. Он погибал под стальной тростью, и во сне я ясно понял, что его зовут Фурман, что он портной, что он ничего не сделал...»

Эти сцены настолько похожи, что кажутся вариантами одного

и того же фрагмента. Нет, это не так. Все они из разных произведений разных лет:

1. «Необыкновенные приключения доктора»³¹ (1922).
2. «Красная корона»³² (1922).
3. «В ночь на 3-е число»³³ (1922).
- 4, 5. «Налет»³⁴ (1923).
6. «Белая гвардия»³⁵ (1924).
7. «Я убил»³⁶ (1926).
8. «Тайному другу»³⁷ (1929).

Причем этот список не исчерпан. Всего таких сцен-дубликатов около пятнадцати. Нетрудно увидеть, что во всех случаях Булгаковым движет одно и то же переживание, перед его глазами одна и та же картина, он описывает одну и ту же сцену.

Психоанализ рассматривает повторяющиеся сновидения как одно сновидение. Таким же образом нам следует рассматривать повторяющиеся сцены как одну сцену, что вытекает также из наших предыдущих рассуждений. Схема сцены такова: вооруженный садист убивает ударом в голову беззащитного невинного человека, хрустят кости, много крови, смерть. Почти всюду это происходит у дороги, почти всегда жертва на коленях, почти всюду рядом штабель дров (в «Красной короне» — штабель щитов), что говорит о связи убийства с женщиной (дерево, дрова и т. п. — символы женщины. Только в рассказе «Я убил» дров нет, зато появляется женщина. Или, например, в «Белой гвардии», спасаясь, герой бросается к женщине, а в повести «Тайному другу» герой, спасаясь, бросается к штабелю дров. В «Налете» Абрама спасает женщина, в «Белой гвардии» Николку — штабель дров. — *Л. П.*). Легко заметить, что в схему точно по мерке вписываются рассмотренные нами выше эпизоды из «Роковых яиц».

Конечно, догадка уже готова: где-то Булгаков видел сцену убийства, она взволновала его и отразилась в его творчестве. Это предположение выдвинуто и неплохо обосновано литературоведами. Однако теперь можно сказать больше — это факт: об этом случае рассказала в своих воспоминаниях Т. Н. Кисельгоф³⁸.

Ее рассказ подтверждает биографическую основу сцены (поседел Рокк, поседел Бакалейников. — *Л. П.*), но совершенно непонятной становится реакция Булгакова. Студент-медик в Киеве, врач-хирург на фронте, земский врач в глуши, он перевидал столько крови, костей и смертей, что фиксация на одной, причем далеко не самой страшной сцене, озадачивает. Рассмотрим поэтому ситуацию внимательнее. Начнем с того, что во всех без исключения случаях автор — свидетель убийства (где в качестве автобиографичного героя, где «за кадром»). Какова схема его поведения?

1. «Я ушел, чтобы не видеть, как человека вешают, но страх ушел вместе со мной в трусящихся ногах» («Красная корона»).

2. «Странно, словно каркнув, Бакалейников всхлипнул, пошел, пьяно шатаясь, вперед и в сторону от моста к белому зданию. — Бандиты!.. Но я... я... интеллигентская мразь!» («В ночь на 3-е число»).

3. «О нет, стрелять он и не думал. Абрам уронил винтовку в снег и судорожно вздохнул» («Налет»).

4. «Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто» («Белая гвардия»).

5. «Тогда, конечно, я не мог ничего поделаться...» («Красная корона»).

6. «...Но теперь я смело бы сказал: „Господин генерал, вы зверь. Не смеете вешать людей“» («Красная корона»).

7. «...По справедливости мы терпим. Помогать вам повесить я послал Колю, вешали же вы» (мысленно говорит сошедший с ума герой генералу. «Красная корона»).

8. «...В руках доктора матросский револьвер. Он целится. В голову. Одному. В голову. Другому» (мечтает Бакалейников. «В ночь на 3-е число»).

9. «...И я во сне крикнул, заплакав:

— Не смей, каналья!» («Тайному другу»).

10. «Одну пулю я, по-видимому, вогнал ему в рот...» («Я убил»).

В примерах 1, 2, 3, 4, 5 свидетель — жалкий трус и соучастник преступления. В примерах 6, 7, 8, 9, 10 свидетель самоотверженно противостоит преступлению. Мы установили, что в биографии Булгакова сцена убийства имела место. Но почему реакция героя в половине случаев прямо противоположна его же поведению в другой половине случаев? Как же он поступил в действительности? И без психоанализа ясно, что как трус, иначе не мучало бы его это до самой смерти (казнь Иешуа в «Мастере и Маргарите» ситуационно копирует предмет нашего рассмотрения: синедрион — палач, Иешуа — беззащитная жертва, Пилат — соучастник преступления. См. блестящую статью Виноградова «Завещание Мастера»). Но логика — не доказательство, поэтому без психоанализа мы все же третью загадку не разгадаем.

Заметим прежде всего, что слабый вариант поведения всегда «наяву», а сильный всегда «во сне», «в забытии» (рассказ «Я убил» исключение, объясняющееся тем, что он был написан значительно позже, в зените булгаковской славы.— Л. П.). Это обстоятельство очень тонко подметила М. Чудакова еще десять лет назад³⁹. Следовательно, разгадку нужно искать в различиях реального и идеального поведения. Согласно одному из основных положений психоанализа, сновидение, так же как и галлюцинаторная фантазия — «сон наяву», — есть осуществление желания, не осуществившегося в реальности, либо наоборот: в сновидении мы видим несвершившимся уже случившееся в реальности нежелательное событие, что в принципе одно и то же: осуществляется желание, чтоб что-то не случилось. Это полностью объясняет вопрос о двух схемах поведения и, кроме того, подкрепляется примерами других сновидений в творчестве Булгакова:

«Он (Пилат.— Л. П.) даже рассмеялся во сне от счастья, до того все сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге. (...) Казни не было! Не было! Вот в чем прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны» («Мастер и Маргарита») ⁴⁰.

Сновидения в произведениях Булгакова настолько безупречны с точки зрения теории психоанализа (от идеи до мельчайших деталей), что можно подумать — он прекрасно знал предмет. Но это не так. Есть и сновидения, которые знакомый с теорией человек не сочинил бы. Особенно Булгаков, строго следовавший профессиональной достоверности. Думаю, он часто использовал собственные сновидения, однако на предположениях ничего строить не будем.

Сопоставим полученные нами результаты с одной из центральных мыслей творчества Булгакова: «...Трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок»⁴¹. Сопоставим это также с его письмом от 14 апреля 1932 года: «Проклинаю я только те два припадка неожиданной, налетевшей, как обморок, робости, из-за которой я совершил две ошибки из пяти. Оправдание у меня есть: эта робость была случайна — плод утомления. Я устал за годы моей литературной работы. Оправдание есть, но утешения нет»⁴². Здесь, на мой взгляд, Булгаков покривил душой: утешения нет как раз потому, что усталостью можно оправдать многое, только не робость. Поэтому проявленная им трусость отчаянно и безнадежно отягощает его чувство личной вины и ответственности, не оставляя места надежде на искупление. Как призывы: «Милосердия!» создает Булгаков свои произведения, «понимая и признавая, что исправить в его жизни уже ничего нельзя, а можно только забыть»⁴³.

В части биографической получают объяснение некоторые особенности характера и поведения Булгакова: тяга к конфликтным ситуациям, частая смена работы, друзей, непостоянство в браке, противопоставление себя окружению и др. Его агрессивность питалась не извне, а изнутри, потому ее нельзя объяснять, например, только неприятием советского строя.

«Я заявился со своим первым произведением⁴⁴ в одну из весьма почтенных редакций, приодевшись не по моде. Я раздобыл пиджачную пару, что само по себе было тогда дико, завязал бантиком игривый галстук и, усевшись у редакторского стола, подкинул монокль и ловко поймал его глазом. У меня даже где-то валяется карточка — я снят на ней с моноклем в глазу, а волосы блестяще зачесаны назад. Редактор смотрел на меня потрясенно. Но я не остановился на этом. Из жилетного кармана я извлек дедовскую „луковицу“, нажал кнопку — и мои фамильные часы проиграли нечто похожее на „Коль славен наш Господь в Сионе...“ „Ну-с?“ — вопросительно сказал я, взглянув на редактора, перед которым внутренне трепетал, почти обожествляя его. „Ну-с, — хмуро ответил мне редактор. — Возьмите вашу рукопись и займитесь всем чем угодно, только не литературой, молодой человек“. Сказавши это, он встал во весь свой могучий рост, давая понять, что аудиенция окончена. Я вышел и, уходя, услышал явственно, как он сказал своему вертлявому секретарю: „Не наш человек“. Без сомнения, это относилось ко мне»⁴⁵.

МИХАИЛ БУЛГАКОВ И НИКОЛАЙ ЛЯМИН

*Посвящается памяти
Наталии Абрамовны Ушаковой*

«Настоящему моему лучшему другу Николаю Николаевичу Лямину.
Михаил Булгаков. 1925 г. 18 июля. Москва.

Этой надписи еще нет. Она появится через восемь месяцев. Нет и известного автора «Дней Турбиных» — это будет через два года. Тем более нет знаменитого автора «Мастера и Маргариты» — до того пройдут десятилетия.

Сейчас недавно перебравшийся в Москву, немолодой уже, начинающий писатель Михаил Булгаков стоит в квартире, вернее в комнате, Сергея Сергеевича Заяицкого¹ и тревожно вглядывается в людей, которые, тыкаясь в загромождающие коридор койки, неторопливо заполняют жилище хозяина. Булгаков будет читать только что законченную рукопись «Белой гвардии».

Там они и познакомились, Михаил Афанасьевич Булгаков и Николай Николаевич Лямин.

В 1915 году потомственный почетный гражданин Москвы Лямин окончил историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен при кафедре западноевропейской литературы. Он свободно владел несколькими языками, прекрасно знал историю западноевропейской культуры, русскую историю и литературу. В момент описываемых событий Николай Николаевич работал научным сотрудником Государственной Академии художественных наук (ГАХН) и старшим библиотекарем Библиотеки ВСНХ². Характером был мягок и дружелюбен, очень искренне и сердечно относился к друзьям, любил веселое живое общество, обладал хорошим чувством юмора — однажды, заполняя анкету, на вопрос: «Как Вы отнеслись к Великой Октябрьской социалистической революции?» — он ответил: «Очень испугался, но быстро оправился».

На следующее чтение «Белой гвардии» Лямин пригласил всех к себе — он с женой, Наталией Абрамовной Ушаковой, художником-графиком, занимал две комнаты большой коммунальной квартиры в Савельевском переулке. Симпатия между Булгаковым и Ляминим возникла сразу, и, если бы я знал чуть-чуть меньше, написал бы, что вскоре она переросла в дружбу...

Потом Булгаков быстро пошел в гору. После выхода «Белой гвардии» Волошин³ писал Ангарскому⁴: «...Как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого»⁵. Затем шумный успех «Дней Турбиных». В комнате Лямина, где собиралось по 20—30 человек, Булгаков читает новые и новые свои произведения. Появились и новые, уже из театрального мира, друзья. К этому времени относится шуточный «Дневник Лямина»⁶, где записи на самом деле вели от имени Николая Николаевича его друзья, которые, как это обычно бывает в компаниях, выбрали для подтрунивания самого добродушного и безобидного человека. Многие в тексте «дневника» прояснили комментарии Н. А. Ушаковой, которая любезно разрешила мне сделать их магнитопись.

Начало «дневнику» положила Любовь Евгеньевна Белозерская, ставшая незадолго до этого второй женой Булгакова. Ее первую запись в «дневнике», помеченную «22, суббота», следует датировать 22 августа 1925 года. Текст отражает атмосферу раннего московского периода булгаковской прозы. Театральный период еще только-только начинается: в январе Булгаков приступил к работе над пьесой «Белая гвардия», переработанной вскоре в «Дни Турбиных».

«22, суббота.»

Сегодня удрал с этой чертовой службы в 3 часа — мигрень. До чего надоела библиотека: книги, книги и книги⁷. Мертвое дело. Сидя за большим столом, мечтаю о той минуте, когда за мной хлопнет дверь. По натуре я писатель, или нет, издатель. Для этого только, к сожалению, нужны деньги. Если на первое время сделать так: Миша Булгаков напишет. Боб⁸ нарисует иллюстрации (тушью у нее выходит удачно), я издам, Л. Е.⁹ поможет по распространению. Мой Шюзвиль¹⁰ ни с места. Хотя в мозгу весь готов¹¹. Вчера Боб пустил ко мне приятеля. Сидел, сидел, сидел, сидел. А все она. Надо было его гнать. Это можно всегда сделать вежливо и незаметно»¹².

Следующая запись, начатая через год с небольшим также Белозерской, носит уже явную печать театрального периода творчества Булгакова. Прошедшее между записями время было заполнено работой над пьесами «Зойкина квартира» (окончена в декабре 1925 года) и «Дни Турбиных» (окончена в январе 1926 года). Обе премьеры состоялись в октябре 1926 года.

«31 октября 1926 г.»

Перерыв полтора года...

«...Опять гости, съели всю баранину, черт бы их побрал! Но в хорошем обществе принято не возмущаться... Много нового: Мака¹³ написал две пьесы: одна идет хорошо, хорошо играют¹⁴, а вторая „Mauvais ton“»¹⁵.

Запись этого дня продолжает Виктор Яковлевич Станицын¹⁶, актер МХАТа, игравший в «Днях Турбиных» немецкого офицера:

«Грозится написать третью! Придется опять таскаться на генеральные репетиции!»¹⁷ Буду надеяться, что после этих будущих генеральных не напроятся на обед...»

Продолжает Белозерская:

«А „героине“ Зойке нос наклеили. Зачем? Она гораздо лучше без носа. Я в крайне раздраженном состоянии. Мне бы следовало влюбиться, но вот что Боб скажет?»

Снова Станицын:

«Ну все равно. Сам себе признаюсь — Тумская¹⁸ очаровательна! Не знаю, что делать? Кроме постоянного лицемерия Булгакова приходится выслушивать постоянные разговоры об этих ужасных пьесах, которые так хлестко (дай Бог ему здоровья) — обласкал Блюм»¹⁹.

Белозерская:

«Попутно занозил себе пятку (зачеркнуто три слова). Занозу тащили я сам, и Боб, и Бог. У меня есть чудный друг — Патя Попов, он мой старый знакомый и философ²⁰. Служит у нас в РКИ²¹ и пишет разную галиматью (Макину биографию например)».

Станицын:

«Уже дошел до самых корней его происхождения (несколько слов зачеркнуто). Зачеркнул написанное — мое внутреннее РКИ не пропускает».

Булгаков:

«Рассказывал опять про тетку Данцига. Опять не поверили, подлецы! А между тем, тетка действительно померла. И сидел Стани²² (несимпатичный) и немедленно рассказал, что его тетка умерла от укуса бешеной канарейки!! (Тоже, наверное, соврал!)»

Станицын:

«Выяснилось, что Булгаков ничего писать не может. Пишет весьма самоуверенные надписи на своих портретах, к., например, на карточке, подаренной моей жене²³. Теперь понятно, почему он отвергает такой изумительный сюжет, как „тетка Данцига“. Заболел бедный! „Mania Magnifica“!!²⁴ Даст Бог, поправится!»

Следующая запись сделана Е. Понсовой²⁵, ставшей женой Станицына. События между этими записями уже приведены в прим. 17.

«21.III Почти год ничего не записывал! (Три строки зачеркнуты.) Опять были Станицыны. Пришлось-таки пригласить!! Неловко, был все-таки на свадьбе! Должен был быть Булгаков. Не пришел, подлец! Должно быть, запил. Признавался в любви жене Станицына, конечно, не искренне, а по долгу хозяина дома. Кажется, не поверила! Наплевать! Кстати, из моих афоризмов: Смердяков был худым, а Демьян Бедный толстый. Ха! Ха! Ха! Долго смотрел на Шапошникова²⁶, не завести ли мне моноколь? Все-таки импозантно!»²⁷

Белозерская:

«Женщины вешаются мне на шею и кричат: „На Разгуляй! На Разгуляй!“²⁸ Ну, я и вожу!!»

Понсова:

«Сам себя презираю. Впился в губы жене Станицына. Откуда во мне столько сладострастия. Разве что по Дарвину!»

Следующая и последняя запись в «дневнике Лямина» сделана через полтора года также Понсовой. Булгаков к этому времени закончил работу над пьесой «Бег», читал ее в театре, заключил договор и сдал текст в МХАТ. И хотя беззаботный шуточный тон «дневника» не изменился, на горизонте Булгакова появились две маленькие далекие тучки, не предвещавшие, казалось бы, ничего особенного: запрещена «Зойкина квартира» и снят с репертуара «Бег».

«13 августа 1928 г.»

Опять были Станицыны и Булгакова. Сам Булгаков в Ленинграде. Зачем его туда черт носит — никому не известно. В его отсутствие впилился в губы его жены. Опять сладострастие! Боже мой! Куда мы идем?! Лечиться мне или не лечиться — вот в чем вопрос!! А помоему, во мне есть что-то Гамлетовское!! Сейчас соврал насчет флейты, будто бы видел ее только на расстоянии 3-х верст. Поймали! Но неловкости не ощущал».

Ведение «дневника» прекратилось, когда небо над Булгаковым начало темнеть. Впрочем, не только над Булгаковым. Потемнело оно и над некоторыми друзьями, над театрами, над страной. Он продолжал часто бывать в Савельевском переулке, подолгу разговаривал с Николаем Николаевичем, который добросовестно восполнял обширные пробелы в гуманитарном образовании Булгакова²⁹, они ходили на лыжах, много играли в шахматы. В печати же против Булгакова развернулась травля. Его перестали печатать, а весной 1929 года были запрещены все его пьесы. Но Булгаков продолжает писать: ранние редакции «Мастера и Маргариты», «Тайному другу», «Мольер», «Блаженство» и письма — письма правительству с просьбой выпустить его за границу.

«По ночам я мучительно напрягаю голову, выдумывая средства к спасению. Но ничего не видно. Кому бы, думаю, еще написать заявление?..» — писал он тогда брату³⁰.

Когда была запрещена и новая его пьеса «Мольер», Булгаков уничтожает свои рукописи и 28 марта 1930 г. пишет письмо Сталину. Через восемнадцать дней застрелился Маяковский, через двадцать один Сталин позвонил Булгакову:

— ...Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом — мне отказали.

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся... (Вулис А. Серьезность несерьезных ситуаций. Ташкент, 1984, с. 237—238.)

В связи с этим я вспомнил анекдот о звонке Сталина в театр:

— Позовите директора театра... Говорит Сталин... Нет на месте? Хорошо, я позвоню через десять минут.

Через десять минут:

— Позовите директора театра... Как умер?

Так Булгаков начал работать в МХАТе и Театре Рабочей Молодежи, а вскоре снова вернулся к роману «Мастер и Маргарита». В одной из его глав — «Сон Никанора Ивановича» — рассказывается о том, как управдом попадает во сне в «мужской театр», где многочисленную «публику» призывают сдавать государству валюту и ценности.

Вот что написал мне по этому поводу старый работник военной разведки Л. Хургес (письмо от 13 ноября 1985 года)³¹:

«Насчет изъятия ценностей в 30-е годы: такие изъятия действительно производились „компетентными органами“ в фонд индустриализации страны. Методы изъятия были довольно примитивными, а иногда и весьма остроумными (причем учти, что об этом я слышал из вторых уст и поэтому за 100% достоверность ручаться не могу). <...> „Брали“ всех, у которых могли быть ценности: бывших купцов в царское время, бывших ээпманов, зубных врачей и техников, словом, всех „подозрительных“».

Вот под эту метлу и попал Никанор Иванович Босой, а написана эта глава «Мастера и Маргариты», как выяснилось, по рассказу Николая Николаевича Лямина.

Из воспоминаний Н. А. Ушаковой:

«Николая Николаевича тоже вызвали. Уж не знаю, почему они решили, что у нас что-то есть. Может быть, потому, что они уже вызывали первую жену Николая Николаевича — Александру Сергеевну Лямину, которая была из известной купеческой семьи Прохоровых, кроме того, у них уже сидела ее тетка. Николай Николаевич просидел там недели две».

«Тогда Никанора Ивановича посетил сновидение, в основе которого, несомненно, были его сегодняшние переживания. Началось с того, что Никанору Ивановичу привиделось, будто бы какие-то люди с золотыми трубами в руках подводят его, и очень торжественно, к большому лакированным дверям. У этих дверей спутники сыграли будто бы туш Никанору Ивановичу, а затем гулкий бас с небес весело сказал:

— Добро пожаловать, Никанор Иванович! Сдавайте валюту.— Удивившись крайне, Никанор Иванович увидел над собой черный громкоговоритель.

Затем он почему-то очутился в театральном зале, где под золоченым потолком сияли хрустальные люстры, а на стенах кенкеты. Имелась сцена, задернутая бархатным занавесом, по темно-вишневому фону усеянным, как звездочками, изображениями золотых увеличенных десятков, суфлерская будка и даже публика.

Удивило Никанора Ивановича то, что вся эта публика была одного пола — мужского и вся почему-то с бородами. Кроме того, поражало, что в театральном зале не было стульев и вся эта публика сидела на полу, великолепно натертом и скользком» («Мастер и Маргарита»).

Из письма Л. Хургеса:

«Поскольку брали массово, а насчет тюрем покойник Николай оставил весьма скромное наследство, да и „аппарат“ в те времена был еще не так многочисленен, то обработку вели массово. В камеру, в которую обычно помещалось человек 10—15, набивали 50—60. Кормили соленой пищей, а воду давали „ограниченно“ (один из самых любимых и испытанных методов для получения результата)».

Из «Воспоминаний» Н. Мандельштам:

«...Когда ощущалась нужда в тюремной жилплощади, эти крохотные камеры набивались до отказа. Об этом мы впервые услышали во время изъятия ценностей. <...> О [сипа] М [андельштама] кормили соленым, но пить не давали — это делалось сплошь и рядом с сидевшими на Лубянке».

Осведомленность Булгакова об этих обстоятельствах явствует из дневниковой записи третьей жены писателя Елены Сергеевны за 11 декабря 1933 года. Когда Булгаков услышал, что некто советовал отправить его на три месяца на Днепрострой и не кормить, дабы он перестроился, Михаил Афанасьевич ответил: «Есть еще способ — кормить селедками и не давать пить»³².

Недавно мне тоже пришлось побывать там, где сидел Николай Николаевич, в Бутырской тюрьме. Эта глава из «Мастера и Маргариты» припомнилась моментально! Совершенно точно: большие лакированные двери, «архангелы с золотыми трубами в руках» — конвой с автоматами, и громкоговоритель при входе (правда, не черный); и спать приходилось на полу, действительно скользком и натертом до блеска телами, и борода отрастала, потому что там ее не бреют, а подстригают машинкой, и сияют под почерневшими потолками камер, ни на миг не угасая, мощные «хрустальные люстры и кенкеты». Не раз вспомнил я и Николая Николаевича, и Булгакова, и 15 главу романа:

«Тут послышался мягкий звон колокольчика, свет в зале потух, занавесь разошлась, и обнаружилась освещенная сцена с креслом, столиком, на котором был золотой колокольчик, и с глухим черным бархатным задником.

Из кулис тут вышел артист в смокинге, гладко выбритый и причесанный на пробор, молодой и с очень приятными чертами лица. Публика в зале оживилась, и все повернулись к сцене. Артист подошел к будке и потер руки.

— Сидите? — спросил он мягким баритоном и улыбнулся залу.

— Сидим, сидим, — хором ответили ему из зала тенора и басы.

— Гм... — заговорил задумчиво артист, — и как вам не надоест, я не понимаю? Все люди как люди, ходят сейчас по улицам, наслаждаются весенним солнцем и теплом, а вы здесь на полу торчите в душном зале! Неужто уж программа такая интересная? Впрочем, что кому нравится, — философски закончил артист» («Мастер и Маргарита»).

Из письма Л. Хургеса:

«К окну над дверью (камеры. — Л. П.) со стороны коридора ставили лестницу-стремянку, на ее верху устраивался работник органов и через открытое над дверью окошко „читал лекции“ об индустриализации и необходимости ее осуществления без иностранной помощи. „Лекторы“, конечно, сменялись, и „лекции“ продолжались почти круглые сутки сразу для всех сидящих в камере. Поскольку комфорт в камере был не ахти, да и жрать (а особенно пить) очень хотелось, то постепенно квартиранты начинали „раскалываться“ и сдавать золотишко, и их сразу же (пока) отпускали по домам».

«Поэзия ли Пушкина произвела такое впечатление или прозаическая роль конферансье, но только вдруг из зала раздался засенчивый голос:

— Я сдаю валюту.

— Милости прошу на сцену! — вежливо пригласил конферансье, всматриваясь в темный зал.

И на сцене оказался маленького роста белокурый гражданин, судя по лицу, не брившийся около трех недель <...>.

— Где же спрятали?

— У тетки моей, Пороховниковой, на Пречистенке...» («Мастер и Маргарита»).

Из воспоминаний Н. А. Ушаковой:

«Тетка эта, Прохорова, у них уже долго сидела. Какое-то ожерелье или колье они искали... не помню, чье оно и у кого было спрятано. И Николая Николаевича все время об этом спрашивали, но он от всего отказывался и говорил, что ничего не знает».

«— Да, кстати: за одним разом, чтобы машину зря не гонять... у тетки самой ведь тоже есть? А?»

Канавкин, никак не ожидавший такого оборота дела, дрогнул, и в театре наступило молчание.

— Э, Канавкин,— укоризненно-ласково сказал конферансье,— а я-то еще похвалил его! Нате, взял да и засбоил ни с того ни с сего! Нелепо это, Канавкин! Ведь я только что говорил про глаза. Ведь видно, что у тетки есть. Ну, чего вы нас зря терзаете?» («Мастер и Маргарита»).

Н. А. Ушакова:

«А первую жену Николая Николаевича тоже туда вызывали и тоже колье спрашивали, но они заранее договорились ни в чем не признаваться».

«— Сергей Герардович,— обратился к нему конферансье,— вот уже полтора месяца вы сидите здесь, упорно отказываясь сдать оставшуюся у вас валюту, в то время как страна нуждается в ней, а вам она совершенно ни к чему, а вы все-таки упорствуете. Вы — человек интеллигентный, прекрасно все это понимаете и все же не хотите пойти мне навстречу».

— К сожалению, ничего сделать не могу, так как валюты у меня больше нет,— спокойно ответил Дунчиль.

— Так нет ли, по крайней мере, бриллиантов? — спросил артист.

— И бриллиантов нет.

Артист повесил голову и задумался, а потом хлопнул в ладоши. Из кулисы вышла на сцену средних лет дама, одетая по моде, то есть в пальто без воротника и в крошечной шляпке. Дама имела встревоженный вид, а Дунчиль поглядел на нее, не шевельнув бровью.

— Кто эта дама? — спросил ведущий программу у Дунчиля.

— Это моя жена,— с достоинством ответил Дунчиль и посмотрел на длинную шею дамы с некоторым отвращением.

— Мы потревожили вас, мадам Дунчиль,— отнесся к даме кон-

ферансье,— вот по какому поводу: мы хотели вас спросить, есть ли еще у вашего супруга валюта?

— Он тогда все сдал,— волнуясь, ответила мадам Дунчиль.

— Так,— сказал артист,— ну, что же, раз так, то так» («Мастер и Маргарита»).

Н. А. Ушакова:

«В общем, он ничего не говорил о тетке до тех пор, пока ее не провели перед ним. Тогда он убедился, что они ее все равно знают».

«— Одну минуточку! — остановил его конферансье.— Позвольте мне на прощанье показать вам еще один номер из нашей программы,— и опять хлопнул в ладоши».

Черный занавес раздвинулся, и на сцену вышла юная красавица в бальном платье, держащая в руках золотой подносик, на котором лежала толстая пачка, перевязанная конфетной лентой, и бриллиантовое кольцо, от которого во все стороны отскакивали синие, желтые и красные огни» («Мастер и Маргарита»).

Н. А. Ушакова:

«Потом у нас сделали обыск, но у нас, конечно, ничего не было, и они унесли две дешевые побрякушки со стекляшками вместо камней, и Николая Николаевича выпустили. И вот, он Булгакову обо всем этом подробно рассказывал, и тот написал эту главу про сон Никанора Ивановича почти слово в слово».

Теперь понятно, почему, едва написав в начале сентября 1933 года главу о Босом (тогда она называлась «Замок чудес» и была 8-й)³³, Булгаков прежде всего читает ее Н. Н. Лямину (17 и 27 сентября). Глава была больше по объему, со 117 по 292 страницу авторской пагинации, и откровеннее по содержанию:

«Вовсе не потому, что москвич Босой знал эти места, был слышан о них, нет, просто иным каким-то способом, кожей, что ли, Босой понял, что его ведут для того, чтобы совершить с ним самое ужасное, что могут совершить с человеком,— лишить свободы»³⁴.

Однако, узнав 12 октября, что арестованы его друзья Эрдман и Масс, Булгаков ночью уничтожает эту главу романа и возвращается к ней лишь спустя значительное время. В начале 1934 года история с Босым и Лубянской находит продолжение на страницах 555—588 после главы 20-й, но и этот текст вырван и уничтожен (вероятно, в связи с арестом О. Мандельштама, жившего по соседству). И все же эта тема так волновала Булгакова, что в законченной в 1936 году 3-й редакции «Мастера и Маргариты» под № 16 появляется новый вариант главы, называющийся «Что снилось Босому»³⁵.

К этому периоду относятся 19 сохранившихся писем Н. Н. Лямина М. А. Булгакову (ИРЛИ, Рукописный отдел, фонд 369, № 437 — «Н. Н. Лямин»), полный текст которых приводится в приложении³⁶. Ответные письма Булгакова Наталия Абрамовна была вынуждена уничтожить, поэтому будем, где возможно, сопоставлять письма Лямина с сохранившимися ответами Булгакова их общему другу П. С. Попову.

Осенью 1930 года во время разгрома ГАХНа и Пречистенки

Попов был арестован, но через год «вынырнул» в окрестностях Ленинграда, куда в это время было выслано около 80 тысяч москвичей и где ему предстояло теперь жить вместе с женой Анной Ильиничной, внучкой Л. Н. Толстого. Давая о себе знать, Попов спрашивал у Булгакова:

«Цел ли Коля (Н. Н. Лямин.— Л. П.) и что поделывает — поджидал, но не получил от него весточки»³⁷.

В то время чье-либо молчание было серьезным поводом для беспокойства.

«Позвонил Тате (Н. А. Ушаковой.— Л. П.) <...> — отвечал Булгаков.— Коля живет пристойно, но простудился на днях»³⁸.

Это означало: Лямин на свободе, но недавно были неприятности (вероятно, бутырская эпопея с валютой).

Казалось, жизнь постепенно входит в колею.

Письмо № 2 из Ленинграда в Москву

1. VIII. 32 г.

Дорогой Мака!

Меня искренне обрадовало твое письмо. Жаль, конечно, что ты никуда не выбрался на отдых, но, по-видимому, у тебя появилась интересная работа³⁹.

Ты грозись сделаться самым осведомленным знатоком Мольера⁴⁰. Мне очень хотелось бы быть в Москве, чтобы узнать, как ты думаешь писать биографию Мольера и переделывать «Мещанина во дворянстве»⁴¹. Не пиши только слишком научной сухой биографии, изложи лучше главное из жизни Мольера в беллетристической форме. Ведь это должно у тебя получиться так хорошо! Если тебе необходимы какие-нибудь книги, которых нет в Москве, я постараюсь разыскать их у ленинградских антикваров. Пришли только список поскорее, ибо 15 я уже вернусь. Теперь, что касается Завадского⁴². Мне очень хотелось бы видеть «Мещ. во дворянстве» на сцене не только в твоей переделке, но и в твоей постановке. Неужели и на этот раз тебе не удастся получить самостоятельной сценической работы?

Лодя А.⁴³ написал мне, что в Москве исчезли какие бы то ни было спиртные напитки. Это меня беспокоит, так как я давно уже пощусь. Надеюсь, что к моему приезду (15-го числа) ты раздобудешь, чем меня угостить. Явлюсь к тебе тотчас же.

Мы живем по-прежнему хорошо. Ездили с Пашей и Аннушкой⁴⁴ по Неве на пароходе в Шлиссельбург и обратно. Любовались чудесным Ладожским озером. 7-го отправимся в Тярлево⁴⁵ и на этот раз будем осматривать Детское Село⁴⁶.

Целую тебя крепко. Тата⁴⁷ шлет привет.

Коля.

*Письмо Булгакова Попову от 4. VIII. 1932 г. из Москвы в Ленинград*⁴⁸.

Дорогой друг Павел Сергеевич!

Как только Жан Батист Поклен де Мольер несколько отпустит

душу, я получу возможность немного соображать, с жадностью Вам стану писать.

Биография — 10 листов — да еще в жару — да еще в Москве!

А Вам хочется писать о серьезном и важном, что немислимо при наличии на столе Grimarest, Despois и других интуристов.

Сейчас я посылаю Вам и Анне Ильиничне дружеский привет и отчаянное мое сожаление, что не могу повидать Вас 7-го.

Спасибо Вам за память.

Непреренно напишите, сколько времени еще будете жить в Тярлеве.

Ваш М.

*Письмо Булгакова Попову от 18. VIII. 1932 г. из Москвы в Ленинград*⁴⁹:

Дорогой Павел Сергеевич,

Коля (Н. Н. Лямин.— Л. П.) передал мне Ваше письмо. Оно угодило в самую мертвую паузу, потому что все слопал Нащокинский переулоч, в котором надстраивается дом (Булгаков ожидает получения квартиры, чем объясняет отсутствие денег.— Л. П.).

Но:

я жду денег. Как только они будут получены (а если их не будет, то вообще ерунда выйдет), Ваш уважаемый заказ будет исполнен. Вчера я уже ломал голову, но пока еще ничего не вышло.

Итак, все меры принимаются!

Обнимаю Вас.

Анне Ильиничне привет!

Ваш М.

Письмо № 3 из Москвы в Ленинград

14.VII.33

Милый Мака, не могу сообщить тебе ничего радостного. Я только что был в строительной конторе твоего дома⁵⁰ и узнал, что твоя квартира усохла на 13 кв. метр. Прибегнул к усиленным мольбам, жалобам и легким угрозам. В результате удалось установить при помощи коротконогой девицы и Петра Александр., что пострадали также квартира над тобой и под тобой. Дело будто бы в том, что этих 13 кв. м. никогда и не существовало. <Эти> Они явились плодом небрежности архитектора, который неправильно спроектировал лестничную клетку и еще что-то. Мне предложили расписаться в том, что вопрос со мной согласован. Я отказался, написав: «Ввиду отсутствия М. А. Булгакова план мне сообщен». Очень обидно уменьшение площади с 60 кв. м. на 47. Во всяком случае в связи с этим пребывания своего в Ленинграде не сокращай. Такой мой совет потому, что твое отсутствие — едва ли что-нибудь изменит. У меня в жизни тоже распоряжается нечистая сила⁵¹.

15-го мы на пароходе никуда не едем, ибо прорвались шлюзы. Черт знает что такое!

Целую вас обоих, также и Тата.

Коля.

Удивлен полным отсутствием от вас каких бы то ни было известий.

Следующие три года проходят более-менее спокойно. Попову с женой удалось вернуться в Москву. Друзья изредка обменивались письмами, в основном во время поездок.

Булгаков тем временем ушел из Театра Рабочей Молодежи, продолжал писать правительству и Сталину письма о заграничной поездке, развелся и женился третий раз и очень много работал. Закончил третью (первую полную) редакцию «Мастера и Маргариты», репетировал в МХАТе «Мертвые души», написал пьесы «Иван Васильевич», «Адам и Ева», «Полоумный Журден», «Война и мир», «Пушкин», киносценарии «Мертвые души» и «Ревизор», переработал «Зойкину квартиру», закончил книгу о Мольере.

Лямин занимался своей работой, организовал и заведовал библиотекой Академии коммунального хозяйства, а в январе 1936 года был принят на должность ученого секретаря Государственной библиотеки им. Ленина.

А вокруг уже не то чтоб помрачнело, а можно сказать, почернело. Вслед за выстрелом Маяковского грянул уже настоящий гром — выстрел в Кирова, и после первых громких процессов развернулись массовые репрессии.

«Некоторых наших знакомых уже арестовали,— рассказывает Н. А. Ушакова,— и, когда мы откуда-нибудь возвращались домой, всегда всматривались в подъезд, думали, что нас уже ждут...»

Да, разные приходили на чтения люди. Еще не успевшего принять дела Лямина вызвали директор Библиотеки им. Ленина Елена Федоровна Розмирович (уму nepocтижимо, как попала туда председатель Следственной комиссии Верховного трибунала ВЦИК) и без объяснения причин предложила ему подыскать другое место работы. Он все понял. Перешел в библиотеку Академии архитектуры и стал ждать ареста. За ним пришли довольно скоро. Ночью 3 апреля 1936 года. Он был спокоен и думал, казалось, больше о друге, чем о себе: «Уничтожь Макины письма»,— шепнул он, прощаясь, жене. Потом Бутырская тюрьма и долгая дорога на север, во владения страшного человека по фамилии Мороз — лагерь Чибь-ю.

В апреле 1987 года в узкой щели прогулочного дворика Ярославской тюрьмы увидел я освещенную клетчатым солнцем выцарапанную на бетонной стене плохо сохранившуюся надпись: «Идем на Чибью». Так я и здесь, спустя полвека, продолжаю идти по следам тех, кто ходил арбатскими переулками.

Переписка Лямина и Булгакова прервалась на три года. Булгаков перешел из МХАТа в Большой театр, писал оперные либретто, инсценировал «Дон Кихота», переработал «Бег» и заканчивал пьесу «Батум», но главное — закончил шестую (вторую полную) редакцию «Мастера и Маргариты».

Через три года, когда Лямин через Москву следовал к месту своего вынужденного поселения в Калугу, они почему-то не встретились. Почему-то... На вокзале Николая Николаевича встретили жена и Павел Сергеевич Попов. Лямин тайно переночевал у Поповых. На следующий день они тоже почему-то не встретились, и

Лямин уехал в Калугу. Ему предстояла жизнь человека, вырванного из круга близких ему людей, из ставших родными московских переулков, оторванного от семьи, от любимой работы, оторванного от жизни.

Письмо № 12 из Калуги в Москву

9/II 39 г.

Дорогой Мака!

Из дальних странствий воротясь, я нашел тихий приют в г. Калуге, насчитывающем около 100.000 жителей и расположенном на р. Оке. Здесь много деревянных одноэтажных домиков и садов, имеются превосходные архитектурные памятники конца XVIII и нач. XIX в. Население состоит преимущественно из стариков или, вернее, из старушек, блуждающих по улицам как тени. В 40 минутах ходьбы от меня сосновый бор, река совсем близко.

Настроение у меня ровное, вернее, нет никакого. Что буду делать — не знаю. Недели три посвящу приятному отдыху (может быть, он и затянется), а дальше буду послушен велениям судьбы, впрочем, как всегда. Очень мне хотелось бы знать, над чем ты сейчас работаешь (ведь это меня всегда так близко трогало). Кое-какие сведения газетного порядка до меня доходили, но весьма смутные. Напиши подробнее, да боюсь, что ты поленишься. Конечно, исключительно хотелось бы повидаться, только ведь из этого ничего не выйдет. Меня калачом не заманишь в Москву, через которую я промелькнул как метеор. Зная твой характер, опасаясь, что ты никогда не соберешься в Калугу.

Напиши мне о Люсе, о Сереже. Он, наверно, стал совсем большой и мудрый. Мне почему-то кажется, что прошла вечность с тех пор, как я никого не видел.

Крепко целую вас всех, тебя, Люсю и Сережу.

Твой Коля.

Мой адрес:

Калуга. Ул. Марата. Д. 13.

«Очень мне хотелось бы знать, над чем ты сейчас работаешь (ведь это меня всегда так близко трогало)...»

«Напиши подробнее, да боюсь, что ты поленишься».

«...Исключительно хотелось бы повидаться...»

«Зная твой характер, опасаясь, что ты никогда не соберешься в Калугу».

Да, в Калугу Булгаков не приехал.

Письмо № 13 из Калуги в Москву

19/II⁵²

Дорогой Мака!

Вчера вечером я сидел, углубившись в чтение «Литературных воспоминаний» Анненкова, когда внезапно все мои мысли переключились совсем на другое. По радио раздался громкий голос, воз-

вестивший передачу сцен из «Дней Турбиных». Как будто до сих пор таких передач еще не было. С такой яркостью вспомнились прошлые годы и наша дружба. Вина — не помню какого года, первая генеральная репетиция «Дней Турбиных» (еще в театре тогда было очень жарко)⁵³, твой огромный успех. А потом мысленно я перебывал и на «Зойкиной квартире»⁵⁴, и на «Багровом острове»⁵⁵. Почему-то особенно явственно представился мне диспут в театре Мейерхольда, на котором выступали Луначарский и ты⁵⁶. Старался, главу за главой, вспомнить весь твой роман⁵⁷ и досадовал на провалы в моей памяти. Как бы мне хотелось перечитать его еще раз, как бы хотелось быть около тебя, а я даже не имею возможности съездить в Москву.

О моей жизни мне писать действительно нечего. Я стараюсь возможно добросовестно обучать немецкому языку моих питомцев, но это далеко не всегда удается. Тата у меня загостилась, впрочем, 24 она выезжает с валенками для вашей домработницы. Сейчас, когда очень много снега и очень много солнца, Калуга стала особенно красива. Я много гуляю и думаю, а по вечерам читаю всевозможные мемуары.

Крепко целую тебя, Люсю и Сережу.

Твой Коля.

«Как бы мне хотелось перечитать его еще раз, как бы хотелось быть около тебя, а я даже не имею возможности съездить в Москву».

Нет, Булгаков не прислал ему своего романа.

Из письма Н. Н. Лямина от 4. IV. 1930 г.:

...Было бы мне уж очень приятно, если бы ты меня навестил хотя бы, когда станет теплее. Ехать сюда очень удобно — прямой поезд, одна ночь, мягкий вагон. Билет обратно я тоже мог бы тебе купить заранее. Крепко тебя целую. Много думаю о тебе, о твоих новых произведениях, мне еще неизвестных. Сердечный привет Люсе, пусть Сережа обо мне вспомнит.

Твой Коля.

Булгаков молчал.

И вдруг, в середине лета...

Письмо № 16 из Калуги в Москву

2/VII⁵⁸

Дорогой Мака, мне было так приятно узнать, что ты сможешь приехать в Калугу. Ведь мне очень хотелось бы повидать и тебя и Люсю (если это возможно) и почитать какое-нибудь твое новое произведение.

Адрес гостиницы: Калуга, ул. Ленина. Гостиница Калужск. Коммун. Отдела. Т. 2-44. Комнату я мог бы заказать тебе заранее, если ты своевременно и точно сообщишь, на какие дни. Если ты приедешь один и в отсутствие Таты, остановишься, конечно, у меня. Питаться при всех условиях у меня. Тата будет в Москве 7, тогда

лучше всего сговоришься окончательно. Советую приехать не на слишком короткий срок, т. к. здесь и отдохнуть тебе вполне удастся.

Крепко целую тебя и Люсю.

Твой Коля.

Ул. Марата, д. 13.

«...Мне было так приятно узнать, что ты сможешь приехать в Калугу. Ведь мне очень хотелось бы повидать и тебя и Люсю (если это возможно) и почитать какое-нибудь твое новое произведение».

Нет, Булгаков снова не приехал. И ничего не прислал.

Осенью 1939 года после катастрофы с пьесой «Батум» здоровье Булгакова резко ухудшилось. Николай Николаевич, забыв, что Булгаков врач, по-детски наивно пытался поддержать друга.

Из письма от 1.X.39:

...Так тяжело думать, что ты беспомощно лежишь в темной комнате и волнуешься. Я говорил о твоей болезни с моим приятелем, опытным врачом. Он утверждает, что это не только вполне излечимо, но излечимо без всяких последствий.

Когда это письмо пришло в Москву, Булгаков уже писал заветание.

Письмо № 19 из Калуги в Москву

17/XII⁵⁹

Дорогой Мака!

Дошли до меня сведения, что опять вынырнула твоя пьеса о Пушкине и дело идет о ее постановке в Художественном театре⁶⁰. Видишь, и в нашей провинции мы не так уж отстали от общего хода жизни. Это меня чрезвычайно обрадовало. Мне стало жить много легче. Вернулся с фронта почтенный педагог, которого я заменял, и уроков у меня сейчас гораздо меньше. Скоро наступят зимние каникулы. Я очень надеюсь съездить и повидать тебя.

Крепко целую тебя и Люсю.

Твой Коля.

Последнее письмо Булгакова Попову⁶¹:

24. I. 1940 г. Москва.

Жив ли ты, дорогой Павел?

Меня морозы совершенно искалечили, и я чувствую себя плохо. Позвони!

Твой М.

Николай Николаевич приехал в феврале 1940 года на один день, и они с Наталией Абрамовной навестили умирающего Булгакова. Перед уходом Елена Сергеевна хотела подарить им недавно сделанный снимок: лежит Булгаков с изуродованными болезнью чертами,

рядом она с весьма скорбящим лицом. Ляminy снимок не взяли. 10 марта 1940 года Булгаков умер.

Николай Николаевич вернулся в Калугу, с началом войны был вновь арестован и в 1942 году погиб в неизвестном сибирском лагере.

И сейчас, когда я прихожу к Наталии Абрамовне и пью чай с бесконечным тортом, знаю, что справа от меня в секретере лежит первая тоненькая книжка Булгакова с надписью:

«Настоящему моему лучшему другу Николаю Николаевичу Лямину».

Михаил Булгаков. 1925 г. 18 июля.

Москва».

Москва, 1985 г. (с дополнениями 1990 г.)

Приложение

ПИСЬМА Н. Н. ЛЯМИНА М. А. БУЛГАКОВУ

Письмо № 1⁶²

Дорогой Мака, умер вчера Сережа Заяицкий. Заезжал за тобой, чтобы звать тебя на панихиду⁶³. Сегодня вечером мы с Бобой у Маруси⁶⁴.

Коля.

Письмо № 4 из Коктебеля в Москву

Дорогой Мака!

Наконец доехали, устроились и блаженствуем. Живем в отдельной комнате у [неразборчивое слово] миловидной болгарки. Писателей незаметно. Кроме Ауслендера, Асеева и Караваевой. Саша Г.⁶⁵ очень мил. Вчера у него на балконе был организован небольшой кутеж. Крепко вас всех целую.

6/VIII 33

Коля.

Письмо № 5 из Коктебеля в Москву

14/VII 33 г.⁶⁶

До сегодняшнего дня погода была изумительная. Стояла такая жара, что у одного из членов нашей компании под влиянием палящего солнца произошла [неразборчивое слово] и отвалился сосок. Сейчас дело совсем другое. Дует уже не сирокко, а ледяной северный ветер. Мы лежим в нашей болгарской комнате на кроватях, Тата вяжет новый джемпер, а я не знаю, чем заняться. Ждем звонка к обеду.

Настроение радостное. По дороге из нашего поселка на волошинскую дачу⁶⁷ обычно останавливаюсь у ларька и выпиваю стакан молодого белого вина — по дороге в дом отдыха за Люсино здоровье, на обратном пути за твое. Целую вас всех.

Коля.

Письмо № 6 из Коктебеля в Москву

14/VII 33 г. ⁶⁸

Дорогой Мака, окажи мне, пожалуйста, следующую услугу. Возьми телефонную книжку, выпиши и пришли мне адрес Эд. Эд. Понтович (Трубн. пер.—) и Атабекова (Петровск. линии—). Буду тебе очень благодарен. Ураган все еще продолжается. Тата приступила уже ко второму рукаву джемпера. Скоро писатели начнут приходить в умоисступление (Саркисов).

Коля.

Письмо № 7 из Сочи в Москву

12/V 34 г.

Дорогие мои!

Фактически я здесь, но мысленно всецело с вами. Живу в комнате с очень милым человеком, пианистом Нейгаузом ⁶⁹. За вычетом музыки у нас совершенно одинаковые вкусы.

Купание мне очень нравится, а о пользе поговорим зимой. Выпейте рюмку водки за мое здоровье с Патей П.

Крепкий поцелуй Сереже ⁷⁰.

Коля.

Кавказ, Сочи, санат. КСУ
Сухумское ш., 2

Письмо № 8 из Сочи в Москву

20/V 34 г.

Дорогой Мака!

В течение 10 дней я являл собою зрелище полного инвалида. Болело все и хотелось громко выть, встать на четвереньки. Сейчас чувствую себя несколько лучше.

Мацеста вещь действительно ехидная. Водичка зеленая, вонючая и безобидная лишь на первый взгляд. На самом деле черт знает что! Даже часы нельзя брать с собой в Мацесту, т. к. механизм портится от испарений, имеющихсся в воздухе. На теле после каждой ванны появляются черные пятна всюду, где кожа обычно соприкасается с какими-нибудь металлическими частями (запонки, подвязки и т. п.).

Живу я у самого моря и в довольно приемлемой компании, но не располагаю ни минутой свободного времени. Лечат педантично и всеми способами ⁷¹, включая электризацию во всех видах. Если только совсем не залечат, то все будет хорошо. Свободно вздохнуть удастся лишь после 9 ч. вечера: тут я отправляюсь в соседний ресторанчик, где выпиваю кружку пива за твое здоровье.

Умственно я окончательно отупел, но интерес к московской жизни еще не иссяк. Хотелось бы очень знать, что вы делаете с Люсей ⁷² и Сережей. Работаешь ли над переделкой своей пьесы ⁷³? Повежут ли Турбиных в Ленинград ⁷⁴? Если не лень, напиши обо всем.

Крепко целую тебя, Люсю, Сережу.

Твой Коля.

29.VI. 34 г.

Дорогой Мака, мой затянувшийся отпуск приходит, наконец, к благополучному завершению. Числа 10 июля буду в Москве. Надеюсь, что ты еще никуда не успел уехать.

Теберду могу посоветовать всем. Изумительный воздух, горы, чрезвычайно живописно. Время надлежит проводить в прогулках или поездках верхом. К сожалению, последнего удовольствия я был лишен, т. к. у меня все время болела и болит спина. Гуляем мы, однако, очень много и почти всегда вдвоем. Общим стилем нашей жизни была крайняя замкнутость. В санатории КСУ можно устроиться вполне пристойно. Комната отдельная на двух человек. Кормят прилично, процветают все виды спорта и игр, включая бильярд ⁷⁵.

Я очень сожалею, что ты так и не удосужился мне ни разу написать. Меня очень интересовала судьба твоей новой пьесы ⁷⁶, а Тата никаких сведений по этому поводу сообщить не смогла. Ну да скоро приеду и все узнаю. Целую крепко тебя, Люсю и Сережу. Тата шлет привет.

До скорого свидания.

Коля.

Письмо № 10 ⁷⁷ из Сочи в Москву

Дорогой Мака,

не соблазнит ли тебя [неразб.] вид этой [картинки? открытки?]? Пока еще не поздно. Можно даже принимать солнечные ванны. Крепко целую тебя, Люсю и Сережу. Тата шлет привет.

Коля.

Письмо № 11 из Сочи в Москву

21/XI 35 г.

Дорогой Мака!

Хотя ты и не выносишь писем о погоде, все-таки я принужден написать именно с погоды, п. ч. ею определяется наша жизнь в настоящее время. Здесь очень холодно, довольно солнечно, нередко идет дождь, не особенно сильный. По утрам я принимаю или мацестинские или морские ванны, днем мы совершаем с Татой весьма длительные прогулки, вечером пристрастились играть в покер. Шахматы ⁷⁸, так же как и всякое умственное напряжение, мне категорически воспрещены. Публика собралась в Ривьере исключительно скучная. Все это ответственные работники, не получившие своевременно отпуска и приехавшие сюда скучать и лечиться. Ворчат они с утра до вечера ⁷⁹. Главным моим наслаждением является Диккенс. Перечитываю один роман за другим и все более восхищаюсь.

Конечно, так поздно приезжать на Кавказ не стоит. Но когда подумаешь, что днем можно ходить в пиджаке, цветут розы, а в Москве, вероятно, мороз, на душе становится как-то легче.

В начале ноября ⁸⁰ мы поедем дней на десять в Гагры, в Москву вернемся 17. Очень прошу тебя ответить мне поскорее, чтобы твое письмо застало меня здесь. Меня живо, как и всегда, интересуют твои дела и успехи. Как идут репетиции «Мольера» ⁸¹ и «Пушкина» ⁸²? Уладились ли неприятности с твоей комедией ⁸³?

Крепко целую Люсю, тебя и Сережу. Тата шлет вам всем привет.
Коля.

Азово-Черноморский край, Сочи.
Гост. «Кавказская Ривьера», комн. 29.

Письмо № 14 из Калуги в Москву

4/IV⁸⁴

Дорогой Мака!

С огромным удовлетворением я прочел в «Советском искусстве», что Вахтанговский театр приступает к репетициям твоей переделки для сцены «Дон Кихота»⁸⁵. Это, конечно, должно получиться очень хорошо. Осенью, наверно, уже состоится «генералка». Я крепко надеюсь, что смогу на ней присутствовать.

Твое письмо, на которое я по своей безалаберности так долго не отвечал, меня немножко расстроило: оно такое нервное, беспокойное. Да иначе и быть не может, если все время крутиться в нервных московских темпах жизни. О моих впечатлениях от Москвы за один день пребывания в ней Тата может тебе подробно рассказать.

Здесь в Калуге мне очень нравится, а летом будет еще лучше, п. ч. много простора и зелени. Я очень много читаю: необходимо, я это твердо почувствовал на старости лет, восполнить свое образование и набраться каких-то мыслей. Было бы мне уж очень приятно, если бы ты меня навестил хотя бы, когда станет теплее. Ехать сюда очень удобно — прямой поезд, одна ночь, мягкий вагон. Билет обратно я тоже мог бы тебе купить заранее.

Крепко тебя целую. Много думаю о тебе, о твоих новых произведениях, мне еще неизвестных. Сердечный привет Люсе, пусть Сережа обо мне вспомнит.

Твой Коля.

Письмо № 15 из Калуги в Москву

17/IV 39

Дорогой Мака, сегодня в «Советском искусстве» от 16/IV я опять прочел заметку о том, что в Театре им. Вахтангова началась подготовительная работа над постановкой пьесы М. Булгакова «Дон Кихот». Неужели и на этот раз блеф?

Мою жизнь в Калуге ничто не омрачает. С каждым днем становится теплее. Тата находится сейчас в Москве и обещает мне привезти две работы: словарную и что-то по Бальзаку. Всякая литературная и полулитературная работа меня в настоящее время и в настоящих условиях, конечно, очень устраивает. Крепко целую тебя и Люсю.

Твой Коля.

Письмо № 17 из Калуги в Москву

1/X 39

Дорогой Мака, очень был огорчен твоим письмом, но глубоко верю, что ты вскоре поправишься. Мы встретимся, поговорим и даже выпьем. Сейчас я очень занят — работаю в скромной должности преподавателя немецкого языка. Такова судьба! Надо признаться, что это и трудно и утомительно. Лето прошло у меня приятно. Мы снимали комнату в

деревне надалеко от Калуги⁸⁶. Частично жили там сами, частично предоставляли многочисленным друзьям, приезжавшим меня навестить⁸⁷. Много было приятных дней, а когда я остался один, читал запоем различные книги, главным образом по русской истории. В настоящее время дело обстоит несколько хуже, выхожу из дома в 7.30, а возвращаюсь в 3, в достаточной степени разбитый. Младенцы слишком шумливы или не хотят слушаться. Да и обучить их не так просто. Очень надеюсь на зимние каникулы. Может быть, удастся дня на два-три съездить в Москву и повидать друзей.

Так тяжело думать, что ты беспомощно лежишь в темной комнате и волнуешься. Я говорил о твоей болезни с моим приятелем, опытным врачом. Он утверждает, что это не только вполне излечимо, но излечимо без всяких последствий. Может быть, ты уже сейчас поправился и сам будешь в силах написать мне о своих главных работах и планах. Крепко целую тебя, Люсю и Сережу.

Тата сейчас в Калуге и шлет тебе привет.

Твой Коля.

Письмо № 18 из Калуги в Москву

30/X 39

Дорогой Мака!

Хотел бы я развлечь тебя описанием моей жизни, но, пожалуй, из этого ничего не выйдет. Летом я наслаждался во всех отношениях. Много гулял, читал и видел многих приятных мне людей. Ну а сейчас я даже минуты не имею, чтобы передохнуть и на чем-нибудь сосредоточиться. Началось с маленького, а кончилось тем, что заполнили все мое время. Возьму для примера два последних дня — вчерашний и сегодняшней, причем сегодня день выходной. Встав в 7 ч. утра, я бодрым шагом направился в школу (это было вчера). Мне надлежало дежурить и с 8 до 8.30 регулировать впуск учеников в школу, чтобы они не изувечили друг друга. С 8.30 до 2 ч. я непрерывно обучал молодежь (5-е, 6, 7 кл.) немецкому языку, чему они не очень поддаются. Часов до 4 проверял тетради, а затем стремительно кинулся домой обедать. После обеда пришлось смотаться к зубному врачу (у меня еще осталось три зуба и почему-то они болят). После врача готовился к докладу о Лермонтове, который сегодня вечером в школе для учеников и учителей. Часов в 11 был дома и пил водочку с Ник. Мих.⁸⁸ и одним доктором. С Ник. Мих. мы всегда горячо вспоминаем тебя.

Сегодняшний день (выходной), встав довольно поздно, я посвятил обследованию домашнего быта учащихся. Обошел десять человек, живущих в разных местах. Вечером проверял тетради и заполнял дневники учеников ввиду окончания четверти. Так проходит моя трудовая жизнь. Очень обидно, что для себя, для своих собственных занятий почти не остается времени. О тебе мне часто пишет Патя. Нежно обнимаю и целую тебя, Люсю и Сережу.

Твой Коля.

Я тоже крепко целую тебя, дорогой Мака, а также Люсю. Думаю, скоро приеду и сразу позвоню.

Тата.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

1. Архив автора (см. о его судьбе в предисловии автора).
2. Точные названия изданий см. далее.
3. Реестр Туапсинской нотариальной конторы, от 7 декабря 1981.
4. Туапсе, ул. Ленина, д. 6, кв. 6.
5. Долгопятов Г. Мигрень // Здоровье. 1978. № 8. С. 14.
6. Хинкулов Л. Михаил Булгаков и Алексей Турбин // Радуга. 1981. № 5. С. 174.
7. Яновская Л. «Куда я, туда и он со своим тромбоном» // Юность. 1975. № 8. С. 106.
8. Бурмистров А. К биографии М. А. Булгакова. 1891—1916 // Контекст-1978. М., 1978. С. 253, прим. 13.
9. Некрасов В. Дом Турбиных // Новый мир. 1967. № 8.
10. Катаев В. Алмазный мой венец. М., 1979. С. 74—76.
11. Чудакова М. К творческой биографии М. Булгакова. 1916—1923 // Вопросы литературы. 1973. № 7. С. 233.
12. 7.
13. 8. С. 264.
14. 8, с. 265.
15. Киевский городской гос. архив (далее — КГГА). Ф. 16. Оп. 465. Ед. хр. 16366.
16. Чудакова М. Архив М. А. Булгакова // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. Ленина (далее — ОР ГБЛ). Вып. 37. М., 1976. С. 35.
17. Булгаков М. Роковые яйца // Недра. 1925. № 6.
18. Булгаков М. Морфий // Медицинский работник. 1927. № 45, 46, 47 (9, 17, 23 декабря).
19. В цикл входят рассказы «Стальное горло», «Крещение поворотом», «Вьюга», «Тьма египетская», «Звездная сыпь», «Полотенце с петухом», «Пропавший глаз», «Я убил», «Морфий». Рассказы (кроме «Морфия») цит. по изданию: Булгаков М. Избранное. М., 1980.
20. Стеклов М. «Я стал отважным человеком...» // Литературная Россия. 1984. № 34 (24 августа). С. 16.
21. Бурмистров А. Поездка в прошлое // Звезда. 1981. № 5. С. 195.
22. 11, с. 233.
23. Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 28.

24. 21, с. 194. Здесь приведены и другие фамилии.
25. 15.
26. 11, с. 234.
27. 23, с. 30—31.
28. 21.
29. 21, с. 194.
30. Там же.
31. Там же.
32. 21, с. 195.
33. Там же.
34. 21, с. 196.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. 21, с. 194.
40. 21, с. 197.
41. 23.
42. 11, с. 234.
43. Здесь и далее роман «Белая гвардия» цитируется по изданию: Булгаков М. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М., 1973.
44. Булгаков М. Киев — город // Накануне. 1923. 6 июля.
45. Гиреев Д. Михаил Булгаков на берегах Терека. Орджоникидзе, 1980. С. 11.
46. 43, с. 31.
47. 6, с. 184.
48. 16, с. 49.
49. 43, с. 186, 188, 193, 194.
50. 43, с. 193.
51. 43, с. 23.
52. Там же.
53. 23, с. 110.
54. Попов Павел Сергеевич, литературовед, философ. Друг Булгакова в 30-е годы.
55. 43, с. 47.
56. 43, с. 181.
57. 43, с. 81.
58. Булгаков М. В ночь на 3-е число // Накануне (Литературное приложение). 1922. 10 декабря.
59. 6, с. 187.
60. 43, с. 17.
61. 43, с. 268.
62. 23, с. 24.
63. 8, с. 257, прим. 23.
64. Брянская Н. Дом на Андреевском спуске // Литературная Россия. 1979. 6 апреля.
65. Гудкова В. Булгаковские места // Театр. 1980. № 7.
66. 65, с. 58.

67. 65, с. 57.
68. 65, с. 58.
69. 65, с. 57.
70. 65, с. 58.
71. Там же.
72. 8, с. 265.
73. 43, с. 54, 59, 65, 74.
74. 43, с. 60.
75. Там же.
76. 43, с. 61.
77. 43, с. 63.
78. 43, с. 74.
79. 43, с. 20.
80. 43, с. 263.
81. 43, с. 265.
82. Бец В. Анатомический театр Университета Св. Владимира, 1840—1884. Киев, 1884.
83. 45, с. 17.
84. 45, с. 33.
85. 45, с. 23, 35.
86. 11, с. 235.
87. 11, с. 236.
88. 23, с. 44—45.
89. 16, с. 48.
90. Яновская Л. Предисловие к публикации: Булгаков М. Красная корона // Аврора. 1977. № 6.
91. Там же.
92. 11, с. 236—237.
93. 45, с. 137, прим. 13: Гиреев указывает, что рассказ «Дань восхищения» был опубликован в «Кавказской газете» (Владикавказ) 5 февраля 1920 года, однако не сообщает места хранения газеты, и это, таким образом, трудно проверить.
94. Земская Е. М. А. Булгаков. Письма к родным. (1921—1922) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 35. 1976. № 5. Письмо № 4.
95. Пейзулаев Туаджин, юрист. Вероятный соавтор «Сыновей муллы».
96. Слезкин Юрий Львович, известный в 20-е годы беллетрист.
97. 45, с. 34.
98. 45, с. 120.
99. Письмо издательства «Ир» от 13 января 1984 г., № 15. Архив автора.
100. Яновская Л. «Бросил звание с отличием и писал» // Юность. 1977. № 3.
101. 23, с. 58.
102. Подотдел искусств Отдела народного образования Терского областного ревкома.
103. 94.
104. ОР ГБЛ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 22.
105. 11, с. 245.
106. ОР ГБЛ. Ф. 562. К. 28. Ед. хр. 5—7.

107. ОР ГБЛ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 29.
108. Булгаков М. Необыкновенные приключения доктора // Рупор. 1922. № 2.
109. Булгаков М. Записки на манжетах // Накануне. 1922. 18 июня.
110. Булгаков М. Записки на манжетах // Россия. 1923. Май.
111. Булгаков М. Неделя просвещения // Коммунист (Владикавказ). 1921. 1 апреля.
112. Булгаков М. Богема // Красная нива. 1925. Январь.
113. ОР ГБЛ. Ф. 562. К. 11. Ед. хр. 11—12.
114. Проффер Э. Предисловие к I тому 10-томного собрания сочинений М. А. Булгакова. Энн Арбор, 1982.
115. 11, с. 236.
116. Медников А. В кн.: Сборник воспоминаний о К. Паустовском. М., 1983.
117. Беме Борис Робертович. Знакомый Булгакова по Владикавказу.
118. 11, с. 241.
119. 94, предисловие.
120. 23, с. 68.
121. Там же.
122. Предположительно это был Г. В. Евангулов.
123. Гос. архив Северо-Осетинской АССР (далее — ГА СО). Ф. 36. Д. 17.
124. 109.
125. Там же.
126. Чудакова М. Булгаков-читатель // Книга. Исследования и материалы. М., 1980.
127. 114.
128. 109.
129. 94 (дополнено из других источников).
130. Тифлис, Дворцовая, 6, номера «Пале-ройаль» (№ 15). ОР ГБЛ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 22. Письмо № 11.
131. 94, письмо № 1.
132. Там же.
133. 94, письмо № 2.
134. 45, с. 117—118.
135. 94.
136. 43, с. 185.
137. 16, с. 44—45, прим. 51.
138. Вся Москва. 1931. С. 276.
139. 11, с. 245.
140. 94, предисловие.
141. Булгаков М. Трактат о жилище: Сборник. М.: Л.: Земля и фабрика, 1926. С. 25.
142. Цитируется по изданию: см. 43, с. 275.
143. Булгаков М. Дьяволиада: Сборник. М.: Недра, 1925. С. 130.
144. Цитируется по изданию: см. 43, с. 710.
145. 141, с. 25, 30.
146. 94, письмо № 7.
147. 16, с. 48, прим. 60. Копия полного текста дневника выдана в 1989 г. архивом КГБ и опубликована в журнале «Театр». 1990, № 2.

148. 110.
149. Миндлин Э. Молодой Михаил Булгаков // Наш современник. 1967. № 2. С. 100.
150. 11, с. 247.
151. 11, с. 248.
152. Булгаков М. Спиритический сеанс // Рупор. 1922. № 4.
153. Булгаков М. Москва 20-х годов // Накануне. 1924. 27 мая и 12 июня.
154. В. Е. Коморский скончался в 1982 г. в г. Жуковском Московской обл.
155. Копию списка, хранящегося в Музее МХАТ, любезно предоставила Л. Е. Белозерская. Список составлен со слов М. А. Булгакова С. Шиловским.
156. 10.
157. 10, с. 70.
158. 10, с. 71.
159. 10, с. 187—188.
160. Согласно письму Управления организации пассажирских перевозок от 11 мая 1981 г. № П — 09—1518/206, движение трамваев у Патриаршего пруда не происходило. Архив автора.
161. **Неизданный Булгаков: Сборник.** Энн Арбор, 1977.
162. 143, с. 127.
163. 43, с. 514.
164. Левшин В. Садовая, 302-бис // Театр. 1971. № 11.
165. 164, с. 114.
166. Там же.
167. Там же.
168. Там же.
169. Там же.
170. 10, с. 70.
171. 161.
172. Булгаков М. Копыто инженера // Памир. 1984. № 7. С. 54, прим.
173. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. 1988. № 11. С. 75.

ЧЕРТОВЩИНА В АМЕРИКАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В МОСКВЕ

1. Существуют и другие версии смерти Н. А. Второва.
2. Здесь и далее роман «Мастер и Маргарита» цитируется по изданию: Михаил Булгаков. Избранное. М., 1980.
3. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. 1988. № 12. С. 48—49.
4. Peter S. Bridges. Spaso House // Foreign Service Journal. 1964. April.
5. Письмо г-на Джорджа Ф. Кеннана Л. Паршину от 7 сентября 1982 г. из Принстона в Москву. Публикуется с разрешения г-на Кеннана (архив автора).
6. 4.
7. 3, с. 45.
8. Wright A. C. Mikhail Bulgakov. Life and Interpretations. Toronto, 1978.
9. Стенограмма телефонного разговора г-на Джорджа Ф. Кеннана

- с Л. Паршиным от 27 октября 1982 г. Москва — Принстон. Публикуется с разрешения г-на Кеннана (архив автора).
10. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 433.
 11. Виноградская И. Жизнь и творчество К. С. Станиславского. Москва: ВТО, 1976. Т. 4.
 12. Из рассказа директора музея-квартиры Немировича-Данченко А. Л. Баратова 25 ноября 1982 г. Л. Паршину (архив автора).
 13. Milne Lesley. К биографии М. А. Булгакова (публикация Milne) // Новый журнал. № 111 (1973).
 14. Proffer E. Mikhail Bulgakov: Documents for a Biography // Russian Literature Triguatery. 1974. N 7.
 15. Центральный гос. архив РСФСР. Ф. 2306. Оп. 2. Ед. хр. 526.
 16. Правда. 1935. 8 июня. № 156. («В 1959 г. А. С. Енукидзе посмертно реабилитирован». Правда. 1962. 19 мая. № 139.)
 17. Вся Москва. 1936. Ч. 2. С. 643.
 18. Правда. 1937. 20 декабря. № 348. (Некоторые из осужденных были посмертно реабилитированы.)
 19. Фриновский М. На страже завоеваний социализма // Правда. 1937. 20 декабря. № 348.
 20. Весь Киев. 1910. Стб. 332.
 21. Весь Киев. 1915. Стб. 322, 701.
 22. Бертенсон С. Л. Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 406.
 23. 3.
 24. Чудакова М. О. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 236.
 25. Peer de Silva. The CIA and the usues of intelligence. P. 15—16.
 26. Вся Москва. 1936. Ч. 1. С. 63.

ГОРОД МАСТЕРА

Все сведения справочного характера содержатся в самом тексте очерка, поэтому они не вынесены в специальный раздел примечаний.

«НЕ НАШ ЧЕЛОВЕК»

1. Булгаков М. Роковые яйца. В сб.: Дьяволиада. М.: Недра, 1925.
2. Стенограмма воспоминаний Т. Н. Кисельгоф. Архив автора.
3. Wright A. S. Mikhail Bulgakov. Life and Interpretations. Toronto, 1978. P. 54.
4. Рукописи не сохранились, история текста почти не известна.
5. Чудакова М. Архив М. А. Булгакова // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. Ленина. Вып. 37. М., 1976. С. 42.
6. 5, с. 43.
7. 5, с. 44, прим. 49.
8. 1, с. 59.
9. 1, с. 100. (Подчеркнуто мной.)
10. Земская Е. М. А. Булгаков. Письма к родным. (1921—1922 гг.) //

11. 5, с. 48, прим. 60.
12. 2.
13. 1, с. 57.
14. 1, с. 81.
15. 1, с. 80.
16. 1, с. 84.
17. 1, с. 85.
18. 1, с. 89.
19. 1, с. 103—105.
20. 1, с. 109.
21. 1, с. 110.
22. 5, с. 35.
23. 1, с. 106.
24. 2.
25. 2. (Подчеркнуто мной.)
26. 10, письмо № 3.
27. 1, с. 93.
28. Бурмистров А. К биографии М. А. Булгакова (1891—1916) // Контекст-1978. М., 1978. С. 259.
29. Булгаков М. Белая гвардия // Булгаков М. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М., 1973. С. 100.
30. Ермолинский С. О Михаиле Булгакове // Театр. 1966. № 9. С. 80.
31. Булгаков М. Необыкновенные приключения доктора // Рупор. 1922. № 2.
32. Булгаков М. Красная корона // Накануне (Литературное приложение). 1922. 22 октября.
33. Булгаков М. В ночь на 3-е число // Накануне (Литературное приложение). 1922. 10 декабря.
34. Булгаков М. Налет // Гудок. 1923. 25 декабря.
35. 29.
36. Булгаков М. Я убил // Медицинский работник. 1926. № 44, 45 (18 ноября, 12 декабря).
37. Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. Ленина. Ф. 562. К. 5. Ед. хр. 2.
38. 2.
39. 5.
40. Булгаков М. Мастер и Маргарита // Булгаков М. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М., 1973. С. 734—735.
41. Там же.
42. 5, с. 102.
43. 40, с. 490.
44. Похоже, речь идет о первом московском произведении.
45. 30, с. 94.

1. Заяицкий Сергей Сергеевич (1893—1930), писатель, переводчик. Давний знакомый Лямина и недавний Булгакова.
2. Всесоюзный Совет Народного Хозяйства.
3. Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932), поэт, художник. Поселившись еще до революции в Коктебеле, в 1924 г. сделал свой дом бесплатным домом творчества.
4. Ангарский Николай Семенович (Клестов) (1873—1941), издатель, редактор, глава кооперативного издательства «Недра».
5. Письмо от 25 марта 1925 г. Цит. по: Чудакова М. Архив М. А. Булгакова // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. Ленина. М., 1976. Вып. 37. С. 55.
6. Копию любезно предоставила Н. А. Ушакова.
7. Тогда Н. Н. Лямин работал заведующим библиотекой ЦКК Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции.
8. Прозвище Н. А. Ушаковой, данное ей Л. Е. Белозерской.
9. Л. Е. Белозерская.
10. Шюзвиль Жан. Французский поэт. Губернер Н. Н. Лямина в гимназические годы. На своей книге «Пыльная дорога. Поэмы» (Париж, 1910) он сделал стихотворную надпись: «Дорогому Николаю Николаевичу Лямину, моему воспитаннику, достойному любви и дружбы за прекрасную душу и благородный ум. Жан Шюзвиль» (перевод с французского автора данного очерка).
11. Характерный метод литературной работы Булгакова.
12. Речь идет о Булгакове. Думаю, в последних фразах бессознательно отразилось недовольство Белозерской тем, что Булгаков много времени проводит с Ляминным; намек хозяевам и упрек Булгакову.
13. Прозвище, данное Белозерской Булгакову.
14. «Дни Турбиных».
15. Дурной тон (фр.), о «Зойкиной квартире».
16. Станицын Виктор Яковлевич (1897—1976), актер и режиссер. 1948 — нар. артист СССР.
17. Вряд ли речь идет о «Багровом острове» для Камерного театра, т. к. «угрозу» репетиций видит актер МХАТа. В марте 1926 года Булгаков заключил с МХАТом договор на пьесу «Собачье сердце» по своей одноименной повести, однако сомнительно, чтобы имелась в виду и эта пьеса, т. к. похоже, что речь идет о новой работе. Кроме того, после неприятностей с ГПУ и изъятия при обыске текста «Собачьего сердца» Булгаков, скорее всего, сознавал бесперспективность этой работы. В апреле 1927 года этот договор был расторгнут. Остается пьеса «Рыцарь Серафимы» («Бег»), договор с МХАТом на которую хоть и был заключен в апреле 1927 года, но, как обнаружила М. Чудакова, замысел ее относится именно к 1926 году.
18. Актриса театра им. Вахтангова, отличавшаяся заметной красотой.
19. Блюм Владимир Иванович (1877—1941), руководитель музыкально-театральной секции Главреперткома. Яростный критик Булгакова.
20. Попов Павел Сергеевич, литературовед, друг Н. Н. Лямина и М. А. Булгакова. Пытался быть биографом Булгакова, на что тот

охотно откликнулся, передавая Попову некоторые свои рукописи и посылая подробные письма о себе и своей работе (дневники Булгаков перестал вести после их изъятия при обыске). Однако, как рассказал мне в 1981 г. С. А. Ермолинский, разбирая после смерти Попова его архив, он обнаружил там гораздо меньше материалов, чем ожидал, да и сам архив не отличался порядком.

21. Рабоче-Крестьянская Инспекция.
22. Как пояснила Н. А. Ушакова, они любили недоговаривать имена; речь идет о Станицыне.
23. Примерно за неделю до этой записи Булгаков подарил Н. А. Ушаковой свое фото с надписью: «Тате дорогой от дорогого М. Булгакова. 22/Х 1926 г. Москва». Архив Н. А. Ушаковой.
24. Мания величия.
25. Понсова Елена Дмитриевна, начала работать в 3-й студии МХАТ, выделившейся затем в театр Вахтангова. Нар. артистка РСФСР (1957).
26. Шапошников Борис Валентинович, приятель Ляминых. Работник культуры (музейное дело), работал в ГАХН, художник.
27. Монокль Шапошников носил только до революции. Скорее, это камень в огород Булгакова, который в этот период несколько раз появлялся в монокле.
28. Старое название площади в Бауманском р-не Москвы по наименованию располагавшегося там известного кабака.
29. По образованию он был врачом.
30. Письмо от 21 февраля 1930 г. Н. А. Булгакову. Цит. по: Чудакова М. Архив... С. 92.
31. 18 марта 1988 г. Лев Лазаревич Хургес скончался. Цитируемое письмо также уничтожено Управлением КГБ по г. Москве 18 декабря 1986 г.
32. Чудакова М. О. Жизнеописание, Михаила Булгакова // Москва. 1988. № 12. С. 16.
33. Чудакова М. О. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 233—234.
34. Там же.
35. 33, с. 242.
36. Лицо, предоставившее мне копии писем, просило свое имя не называть.
37. 32, № 11, с. 99.
38. Гудкова В. В. Письма М. А. Булгакова П. С. Попову // Театр. 1981. № 5. С. 90—91.
39. В этот период Булгаков заключил договор на книгу о Мольере в серии «Жизнь замечательных людей» и договор с театром-студией под руководством Завадского на перевод комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», легшей в основу пьесы Булгакова «Полоумный Журден». Продолжались репетиции «Мертвых душ» в МХАТе.
40. Работу над мольеровской темой Булгаков начал еще в 1929 году пьесой «Кабала святош».
41. Пьеса Булгакова имела подзаголовок «Мольериана в трех действиях».

42. Завадский Юрий Александрович (1894—1977), режиссер, актер, театральный деятель. Нар. артист СССР, Герой Соц. Труда. С 1915 г. в студии Вахтангова, с 1924 — основал свою студию.
43. Авилов Всеволод Михайлович, сын талантливой писательницы Л. А. Авиловой, друг Н. Н. Лямина.
44. Супруги Поповы.
45. Дачная местность вблизи Ленинграда, где отдыхали тогда Поповы. Н. Н. Лямин с женой отдыхали в то же время в Петергофе на даче родственницы.
46. Царское Село.
47. Так в узком кругу звали Н. А. Ушакову.
48. Булгаков М. А. Глава из романа и письма // Новый мир. 1987. № 2. С. 196.
49. Там же.
50. Булгаков ожидал получения квартиры в строящемся на ул. Фурманова доме 3/5 писательского кооператива, руководимого Матэ Залкой. В феврале 1934 г. он поселился там в трехкомнатной квартире № 44 с третьей женой Е. С. Булгаковой (Шиловской).
51. К этому времени Булгаков несколько раз читал Н. Н. Лямину ранние редакции романа «Мастер и Маргарита».
52. Это и все следующие письма Лямина были написаны в 1939 году.
53. 27 сентября 1926 г.
54. Премьера — 28 октября 1926 г. Запрещена в 1928 г.
55. Премьера — 11 декабря 1928 г. Запрещена весной 1929 г. Тогда же были запрещены вообще все пьесы Булгакова.
56. 7 февраля 1927 г.
57. «Мастер и Маргарита».
58. 52.
59. Там же.
60. Договор был подписан 22 января 1940 г.
61. 48, с. 180.
62. Записка, оставленная Ляминим в квартире Булгакова на Б. Пироговской ул., д. 35-а, кв. 6. Не датирована. По дате смерти С. С. Заяицкого — 21 мая 1930 г. — записку можно датировать 22 мая 1930 г.
63. С. С. Заяицкий умер в Феодосии, но московские друзья устроили панихиду в Москве.
64. Мария Нестеренко, вторая жена С. С. Топленинова, владельца д. № 9 в Мансуровском переулке, театрального макетчика.
65. Габричевский Александр Георгиевич, искусствовед, одаренный музыкант и художник, автор считающегося лучшим портрета Волошина, сын основоположника отечественной микробиологии Г. Н. Габричевского, чей скульптурный портрет, созданный Роденом, хранится в Музее изобразительных искусств им. Пушкина. Друг Н. Н. Лямина.
66. Письма № 5 и № 6 датированы ошибочно. Вероятно, следует читать «14/VIII 33 г.» (по комментариям Н. А. Ушаковой).
67. На даче Волошина Лямин с женой навещал отдыхавших там Габричевских.
68. 66.

69. Нейгауз Генрих Густавович (1888—1964), нар. артист РСФСР (1956), пианист, друг Габричевских.
70. Шиловский Сергей Евгеньевич, младший сын Е. С. Булгаковой от первого брака. Поселился вместе с матерью в квартире Булгакова на Б. Пироговской в октябре 1932 г.
71. Н. Н. Лямин был болен радикулитом.
72. Имя Е. С. Булгаковой в узком кругу.
73. Речь идет о законченной в апреле 1934 года пьесе «Блаженство», написанной для Ленинградского мюзик-холла. После переработки пьеса получила название «Иван Васильевич».
74. 20 июля 1934 года в Ленинграде МХАТ показал 500-й спектакль «Дни Турбиных».
75. «Винт» и бильярд — любимые игры Булгакова. Позже присоединились шахматы.
76. 73.
77. Открытка. Не датирована. Московский почтовый штемпель получения — 9 ноября 1935 г.
78. Булгаков и Лямин часто играли в шахматы.
79. В качестве примера Н. А. Ушакова, отдыхавшая там вместе с мужем, рассказала, что жильцы гостиницы высказывались о дутости нашумевших тогда рекордов Стаханова.
80. Описка автора письма. Следует читать «декабря».
81. Пьеса (первая полная редакция) была закончена в декабре 1929 года, в следующем году перепечатана, в 1931 после «третьей перепечатки» разрешена, в 1932 начались репетиции в МХАТе и продолжались несколько лет. Генеральная репетиция и премьера состоялись в феврале 1935 года, но через три недели пьесу сняли с репертуара. Больше ее Булгаков никогда не видел.
82. Практически — никак. После отказа Булгакова внести в пьесу предлагаемые театром им. Вахтангова изменения автор счел пьесу похороненной.
83. Неприятности уладились. За три дня до написания этого письма начались репетиции «Ивана Васильевича» в Театре Сатиры, которые закончились ровно через полгода генеральной репетицией и снятием пьесы с репертуара.
84. См. прим. 52.
85. Пьеса начата в декабре 1937 г. для театра им. Вахтангова, но отложена до лета 1938 г. Закончена в сентябре 1938 г.
86. На противоположном берегу Оки.
87. Сестра Наталии Абрамовны Ольга Абрамовна Ушакова, племянница Наталия Арсеньевна Обухова, Поповы, Морицы, Шервинский, Белозерская и др.
88. Стронский Николай Михайлович, знакомый Ляминах и Булгаковых по Москве. Оказался в Калуге так же, как Лямин.

Обозначения на схеме
«МОСКВА МИХАИЛА БУЛГАКОВА»

см. также фрагменты 1 и 2

1. Воротниковский пер., д. 1 — детский сад «Золотая рыбка». В кв. 2 жили родственники Булгакова Мария Даниловна и Борис Михайлович Земские, у которых писатель часто бывал. Дом не сохранился.

2. Пл. Маяковского, д. 2 — Театр Сатиры («Варьете»).

3. Б. Садовая ул., д. 10, кв. 34 — здесь жил Булгаков осенью 1924 г.

4. Б. Садовая ул., д. 10, кв. 50 — первый московский адрес писателя с конца сентября 1921 г. до осени 1924 г. Тут созданы «Записки на манжетах», «Роковые яйца» и другие произведения, вошедшие в сборник «Дьяволиада», значительная часть «Белой гвардии». Дом и некоторые его жильцы описаны в произведениях «Псалом», «Самогонное озеро», «№ 13 — дом Эльпитрабкоммуна», «Зойкина квартира», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита».

5. М. Бронная ул., д. 32, кв. 2 и кв. 24 — адреса друзей Булгакова — семьи Крешковых. Кв. 24 описана в рассказе «Спиритический сеанс».

6. М. Бронная ул., д. 32, кв. 24 — адрес друзей Булгакова А. М. Ляминой и И. И. Лямина.

7. М. Козихинский пер., д. 12, кв. 12 — здесь в квартире Зинаиды Васильевны и Владимира Евгеньевича Коморских Булгаков устроил ужин в честь прибывшего из-за границы А. Н. Толстого. Часто бывал здесь. Квартира и событие описаны в «Театральном романе» и очерке «Москва 20-х годов».

8. Перекресток М. Бронной и Ермолаевского пер. — «Тотчас и подлетел этот трамвай, поворачивающий по новопроложенной линии с Ермолаевского на Бронную» («Мастер и Маргарита»).

9. М. Бронная ул., Пионерский пруд — «Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина» («Мастер и Маргарита»).

10. Тверской бул., д. 25 — Литературный институт им. А. М. Горького («МАССОЛИТ»). «Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на бульварном кольце в глубине чахлого сада, отделенного от тротуара кольца резною чугунною решеткой» («Мастер и Маргарита»).

11. Б. Гнезниковский пер., д. 10 — редакция газеты «Накануне», где в 20-е годы сотрудничал Булгаков. В этом же доме у супругов Моисеенко в 1929 г. он, вероятно, познакомился с Е. С. Шиловой, ставшей в 1932 г. его третьей женой. Здание описано в сборнике «Дьяволиада» и очерке «Сорок сороков».

12. Ул. Станиславского, д. 6 — Дом-музей К. С. Станиславского. Дом описан в «Театральном романе».

13. Ул. Герцена, д. 46 — летом 1924 г. Булгаков со второй женой Л. Е. Белозерской прожили здесь около месяца у сестры писателя Надежды.

14. Пл. Свердлова, д. 2 — Большой театр. С 1936 года писатель работал здесь как либреттист, написав либретто «Рашель», «Черное море», «Минин и Пожарский», «Петр Великий».

15. Проезд Художественного театра, д. 3 — Художественный акад. театр Союза ССР, где в 1930—1936 годах Булгаков работал ассистентом режиссера и актером. В этом театре была поставлена пьеса «Дни Турбиных», велась работа над пьесами «Бег», «Мертвые души», прошло несколько спектаклей «Кабалы святош». Жизнь театра описана в «Театральном романе».

16. Ул. Герцена, д. 6 — Зоологический музей МГУ. «16 апреля 1928 года, вечером, профессор зоологии IV Государственного университета и директор Зооинститута в Москве, Персиков, вошел в свой кабинет, помещающийся в Зооинституте, что на улице Герцена» («Роковые яйца»).

17. Александровский сад — «Через несколько минут Маргарита Николаевна

сидела уже под кремлевской стеной на одной из скамеек, поместившись так, что ей был виден Манеж» («Мастер и Маргарита»).

18. Москворецкая наб., Китайский пр.— один из адресов редакции газеты «Гудок», где в 20-е годы работал Булгаков.

19. Лаврушинский пер., д. 17 — «...Ее внимание привлекла роскошная громада восьмизэтажного, видимо, только что построенного дома. Маргарита пошла вниз и, приземлившись, увидела, что фасад дома выложен черным мрамором, что двери широкие, что за стеклом их виднеется фуражка с золотым галуном и пуговицы швейцара и что над дверьми золотом выведена надпись: „Дом Драмлита“» («Мастер и Маргарита»). По тексту романа это здание расположено на ул. Вахтангова, д. 6 (см. точку 24).

20. Сретенский бул., д. 6 — ЛИТО (Литературный отдел Наркомпроса РСФСР), первое место работы Булгакова в Москве в октябре и ноябре 1921 г. ЛИТО описан в «Записках на манжетах».

21. Перекресток просп. Маркса и ул. Фрунзе — «Дом Пашкова», здание Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. «На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, здания, построенного около полутора столетия назад, находились двое: Воланд и Азазелло» («Мастер и Маргарита»).

22. Арбатский пер.— здесь в старом деревянном доме осенью 1924 г. нашли кратковременный приют М. А. Булгаков и Л. Е. Белозерская. Дом не сохранился.

23. Ул. Арбат, д. 26 — Гос. акад. театр им. Евг. Вахтангова, поставивший пьесу Булгакова «Зойкина квартира». «Она пересекла Арбат, поднялась повыше, к четвертому этажу, и мимо ослепительно сияющих трубок на угловом здании театра проплыла в узкий переулок с высокими домами» («Мастер и Маргарита»).

24. См. текст к точке 19.

25. Спасопесковская пл., д. 10 — Резиденция Чрезвычайного и Полномочного Посла США в СССР. «Как ни мало давала свету коровьевская лампадка, Маргарита поняла, что она находится в совершенно необъятном зале, да еще с колоннадой, темной и по первому впечатлению бесконечной» («Мастер и Маргарита»).

26. Ул. Арбат, д. 54/2 — гастроном № 2. «...Через четверть часа после начала пожара на Садовой у зеркальных дверей Торгсина на Смоленском рынке появился длинный гражданин в клетчатом костюме и с ним черный крупный кот» («Мастер и Маргарита»).

27. Пер. Сивцев Вражек, д. 22, стр. 2 — такой адрес в 30-е годы имела нефтелавка № 34, дважды упоминаемая в «Мастере и Маргарите». Не сохранилась.

28. Ул. Танеевых, д. 9 — дом артиста МХАТа Калужского, где жила сестра Е. С. Шиловой Ольга Бокшанская. Булгаков часто бывал здесь. Дом не сохранился.

29. Ул. Танеевых, д. 12 — «Маргарита Николаевна со своим мужем вдвоем занимала весь верх прекрасного особняка в саду в одном из переулков близ Арбата» («Мастер и Маргарита»).

30. Ул. Фурманова, д. 3/5, кв. 44 — последний адрес Булгакова. Здесь он жил с 1934 по 1940 год, здесь создавал последние свои произведения, здесь 10 марта 1940 г. умер. Дом не сохранился.

31. Чистый пер., д. 1, кв. 12 — квартира дяди писателя, Н. Н. Покровского. Хозяин квартиры, ее атмосфера и обстановка описаны в повести «Собачье сердце».

32. Чистый пер., д. 9, стр. 2, кв. 4 — адрес Булгакова в 1924—1926 годах. Комната была во втором этаже «голубятни», старой разваливающейся деревянной постройки (не сохранилась). Тут созданы «Записки юного врача», «Зойкина квартира», «Дни Турбиных» и другие произведения.

33. Чистый пер., д. 6, кв. 22 — на дому у хозяина этой квартиры, зубного врача Якова Ефимовича Шапиро, Булгаков лечился.

34. Чистый пер., д. 10 — предположительно, использован при описании «особняка Маргариты».

35. М. Левшинский пер., д. 4, кв. 1 — адрес Булгакова в 1926—1927 годах. В двух небольших комнатках были написаны пьесы «Бег», «Багровый остров» и другие произведения.

36. Мансуровский пер., д. 9 — дом С. С. Топленинова. «Выиграв сто тысяч, загадочный гость Ивана поступил так: купил книг, бросил свою комнату на Мясницкой... (...) Нанял у застройщика две комнаты в подвале маленького домика в садике» («Мастер и Маргарита»).

37. Ул. Остоженка, д. 7 (он же — Савельевский пер., д. 12), кв. 66 — адрес Н. А. Ушаковой и Н. Н. Лямина, близких друзей Булгакова. «Иван Николаевич смутился, но ненадолго, потому что вдруг сообразил, что профессор непременно должен оказаться в доме № 13 и обязательно в квартире 47» («Мастер и Маргарита»).

38. Кропоткинская наб.— «Через самое короткое время можно было увидеть Ивана Николаевича на гранитных ступенях амфитеатра Москвы-реки» («Мастер и Маргарита»). Спуск не сохранился.

39. Б. Пироговская ул., д. 35-а, кв. 6 — здесь жил писатель с 1927 по 1934 год. Тут написан роман «Жизнь господина де Мольера», начаты «Театральный роман» и «Мастер и Маргарита», созданы другие произведения.

40. М. Пироговская ул., д. 18 — общежитие медицинского института (бывшее Тихомировское), где впервые на один или несколько дней остановился Булгаков в конце сентября 1921 года, «приехав в Москву навсегда».

41. Фрунзенский вал, д. 50 — Новодевичье кладбище, на старой территории которого среди могил мхатовцев похоронены Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна Булгаковы.

42. Кутузовский просп., начало, правая сторона — Дорогомиловское кладбище. Не сохранилось. «Черная птица-шофер на лету отвинтил правое переднее колесо, а затем посадил машину на каком-то совершенно безлюдном кладбище в районе Дорогомилова» («Мастер и Маргарита»).

43. Киевский вокзал — с ним связаны первые впечатления Булгакова о Москве, отразившиеся в «Записках на манжетах», очерке «Сорок сороков».

44. Ленинские горы — «На высоте, на холме, между двумя рощами виднелись три темных силуэта. Воланд, Коровьев и Бегемот сидели на черных конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекою город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни Девичьего монастыря» («Мастер и Маргарита»).

45. Ленинградский просп., д. 40 — Военно-воздушная инженерная академия им. Жуковского. В Научно-техническом комитете ее в 1922 году работал Булгаков.

46. Г. Химки, Моск. обл., Правобережная ул., д. 6-а — Химкинская гор. больница № 1. Предположительно, «клиника профессора Стравинского». «Когда в приемную знаменитой психиатрической клиники, недавно построенной под Москвой на берегу реки, вошел человек с острой бородкой и облаченный в белый халат, была половина второго ночи» («Мастер и Маргарита»).

47. Третьяковский пр., д. 11 — редакция газеты «Торгово-промышленный вестник», где Булгаков работал в декабре 1921 г. и январе 1922 г.

48. Чистопрудный бул., д. 6 — Министерство просвещения РСФСР, ранее — Наркомпрос РСФСР. «...Аркадий Аполлонович отпустил своего шофера у здания акустической комиссии на Чистых прудах...» («Мастер и Маргарита»).

49. Ср. Кисловский пер., д. 1, кв. 1 — адрес Б. С. Штейгера, прообраза барона Майгеля.

50. Ул. Маркса-Энгельса, д. 17 — «Через четверть часа к решетке в Ваганьковском подъехали три грузовика, и на них погрузился весь состав филиала во главе с заведующим» («Мастер и Маргарита»).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ПЕРСОНАЛИЙ

При составлении указателей автор применил собственную систему
для извлечения из текста информации, содержащейся
в нем в скрытом виде

- Аверченко А. Т. 124
 Авилов В. М. 171, 192
 Авилова Л. А. 192
 Аксаков К. С. 148, 149
 Алексей, наследник 62
 Ангарский Н. С. 164, 190
 Андреев Н. Е. 118, 122, 123
 Анненков П. В. 174
 Антипин Г. Г. 149
 Арцыбашев М. П. 21
 Асеев Н. Н. 177
 Атабеков А. Н. 178
 Ауслендер 177
- Бабель И. Э. 142
 Бальзак О. 180
 Баратов А. Л. 114, 118, 188
 Баратов Л. В. 118
 Баратова Н. В. 114
 Бартоломе К. М. 132
 Барышев 77, 88
 Басыров 143
 Башкина Л. Г. 88
 Бедный Д. 165
 Бейлис 39, 40
 Белозерская Л. Е. 102, 104, 105, 107,
 110, 111, 118, 135, 142, 143, 144,
 164—166, 187, 190, 193
 Бельи А. 139
 Беме Б. Р. 84, 186
 Беретти 71
 Бертенсон С. Л. 124, 125, 188
 Бец В. А. 71, 185
 Блок А. А. 139
 Блохин 88
 Блументаль Н. Л. 92
 Блюм В. И. 165, 190
 Богданов Б. И. 36—38
 — брат 38
 Боголепов 126
 Бокшанская О. С. 146
 Боулен Чарльз Э. 115
 Бредов 72
- Брейтман Р. М. 142
 Бриджес Питер С. 116, 187
 Брюсов В. Я. 139
 Брянская И. 65, 184
 Бубнов А. С. 115
 Буланов П. П. 120
 Булгаковы 23, 24, 26, 30—36, 58, 62, 63,
 86, 110—112
 — горничная в Киеве 30, 86
 — домработница в Москве 175
 — кухарка в Киеве 30, 86
 — прислуга в Никольском 45, 47
 — ребенок 45
 Булгаков А. И. 24, 26, 29, 30, 34
 Булгаков И. А. 32, 35, 36, 38, 57, 58,
 69, 71, 74, 80, 105
 Булгаков К. П. 30, 31, 37, 58, 71,
 73, 74, 80, 83, 88, 90—92
 Булгаков Н. А. 32, 35, 38, 57, 58, 69,
 71, 73, 80, 105, 158, 166
 Булгаков Н. П. 30, 31
 Булгаков П. И. 30
 — дочь 30
 — жена 30
 Булгаков С. И. 30
 Булгакова Варвара А. 32, 33, 58, 59,
 60, 61, 63, 69, 71, 73, 91, 107, 113
 Булгакова В. М. 23—26, 28—32, 34,
 36—38, 40, 57, 58, 60, 61, 63, 65,
 73, 76, 91, 93, 96, 97, 107, 150
 Булгакова Вера А. 31, 32, 58, 71, 73, 79,
 91, 113, 129
 — второй муж, Николай 32
 Булгакова Е. А. 30, 32—34, 39, 58, 59,
 60, 65, 106, 107, 113
 Булгакова Е. С. 11, 49, 78, 99, 112, 113,
 115, 117, 124, 125, 142, 144, 146—
 149, 174—182, 192, 193
 Булгакова И. М. 31
 Булгакова И. И. 35
 Булгакова И. Л. 30, 58
 Булгакова Н. А. 31—34, 36, 42, 51, 54, 58,
 60, 74, 82, 85, 88, 89, 91—94, 98, 106,

- 110, 112, 113, 129, 138, 146, 155, 156
 Буллитт Уильям С. 115, 116, 125
 Бурмистров А. С. 29, 30, 38, 44, 52—54, 66, 183—185, 189
- Вальтер А. П. 71
 Василевский И. М. 107
 Васильев М. Л. 114, 117, 122—124
 Васильев П. А. 135
 Вачнадзе Н. 144
 Венкстерн Н. А. 111
 Вербицкая А. А. 21
 Вертинский А. Н. 72
 Вертышев К. Н. 57, 58, 112
 Вертышева Т. К. 112
 — сын Виктор 112
 — сын Владимир 112
 Вильгельм 67
 Вильямс П. А. 111
 Виноградов 161
 Виноградская И. 188
 Владимиров см. Долгорукий
 Волошин М. А. 164, 190, 192
 Воскресенская В. М. см. Булгакова В. М.
 Воскресенский И. П. 24, 26, 30, 31, 37, 57, 58
 Второв Н. А. 114, 187
 Вулис А. З. 166
- Габричевский А. Г. 177, 192, 193
 Габричевский Г. Н. 192, 193
 Гаврилов (генерал) 77, 80, 81
 Гаврилов Д. 77, 80, 88
 Гаврилова Л. 77, 80, 81, 111
 Галанова Т. Г. 149
 Гдешинский А. П. 25, 36—39, 65
 Гдешинский Петр 65
 Гдешинский Платон П. 36—38, 65
 Гиреев Д. А. 13, 56, 71, 73, 79, 80, 83, 184—186
 Глаголев А. А. 36, 37, 62, 65
 Гладыревский Н. Л. 33, 39, 60, 91, 92, 93
 — жена 39
 — сестра 39
 Гладыревский Ю. Л. 39, 60
 Гоголь Н. В. 21, 148, 149
 Горький А. М. 139, 142, 150
 Горячева А. 94, 129, 130
 — сын 94
 Груздев И. А. 150
 Гудкова В. В. 65, 66, 184, 185, 191
- Давидович В. 19, 23, 26
 Давидович С. Н. см. Лаппа С. Н. (тетка)
 Давыдов Б. 32
 Давыдова В. А. см. Булгакова Вера А.
 Данилевский Г. П. 95
 (Данциг) тетка 165
 Дарвин Ч. 165
 Дарья 18, 95
 Деляр 82
- Диккенс Ч. 179
 Дмитриев В. В. 11, 146
 Дмитриева А. В. 146
 Дмитриева М. В. 146, 148
 Долгопятов Г. Я. 21, 183
 Долгорукий В. Н. 111, 135
 Достоевский Ф. М. 164
 Дреслер 67
 Дуся 94, 99
 Дэвис Джозеф Э. 126
 — жена 126
- Евангулов Г. Б. 86, 186
 Ежов Н. И. 119, 120
 Енукидзе А. С. 118, 119, 122, 126, 127, 140, 188,
 Ермолинский С. А. 144, 147, 149, 158, 162, 189, 191
 Ефимов Б. Е. 112, 113, 124
- Жданович 87
- Завадский Ю. А. 171, 191, 192
 Зайцев 17
 Залка Матэ 192
 Заяцкий С. С. 111, 134, 163, 177, 190, 192
 Земские 99, 110, 112, 138, 139
 Земская Е. М. 94, 98, 138
 Земская Е. А. 32, 185, 186, 188, 189
 — дочь Людмила 32
 — зять Марк 32
 — муж 32
 Земская М. Д. 93—95, 98, 99, 138
 Земская Н. А. см. Булгакова Н. А.
 Земская О. А. 32
 Земский А. М. 32—34, 42, 58, 60, 93, 94, 112, 138
 Земский Б. М. 93, 94, 98, 99, 111, 112, 138
 Земский В. Б. 94, 98, 138
 Зозуля Е. Д. 124
 Золя Э. 139
- Иванов А. И. 53
 Иванов В. В. 54
 Ивнев Р. 87
 Ильф И. А. 102
- Кайдаш Д. И. 121
 Калугин 141
 Калужский Е. В. 146
 Караева 177
 Карась 38, 61
 Карахан Л. М. 122
 Карум В. А. см. Булгакова Варвара А.
 Карум И. Л. 33
 — муж 33
 — второй муж 33
 — сын 33
 Карум Л. С. 32, 33, 58—61, 69, 91, 107
 — вторая жена 33
 — мать 33

- Катаев В. П. 33, 34, 100—103, 106, 110, 131, 183, 187
Кедрова 141
Келлер Билл 12
Кеннан Джордж Ф. 114, 116—118, 187, 188
Керенский А. Ф. 50
Кешка 17
Кибель А. Н. 108
— сын Владимир 108
Киров С. М. 173
Кисельгоф Д. А. 18, 100, 101, 112
Кисельгоф Т. Н. см. Лаппа Т. Н.
Клестов см. Ангарский
Коблянский В. П. 52
Козлов Н. И. 71
Кольцов М. Е. 112, 113, 124
Комов И. М. 132
Коморская А. В. 100, 112
Коморская З. В. 100, 101, 103—105, 110, 111
Коморский В. Е. 100, 101, 103, 105, 106, 110—112, 129, 187
Кончаковская И. В. 33, 65, 66
Кончаковский А. П. 65, 66
Кончаловский П. П. 103
«Корецкий Б. А.» * 73
Королева 124
Крешков А. П. 112, 113
Крешков И. П. 99, 110
Крешкова В. Ф. 99, 110, 111
Крешковы 99, 103, 110, 111, 129
Крупская Н. К. 94, 98, 140
Куликова П. Г. 121, 127
- Лакшин В. Я. 148, 149
Ланча 37
Лаппа 14—28, 35, 36, 40, 49—51, 57, 58, 91
Лаппа В. Н. 18—20, 49, 50, 57, 58
Лаппа Евгений Н. 15—20, 24, 25, 36, 49, 50, 85, 86
Лаппа Евгения В. 14—22, 25, 27, 28, 36, 40, 41, 49—51, 57, 58, 66, 75, 80, 112
Лаппа Екатерина Н. 14—17, 19, 39, 42, 112
Лаппа Елизавета 14—16, 19, 22, 24, 28, 41
Лаппа К. Н. 17—20, 40
«Лаппа Л. Л.» 80
Лаппа Н. (дед) 14—16, 19
Лаппа Н. Н. (брат) 17—20, 49, 50, 58
Лаппа Н. Н. (отец) 14—22, 27, 28, 36, 39, 40, 49, 51, 57, 58, 66, 104, 105
Лаппа С. Н. (сестра) 15—20, 41, 57, 58, 91, 112, 113
Лаппа С. Н. (тетка) 14—17, 19, 22—26, 28, 33, 112
- Лаппа Т. Н. 11—113, 129, 130, 139, 141, 150, 151, 155, 156, 160, 188, 189
Ларин И. Ф. 122
Лебедева С. А. 45, 47, 50
Левенталь А. Г. 114
Левшин В. А. см. Манасевич В. А.
Лежнев И. Г. 101
Ленин В. И. 138
Лермонтов М. Ю. 181
Листовничая И. В. см. Кончаковская И. В.
Листовничая Я. В. 63
Листовничий В. П. 33, 63, 64
Литвинов М. М. 115
Литовский 147
Лицарев М. А. 149
Лобачевская А. Н. 45
Луначарский А. В. 139, 175, 192
Любченко П. П. 88
Лямин И. И. 99
Лямин Н. Н. 11, 111, 134—136, 163—182, 190, 192, 193
Лямина А. С. 167, 169, 193
Ляminy 99, 129
- Маматов 141
Манасевич 108—112
Манасевич А. Б. 108, 130
— брат 108, 109
— прислуга 108, 109
Манасевич В. А. 13, 108—111, 130, 131, 187
— жена 108, 109, 111
Манасевич М. Я. 108, 110
Мандельштам Н. Я. 87, 167
Мандельштам О. Э. 87, 124, 168, 170
Манюшка 106
Марецкая В. П. 142
Мартынов А. В. 92
Масс В. З. 170
Махно Н. И. 75
Маяковский В. В. 166, 173
Медников А. 186
Мейерович 19
Метелев А. Д. 122
Милн Лесли 188
Миндлин Э. Л. 98, 187
Михайлова см. Лаппа Т. Н.
Младзинский 58
Моисеенко (Владикавказ) 78, 99
Моисеенко (Москва) 78
Мольер Жан Б. 171, 172, 191
Мориц Ю. П. 193
Мороз 173
Мягков Б. С. 111, 129, 131, 135, 136, 144
- Нейгауз Г. Г. 178, 193
Некрасов В. П. 33, 63, 183
Некрасов Н. В. 22
Немирович-Данченко В. И. 146
Нестеренко М. 177, 192

* В кавычки взяты имена вымышленных лиц.

- Николай II 62, 97, 167
 Николопулос И. 114, 126
 Никулин Л. В. 124
 Нолле А. П. 149
 Нюренберг Е. С. см. Булгакова Е. С.
- Обухова Н. А. 193
 Олеша Ю. К. 101, 105, 106
 Орахелашвили И. Д. 122
 Островский А. Н. 15, 81
- Паустовский К. Г. 83, 124, 186
 Пахотинская Е. В. см. Лаппа Е. В.
 Пахотинские 14
 Пейзулаевы 80, 89, 185
 Петлюра С. В. 66—68, 71, 72, 74
 Петров Е. П. 102
 Петров В. П. 149
 Петровский Ф. А. 111
 Пикассо П. 25, 49
 Пильняк Б. А. 87, 101
 Покровская А. И. 30
 Покровская В. М. см. Булгакова В. М.
 Покровский М. М. 31, 92, 141
 Покровский Н. М. 25, 31, 43, 46, 49,
 52, 74, 80, 91, 92, 107, 141
 — акушерка 92
 — горничная 92
 «Покровский Н. Н.» 80
 Поль П. Н. 88
 Понсова Е. Д. 165, 166, 191
 Понтович Э. Э. 178
 Попов П. С. 62, 73, 76, 81, 82, 107, 143,
 165, 170—173, 176, 178, 182, 184,
 190—193
 Поповы 107
 Проффер Элендея 82, 83, 87
 186, 188
 Прохорова 167, 169, 170
 Прохоровы 167
 Пушкин А. С. 84, 136, 169
- Раабен И. С. 97, 98, 129
 Райт Антони К. 82, 114, 117, 118, 123,
 127, 187, 188
 Распутин 97
 Рахманинов С. В. 88
 Роден О. 192
 Розмирович Е. Ф. 173
 Рудницкий К. Л. 104, 106
- Сакизчи К. 108
 Саркисов 178
 Саянский 107
 — жена 107
 Светлаев М. В. 34
 Светлаева В. М. 34
 — муж 34
 — сын 34
 Светлаева Е. А. см. Булгакова Е. А.
 Серафимович А. С. 139
- Сергеев-Ценский С. Н. 150
 Сильва П. 188
 Симонов К. М. 147
 Скоропадский П. П. 39, 54, 60, 68
 Слезкин Ю. Л. 54, 80—84, 86, 100, 101,
 104, 106, 185
 Слезкин Ю. Ю. 87
 Смердяков 165
 Смирнов В. А. 122
 Смолич 124
 Соболевский 78
 Соколова В. С. 118
 Сорокина В. Д. 121
 Спиридонов И. П. 139
 Сталин И. В. 112, 113, 166, 173
 Станицын В. Я. 164—166, 190, 191
 Стаханов А. 193
 Стеклов М. 43, 183
 Столыпин П. А. 26
 Стонов Д. М. 101
 Стронский Н. М. 181, 193
 Субоч 158
 Судзиловский Л. 58, 61
 Сынгаевская В. 38, 61
 Сынгаевская И. 62
 Сынгаевская (мать) 38, 61
 Сынгаевский Н. 38, 61, 62, 69
- Татищева 142
 Твен М. 95
 Толстая А. И. 171, 172, 192, 193
 Толстой А. Н. 100—102, 105, 129, 173
 Толстой Л. Н. 164, 171
 Топленинов С. С. 111, 135, 144, 192
 Трошков Е. Ф. 45, 47, 52, 53
 Тумская 165, 190
 Турбина А. И. см. Покровская А. И.
 Тургенев И. С. 22
 Туркул В. 78
 Туркул О. 78
- Уайли Айрина 116, 117
 Уайли, советник 117
 Ушакова Н. А. 111, 134—136, 144, 146,
 163—182, 190—193
 Ушакова О. А. 193
- Файман Г. С. 76
 Фриновский М. 122, 188
- Хендерсон Лой У. 127
 Хинкулов Л. 23, 29, 63, 183, 184
 Холодная В. 52
 Хургес Л. Л. 167, 168, 191
- Цукерман В. М. 122
 Цыбусов М. П. 131
- Чайанов А. В. 135
 Чеботарева В. А. 82
 Чехов А. П. 16, 84, 102

- Чибиряк В. 40
 Чудакова М. О. 36, 44, 51, 60, 76, 82,
 83, 87, 92, 106, 125, 161, 183—191
 Чуковский Д. Н. 146
 Шаляпин Ф. И. 16
 Шамаро А. 129, 131, 135, 136, 143, 144
 Шапиро Э. М. 142
 Шапиро Я. Е. 142, 143
 Шапошников Б. В. 111, 165, 191
 Шеболдаев Б. П. 122
 Шервинский С. В. 111, 193
 Шиловская Е. С. см. Булгакова Е. С.
 Шиловский Е. А. 125
 Шиловский Е. Е. 49, 125
 Шиловский С. Е. 49, 174, 175, 178—182,
 187, 193
 Шифф Н. Ю. 103, 105
 Шмеман Серж 114
 Шмидт 19
 Штейгер Б. С. 117—127, 140
 — служанка Татьяна 121
 Штейгер С. Э. 124
 Штейнах 92
 Штейнгель 118, 125
 Шюзвиль Жан 164, 190
 Эйхгорн 67
 Эрдман Б. Р. 170
 Эренбург И. Г. 124
 Эрлих А. И. 139
 Юткевич С. И. 124
 Юхт В. Л. 91
 Ющинский 40
 Ягода Г. Г. 120, 121
 Язев С. 19
 Язева И. С. 19, 39, 112
 — дочь Наталия 112
 — муж 112
 — сын Юрий 112
 Яновская Л. М. 29, 38, 44, 54—56,
 65, 76, 77, 80, 82, 85, 86, 183—186
 Яновский, проф. 35
 — дочь 35
 Despois 172
 Grimarest 172
 Владикавказ:
 — казачий генерал 77
 — медсестра детского дома 88
 — начальник милиции 88
 Вязьма:
 — медсестра больницы 53
 Киев:
 — виолончелист 38
 — прообраз Шервинского 39, 60, 61
 Москва:
 — атташе военный посольства
 США 115
 — Г. 104
 — Государственный Секретарь
 США 127
 — К. 104, 106
 — посол Великобритании 126
 — посол Турции 125
 — посол Франции 125
 Муравишники:
 — священник 46
 — — дочь 46
 Никольское:
 — соседки-помещицы 44
 Саратов:
 — казначей 18
 — — жена см. Дарья
 — революционер 19

УКАЗАТЕЛЬ МОСКОВСКИХ АДРЕСОВ (НУМЕРАЦИЯ ДОМОВ СТАРАЯ)

- Аксакова пер. 133, 145
 Александровский сад *
 Арбат ул. 15, 125, 140, 141, 145—147
 Арбат ул., д. 26, 145, 146
 Арбат ул., д. 54/2, 147
 Арбатская пл. 128, 133, 140, 141
 Арбатский пер. 142
 Бабьегородская плотина 136
 Бронная Малая ул. 99, 103, 131, 132, 187
 Бронная Малая ул., д. 32, кв. 2*
 Бронная Малая ул., д. 32, кв. 24, 99, 129
 Ваганьковский пер., д. 17*
 Вахтангова ул. 146, 147
 Вахтангова ул., д. 6, 146, 147
 Власьевский Большой пер. 145
 Власьевский Малый пер., д. 9, 146
 Власьевский Малый пер., д. 12, 145, 146
 Волоколамское шоссе 138
 Ворьбьевы горы 148
 Воротниковский пер., д. 1, кв. 2 94, 98, 99,
 138, 139
 Герцена ул. см. Никитская Большая ул.
 Гнездниковский Большой пер. 99
 Гнездниковский Большой пер., д. 10 99
 Гнездниковский Малый пер., д. 9 139
 Городок Моссовета, 4-я линия, д. 8,
 кв. 3 32

* Адреса, отмеченные звездочкой, см. в тексте к схеме булгаковской Москвы на вкладке.

Дорогомилово 130

Елоховская ул. 119

Ермолаевский пер. 128, 131, 132

Жолтовского ул. см. Ермолаевский пер.

Калошин пер. 146

Каретный Малый пер., д. 9, кв. 1 34

Кирова ул. см. Мясницкая ул.

Кисловский Средний пер., д. 1, кв. 1 120,
121

Китайский проезд*

Козихинский Малый пер. 100, 105, 129

Козихинский Малый пер., д. 12, кв. 12
100, 105, 129

Кропоткинская наб. см. Пречистенская
наб.

Кропоткинская ул. см. Пречистенка ул.

Крыленко ул. см. Обыденский 1-й пер.

Кутузовский просп. 130

Лаврушинский пер., д. 17 147

Ленинградское шоссе 98, 137, 138

Ленинградское шоссе, д. 54 (ныне 40)
98, 138

Ленинские горы см. Воробьевы горы

Леонтьевский пер., д. 6*

Лёвшинский Малый пер., д. 4, кв. 1 135

Мансуровский пер., д. 9 143—145, 195

Маркса просп.*

Маркса-Энгельса ул. см. Ваганьковс-
кий пер.

Маяковского пл. 129

Маяковского пл., д. 2*

Мицкевича Адама ул. см. Патриарший
Большой пер.

Москва-река 136

Москворецкая наб.*

Мясницкая ул. 43

Нащокинский пер., д. 3/5, кв. 44 116,
133, 172, 192

Никитская Большая ул., д. 6 *

Никитская Большая ул., д. 46 32, 110,
129, 143

Никитские ворота 132

Обухов пер. 31, 43, 91, 92, 141—143

Обухов пер., д. 1, кв. 12 31, 43, 91, 92, 141

Обухов пер., д. 4 143

Обухов пер., д. 6, кв. 22, 142, 143

Обухов пер., д. 9, стр. 2, кв. 4 110, 142

Обухов пер., д. 10 143, 146

Обыденский 1-й пер. 133

Обыденский 2-й пер. 133

Остоженка ул. 133

Остоженка ул., д. 7, кв. 47 133, 134

Остоженка ул., д. 7, кв. 66 134—136,
163, 164, 166

Остужева ул., д. 17, кв. 2 131

Патриаршая аллея 99, 131

Патриарший Большой пер. 132, 187

Патриарший Малый пер. 132

Патриарший пруд 99, 100, 103, 109, 129—
133, 187

Петровские линии 178

Петровский парк 98, 138

Пионерский Большой пер. см. Патриар-
ший Большой пер.

Пионерский Малый пер. см. Патриарший
Малый пер.

Пионерский пруд см. Патриарший пруд

Пироговская Большая ул., д. 35-а, кв. 6
148, 192, 193

Пироговская Малая ул., д. 18 93, 148

Плотников пер., д. 10/28 143

Пречистенка ул. 110, 133, 169

Пречистенка ул., д. 26 141

Пречистенская наб. 136

Пушкинская пл. 136

Разгуляй 165, 191

Савеловский пер. см. Савельевский пер.

Савельевский пер. 133, 134, 136

Савельевский пер., д. 12, кв. 66 см. Ос-
тоженка ул., Д. 7, кв. 66

Садовая Большая ул. 93, 94, 95, 132

Садовая Большая ул., д. 10 93—95, 103,
108—110, 138

Садовая Большая ул., д. 10, кв. 26 111, 112

Садовая Большая ул., д. 10, кв. 34 108—
111, 129, 130

Садовая Большая ул., д. 10, кв. 41 94

Садовая Большая ул., д. 10, кв. 47 139

Садовая Большая ул., д. 10, кв. 50 93—
95, 98, 99, 108, 109, 129—131, 147

Свердлова пл., д. 2 *

Сивцев Вражек пер. 15 146

Сивцев Вражек пер., д. 22 146

Сивцев Вражек пер., д. 45/26 143

Скатертный пер. 100, 137

Смоленская пл. 147

Собачья площадка 31

Спасоесковская площадка, д. 10 114—
120, 125—127, 147

Спиридоньевская ул. 132

Сретенский бул., д. 4 (ныне 6) 139, 140

Станиславского ул. см. Леонтьевский пер.

Страстной бул. 136, 137

Танеевых ул. см. Власьевский Малый
пер.

Тверская ул. 97, 98, 136, 137, 139

Тверская ул., д. 73 97, 98, 129

Тверской бул. 136, 137

Тверской бул., д. 25 136, 137

Толстого Алексея ул. см. Спиридоньев-
ская ул.

Третьяковский пр., д. 11 140
Трехпрудный пер. 131
Трубный пер. 178
Фрунзе ул. 148
Фрунзенский вал, д. 50 148, 149
Фурманова ул. см. Нащокинский пер.
Химки, Правобережная ул., д. 6-а 138, 139

Художественного театра пр., д. 3 *

Чистопрудный бул., д. 6 119, 140
Чистые пруды 119, 131, 140
Чистые пруды, д. 6 см. Чистопрудный бул., д. 6
Чистый пер. см. Обухов пер.
Оужинский пер. 32, 129

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. А. БУЛГАКОВА

Автобиография 1924 г. 82, 128
Автобиография 1937 г. 82
«Адам и Ева» 173
«Багровый остров» 175, 190, 192
«Батум» 173, 176
«Бег» 70, 76, 82, 128, 166, 173, 189, 190
«Белая гвардия» 26, 33, 37—39, 56, 58—72, 79, 85, 86, 89, 91, 104, 107, 110, 111, 124, 128, 134, 158—161, 164, 184—189, 192
«Блаженство» 166, 193
«Богема» 82, 89, 186
«Братья Турбины» 79, 85, 86
«Вероломный папаша» см. «Глиняные женихи»
«В ночь на 3-е число» 62, 70, 159, 160, 161, 184, 189
«Война и мир» 173
«Вьюга» 46, 183
Глава из романа. Письма 176, 192
«Глиняные женихи» 85, 87
Грамматика (учебник) 34
«Грядущие перспективы» 76
«День восхищения» 70, 79, 185
Диспут о Пушкине см. «Пушкин» (диспут)
Дневник Булгакова см. «Под пятой»
«Дни Турбиных» 66, 70, 75, 85, 86, 111, 112, 118, 125, 128, 163, 164, 175, 178, 190, 192, 193
«Дон Кихот» 173, 180, 193
«Дьяволиада» (повесть) 110
«Дьяволиада» (сборник) 104, 110, 134, 186, 187, 188
«Евгений Онегин» 97
«Женщина и змея» 48, 53, 156
«Жизнь господина де Мольера» 128, 171—173, 191
«Записки земского врача» (1921 г.) 96, 97

«Записки на манжетах» 82—90, 97, 110, 128, 139, 186, 187
«Записки юного врача» (1925—1927) 43—46, 48—50, 52, 54, 55
«Звездная сыпь» 183
«Зеленый змей» 124, 156
«Зойкина квартира» 103, 105, 106, 164—166, 173, 175, 190, 192
«Иван Васильевич» 173, 178—180, 193
«Кабала святош» 70, 128, 166, 180, 191, 193
«Киев-город» 56, 184
«Копыто инженера» (см. также «Мастер и Маргарита») 187
«Красная корона» 70, 80, 158, 160, 161, 185, 189
«Крещение поворотом» 183
«Мастер и Маргарита» (см. также «Копыто инженера») 11, 21, 70, 95, 103, 108, 109, 111, 112, 114—141, 143—148, 161—163, 166—170, 173, 175, 181—189, 192
«Мертвые души» 173, 191
«Мольер» см. «Кабала святош»
«Морфий» 48—50, 52, 54, 55, 183
«Москва торгует» 97
«Москва 20-х годов» 100, 187
«Муза мести» 97
«Наброски земского врача» (1919 г.) 124
«Налет» 70, 159—161, 189
«Неделя просвещения» 79, 82, 186
«Недуг» 54, 96, 97, 124
«Необыкновенные приключения доктора» 70, 82, 97, 158, 160, 186, 189
«Огненный змей» 40, 155, 156, 158
«Парижские коммунары» 85, 87
«Первый цвет» 124, 156
«Под пятой» 11, 97, 98, 150, 151
«Полотенце с петухом» 44, 45, 183
«Полоумный Журден» 173, 191
«Последние дни» 173, 176, 180, 192, 193

«Похождения Светлана» 158
«Пропавший глаз» 183
«Пушкин» (диспут) 84
«Пушкин» (литературный вечер) 84
«Пушкин» (пьеса) см. «Последние дни»
Первые любительские литературные
опыты 37
Пьеса о Николае II и Распутине 97
Пьеса шуточная к свадьбе 35, 36

«Ревизор» 173
«Роковые яйца» см. «Роковые яйца»
«Роковые яйца» 40, 48, 75, 104, 110,
150—153, 160, 183, 188, 189
«Рыцарь Серафимы» см. «Бег»

«Самогонное озеро» 94, 95, 129, 130
«Самооборона» 85
«Серебряное горло» см. «Стальное горло»
«Собачье сердце» (повесть) 31, 91, 92,
128, 141, 142
«Собачье сердце» (пьеса) 190

«Спиритический сеанс» 99, 129, 187
«Стальное горло» 183
«Сыновья муллы» 85, 87, 89, 185
«Тайному другу» 70, 158—161, 166
«Театральный роман» 95, 101, 128, 187
«Трактат о жилище» 186
«Тьма египетская» 183

«Чаша жизни» 97
«Чеховский юмор» (литературный вечер)
84

«Яйца профессора Персикова» см. «Роко-
вые яйца»
«Я убил» 70, 159—161, 183, 189
«№ 13 — Дом Эльпитрабкоммуна» 95,
97, 108, 129, 130

Неизвестная публикация 19 ноября
1919 г. 76

ГЕРОИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. А. БУЛГАКОВА

Сокращения: БГ — «Белая гвардия»

ММ — «Мастер и Маргарита»

№ 13 — «№ 13 — Дом Эльпитрабкоммуна»

Абадонна (ММ) 114
Абрам (Налет) 159, 160, 161
Азazelло (ММ) 109, 114, 117, 119, 120,
147
Александр отец (БГ) 62
Алексей, наследник (БГ) 62
Альфред (Роковые яйца) 152
Анна Кирилловна (Морфий) 48, 50, 52,
54
Анушка (ММ) 95, 129, 130
Анушка (Театральный роман) 95
Анушка Пыляева (№ 13) 95, 130
Анюта (БГ) 61

Бакалейников (В ночь на 3-е число) 62,
159—161
Баррейн (№ 13) 108
Бегемот (ММ) 116, 119, 137, 147
Бездомный см. Поньырев
Берлиоз (ММ) 95, 99, 103, 112, 130—
132, 136
Босой (ММ) 108, 130, 166—170
Борменталь (Собачье сердце) 92
Бронский (Роковые яйца) 150

Василиса см. Лисович Василий
Вильгельм (БГ) 67
Влас (Морфий) 48
Воланд (ММ) 99, 103, 114, 117, 127,
132, 133, 139—141, 147, 148
Ворс (ММ) 170

Гелла (ММ) 177
Гензулаев (Богема) 89
Голубков (Бег) 161

Дарья Петровна (Собачье сердце) 92
Дунчилю (ММ) 169, 170
-жена 169, 170
-любовница см. Ворс

Зина (Москва 20-х годов) 100
Зина (Собачье сердце) 92, 141
Зойка см. Пельц

Иванов (Роковые яйца) 151
Иешуа (ММ) 70, 161, 162

Канавкин (ММ) 169
Карась (БГ) 38, 61, 62
Коровьев (ММ) 114, 119, 120, 137,
147, 148
Курицкий (БГ) 72

Латунский (ММ) 147
Лисович Ванда (БГ) 63
Лисович Василий (БГ) 33, 63, 64, 67
Лиходеев (ММ) 130

Майгель (ММ) 114, 117—127, 140
Максим (БГ) 158
Малышев (БГ) 62
Манюшка (Зойкина квартира) 106

- Манюшка (Москва 20-х годов) 100
 Маня (Роковые яйца) 154, 155
 Маргарита (ММ) 115—117, 130, 145—148
 -муж 145
 Марго см. Маргарита
 Мастер (ММ) 143, 145, 148
 Мефистофель 103
 Мышлаевский (БГ) 61, 62, 158
- Най-Турс (БГ) 62
 Николай (Красная корона) 70, 158, 159, 161
 Николай II 62, 97
 Нилушкин (№ 13) 95
- Павловна (Самогонное озеро) 94, 130
 Панкрат (Роковые яйца) 152
 Пельц (Зойкина квартира) 103, 105, 165
 Персигов (Роковые яйца) 150—152
 Петлюра (БГ) 66
 Пилат (ММ) 21, 70, 161, 162
 Покобатько (ММ) 119
 Полайтис (Роковые яйца) 156
 Поляков (Морфий) 48—50, 52, 54, 55,
 Понырев (ММ) 99, 129, 132, 133, 136,
 137, 139, 141, 143, 145
 Пороховникова (ММ) 169
 Преображенский (Собачье сердце) 31,
 91, 92, 141
 Пыляева см. Аннушка Пыляева
- Распутин 97
 Рейсс (БГ) 61
 Рокк (Роковые яйца) 152—155, 160
 Русаков (БГ) 64
 Рында Жень (Братья Турбины) 85
 Рында Кэт (Братья Турбины) 85
 Рюхин (ММ) 136
- Сатана см. Воланд
- Семплеяров (ММ) 119, 127, 140
 -жена 119
 -любовница см. Покобатько
 Серпилин (Бер) 70
 Стравинский (ММ) 137, 138
 Стрельцов (Налет) 159
 Суржанский (БГ) 58, 61, 62, 66
- Тальберг Елена (БГ) 58—60, 62, 68
 Тальберг Сергей (БГ) 56, 58, 60, 107
 Турбины (БГ) 57, 58, 62, 64, 183
 -Алексей 54, 58, 62, 63, 67, 68, 70,
 158, 183, 184
 -Анна Владимировна 26
 -Елена см. Тальберг Елена
 -Николка 58, 62, 68, 70, 160
- Фагот см. Коровьев
 Фужере (ММ) 130
 Фурман (Тайному другу) 159
- Хлудов (Бер) 70
 Христи (№ 13) 108
- Шервинский (БГ) 39, 59, 60
 Шполянский (БГ) 124
- Шукин (Роковые яйца) 156
- Эйхгорн (БГ) 67
- Явшин (Я убил) 70, 159, 161
- артист-ведущий (ММ) 168
 библиотекарь (БГ) 64
 вагоновожатая (ММ) 103, 131
 немецкий офицер (Дни Турбиных) 164
 пан куренной (БГ) 159
 полковник (Я убил) 70, 159
 помощник поверенного (Записки на ман-
 жетах) 89

РАБОТЫ О БУЛГАКОВЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

Алмазный мой венец (Катаев) 34, 101—103, 110, 131, 183, 187
 Архив М. А. Булгакова (Чудакова) 183—186, 188—191

«Бросил звание с отличием и писал» (Яновская) 185
 Булгаков-читатель (Чудакова) 185
 Булгаковские места (Гудкова) 65, 66, 184, 185

Дневник Е. С. Булгаковой 11, 115, 117, 125, 168
 Дом на Андреевском спуске (Брянская) 65, 184
 Дом Турбиных (Некрасов) 33, 63, 183

Елена Сергеевна рассказывает (Лакшин) 149

Жизнеописание Михаила Булгакова (Чудакова) 187, 191
 Жизнь и творчество Станиславского (Виноградская) 188

Завещание Мастера (Виноградов) 161

К биографии М. А. Булгакова (Милн) 188
К биографии М. А. Булгакова. 1891—1916 (Бурмистров) 183—185, 189
Красная корона : М. Булгаков : предисловие (Яновская) 76, 185
К творческой биографии М. Булгакова. 1916—1923 (Чудакова) 183—187
«Куда я, туда и он со своим тромбоном» (Яновская) 30, 183

Мигрень (Долгопятов) 21, 183

Михаил Булгаков: документы к биографии (Проффер) 188

Михаил Булгаков. Жизнь и творчество (Райт) 117, 118, 187, 188

Михаил Булгаков и Алексей Турбин (Хинкулов) 23, 29, 63, 183, 184

Михаил Булгаков на берегах Терека (Гиреев) 13, 56, 71, 73, 79, 80, 83, 184—186

Михаил Булгаков. Письма к родным (Земская) 185, 186, 188, 189

Михаил Булгаков. Телефильм (Симонов, Чуковский) 97, 146

Молодой Михаил Булгаков (Миндлин) 187

Неизданный Булгаков. Сборник («Ардис», США) 104—107, 110, 187

-интервью Т. Н. Кисельгоф 13, 104—107

-интервью В. Е. Коморского 106, 107

-письмо Л. Е. Белозерской в редакцию журнала «Театр» 110

Несколько документов к биографии Михаила Булгакова (Яновская) 29

О Михаиле Булгакове (Ермолинский) 158, 162, 189

Письма М. А. Булгакова П. С. Попову (Гудкова) 170—172, 176, 191

Поездка в прошлое (Бурмистров) 52—54, 183, 184

Реалии фантастического действия (Мягков, Шамаро) 129, 131, 135, 136

Садовая, 302-бис (Левшин) 13, 109, 110, 130, 131, 187

Серьезность несерьезных ситуаций (Вулис) 166

Собрание соч. М. А. Булгакова в 10 т.: предисловие (Проффер) 83

Список прототипов героев «Театрального романа» (Шиловский) 101, 187

Стенограмма воспоминаний Т. Н. Кисельгоф (Паршин) 11—113, 151, 155, 156, 160, 188, 189

Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (Чудакова) 188, 191

Творческий путь Михаила Булгакова (Яновская) 54—56, 183—186

Фельетон на Булгакова (Катаев) 34

«Я стал отважным человеком» (Стеклов) 43, 183

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аида, опера (Верди) 141

Анатомический театр Университета Св. Владимира (Бец) 185

Большая советская энциклопедия 18

Василиса Мелентьева, пьеса 20

Венгерская рапсодия № 2 (Лист) 23

Венедиктов, или Достопамятные события моей жизни (Чаянов) 135

Ветхий завет 102

Вишневый сад, пьеса (Чехов) 16

Вокруг земного шара в 20 лет (Уайли) 116

Вокруг искусства (Бертенсон) 125, 188

Воспоминания (Мандельштам) 167, 168

Горе от ума, пьеса (Грибоедов) 81, 87

Данилевский, собр. соч. 95
Двенадцать стульев (Ильф, Петров) 102
Дневник «Лямина» 164—166

Жизнь за царя, опера (Глинка) 16

Ключи счастья (Вербицкая) 21

Литературные воспоминания (Анненков) 174

Мать (Горький) 139

Мещанин во дворянстве, пьеса (Мольер) 171, 191

Моцарт и Сальери (Пушкин) 20

На дне (Горький) 139

На страже завоеваний социализма (Фриновский) 122, 188

Новый завет 102

Омоложение, сборник 92

Островский, пьесы 15, 81

Пыльная дорога (Шюзовиль) 190

Руслан и Людмила, опера (Глинка) 23

Сборник воспоминаний о Паустовском (Медников) 83, 186

Советский энциклопедический словарь 118, 188

Спасо Хаус (Бриджес) 116, 187

Три сестры, пьеса (Чехов) 16

У камина, кинофильм 52

ЦРУ и использование разведки (Сильва) 126, 188

НАЗВАНИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Аврора 185

Белорусское эхо 67

Весь Киев 188

Вечерняя Москва 125

В мире книг 129, 136

Вопросы литературы 36, 183—187, 191

Встречи с прошлым 124

Вся Москва 120, 121, 146, 186, 188

Голос Киева 67

Грозный 76

Гудок 104, 189

Записки Отдела рукописей ГБЛ 183—
186, 188—191

Звезда 183, 184

Здоровье 183

Зори Кавказа 77

Известия 122

Известия АН СССР. Серия литературы
и языка 185, 186, 188, 189

Кавказ 81

Кавказская газета 185

Книга 186

Ковш 150

Коммунист 186

Контекст 183—185, 189

Красная нива 186

Красный журнал для всех 97

Литературная Россия 183, 184

Медицинский работник 183, 189

Мир 68

Москва 187, 191

Накануне 97, 184, 186, 187, 189

Наш современник 187

Новая вечерняя газета 97

Новый журнал 188

Новый мир *183, 192*
Нью-Йорк Таймс *12, 114*

Огонек *149*

Памир *187*
Правда *120, 122, 188*

Рабочая газета см. Рабочий
Рабочий *98*
Радуга *183, 184*
Россия *134, 186, 187*
Рупор *97, 186, 187, 189*

Советское искусство *180*

Театр *13, 109, 110, 130, 184—187, 189, 191*
Торгово-промышленный вестник *97, 140*

Элефтеротипия *114*

Юность *183, 185*

Foreign Service Journal *187*
Russian Literature Triquarterly *188*

СОДЕРЖАНИЕ

А. Вулис. Архивный детектив	5
Как появилась эта книга и что в ней особенного. <i>(От автора)</i>	11
Из семейной хроники Михаила Булгакова	13
Чертовщина в Американском посольстве в Москве	114
Город мастера	128
«Не наш человек»	150
Михаил Булгаков и Николай Лямин	163
Примечания	182
Указатель имен и персоналий	196
Указатель московских адресов	200
Произведения М. А. Булгакова	202
Герои произведений М. А. Булгакова	203
Работы о Булгакове и его творчестве	204
Другие источники и произведения	205
Названия периодических изданий	206

Литературно-художественное издание

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПАРШИН Леонид Константинович
**ЧЕРТОВЩИНА В АМЕРИКАНСКОМ
ПОСОЛЬСТВЕ В МОСКВЕ,
ИЛИ
13 ЗАГАДОК МИХАИЛА БУЛГАКОВА**

Редакторы: *В. Л. Сагалова, С. Л. Баяхчева*
Художественный редактор *И. К. Борисова*
Технический редактор *В. М. Скрёбнева*
Корректор *Л. Ю. Столярова*

ИБ 191

Сдано в набор 13.06.91. Подписано в печать 25.10.91. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага кн.-журн. д/офс. печ. 60 г. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,0+2,0 вкл. Усл. кр.-отт. 14,25+4,0 вкл. Уч.-изд. л. 14,69+1,59 вкл. Тираж 50 000 экз. Изд. № 451. Заказ № 2017. Цена 5 р.

Издательство «Книжная палата». 103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473 Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Как появилась эта книга, и что в ней особенного

После выхода в свет романа Булгакова «Мастер и Маргарита» хлынул поток литературоведческой и мемуарной литературы. Вороша эту грудку материалов, я с удивлением обнаружил, что ранний период жизни и творчества писателя почти неизвестен и, как правило, сопровождается эпитетом «темный». Еще оставался закрытым архив Булгакова в «Ленинке», еще не открывался доступ к дневникам его третьей жены Елены Сергеевны, еще покоился в КГБ дневник самого Михаила Афанасьевича, а вопросы наседали один на другой: где жил? у кого бывал? куда ездил? о чем разговаривал? как писал?..

Так появилась мечта найти первую жену Булгакова Татьяну Николаевну Кисельгоф. Слухи о ней распускали один страшнее другого: что она ведьма, никого не принимает, на письма не отвечает, где живет — неизвестно и вообще умерла. «Это все неспроста», — решил я и 6 мая 1981 года приехал к Татьяне Николаевне в Туапсе.

...Воспоминания Т. Н. Кисельгоф открывают предлагаемую читателю книгу. В следующих за тем четырех очерках раскрываются некоторые тайны и загадки творчества писателя, однако проку в том никакого: падение одной загадки рождает три новых, и так, наверное, без конца.

В начальном списке их насчитывалось тринадцать, а к чему мы пришли — судите сами.

Леонид Паршин